

СЕМЕЙСТВО

ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

Une morale que apporte de l'ennui,
Le conte fait passer le précepte avec lui.

ЛАФОНТАЙНЪ.

Скучно сухое правоученіе; но въ сказкѣ
охотно его выслушаютъ.

ЛАФОНТЕНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургич. Академіи.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ при
экземпляра. Москва, Февраля 12 дня, 1832 года.

Цензоръ Л. Цѣтаевъ.

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

« Point de milieu: l'hymen et ses liens

« Sont les plus grands des maux, ou des biens.

VOLTAIRE.

« Нѣтъ середины: супружество

« и узы его — или величайшее бѣд-

« сшiе, или величайшее счасшiе.

ВОЛЬТЕРЪ.

Въ продолженiе сего времени, Софья сама часно писала къ машери и сеспрамъ, и ошъ нихъ часно получала письма. Помѣщаемъ здѣсь одно ошъ Елисаветы, другое ошъ Кашерины. Письма сіи по-

служашъ къ изображенію характеровъ и жизни обѣихъ сестеръ.

Никольское, Февраля 12, 18...

Милый другъ, Софья!

Вмѣсто того, чѣмъ бытъ въ Москвѣ нынѣшнюю зиму, какъ надѣялась, я живу, въ смертельной скукѣ, въ Никольскомъ. Я просила моего ширана оппустишь меня въ Москву, хоша одну, на время; онъ все говоритъ свое; нынѣшній годъ были большія издержки; домъ опданъ въ наймы, и проч. — Онъ дѣлается часъ опъ часу несноснѣе. Все время проводишь онъ въ конюшнѣ, въ манежѣ, или на винокурennomъ заводѣ. Общество его соснавляютъ: конпорщикъ, съ своими счесами, и винокуръ, копорый, два, или три раза въ день, приносишь ему опвѣдывать запоры, или, какъ они называютъ, бражку, и очень важно бесѣдуетъ съ нимъ о чемъ — по мнѣ непонятномъ: дошла, или перекисла эша бражка. Уш-

ромъ и вечеромъ приходящъ къ нему, и доносящъ: главный его конюхъ о лошадяхъ, а псарь о собакахъ. Съ ними вспущаетъ онъ въ пріятельскій разговоръ, о томъ, копорая собака, или лошадь, нездорова, ошъ чего, и чѣмъ лечипь ихъ надобно. Вечера проводитъ онъ въ пріятной бесѣдѣ съ старымъ прикащикомъ и выборнымъ, разспрашиваетъ о работахъ, приказываетъ, что дѣлать на другой день, знаетъ поименно всѣхъ кресстьянъ, и кто изъ нихъ какъ живетъ, кто богашъ, и кто бѣденъ, кто лѣнивъ, кто чѣмъ промышляетъ. Все это благо-разумному моему супругу извѣстно. Не понимаю, какъ можно заниматьея такимъ вздоромъ! Къ довершенію всего, часпо вижу я за споломъ своимъ Исправника, Засѣдателей и Секретаря. Всѣхъ ихъ принимаетъ онъ вѣжливо, и въ особенноспи Секретаря угощаетъ и поитъ безпре-шанно, правникомъ и наливками. Между шѣмъ, я одна, среди эспихъ живошнихъ, къ числу копорыхъ охотно при-

соединяю и мужа моего, сижу и зѣваю въ великолѣпной моей госпиной! Англичанка, компаньѣнка моя, Миссъ Клокъ, бывшая прежде общею нашею гувернаншкою, соспавляешъ дуэшь со мною: мы съ ней обѣ зѣваемъ, и опшводимъ, что называешся, душу, шѣмъ, что обѣ на-перерывъ ругаемъ моего мужа, за скупость и глупость его. Миссъ Клокъ и Фиделька, собачка моя, еще покамѣспъ моя опрада: первая нравишся мнѣ по-тому, что принимаетъ учаспіе въ моемъ горѣ, и мы вмѣспѣ съ нею бранимъ моего мужа, а милую Фидельку люблю я за то, что она шерпѣшь его не можешь, и всегда на него лаешъ. По ушрамъ играемъ мы съ Миссъ Клокъ въ билльардъ, или ходимъ изъ комнашы въ комнашу; по вечерамъ раскладываемъ гранъ — пасьянсъ, или играемъ въ пикешъ. Приглашала я къ себѣ погоспишь, сама не знаю зачѣмъ — для шого, казалось мнѣ, чшобы она иногда болшала — одну бѣдную дворянку, сосѣдку нашу. У насъ ихъ большое изоби-

ліе: въ селѣ, куда мы прихожане, болѣе дворянскихъ, чѣмъ крестьянскихъ домовъ. — Но эта барыня надобла мнѣ до смерти угодливною своею. На все она соглашается. Ежели я что нибудь скажу, потчасъ отвѣтъ: «Такъ, матушка, Ваше Сімпельспиво; вы изволите, В. С., правду говоришь.» Вяжетъ себѣ чулокъ, ни въ какія игры, кромѣ Дурачковъ, *незнаетъ*, и шутъ, когда играетъ со мною, или съ *Саррою Карловною* (такъ называетъ она Миссъ Клокъ), то боится прогнѣвить меня, и всегда нарочно сама оспрашивается въ дуракахъ. Разказы ея заключающся въ томъ, что у нея есть баба Акулина, копорая масшерица дѣлаетъ квасы и печь вапрушки; что съ мужикомъ ея Сидоркою что-то случилось, или что приходскій нашъ Священникъ, Лука Яковлевичъ, тогда-то женился, и что она помнитъ его еще семинариспомъ, и прочее тому подобное. Ты можешь себѣ вообразить, какъ пріятно общество этой *паразитки*,

или, какъ въ деревняхъ называють, *прихлѣбательницы*! Если-же когда бывало подарю я ей старое свое платье, или Князь великъ отвезши къ ней какой нибудь чепчикъ гороху, или крупъ, она цѣлуешь мои ручки, и чуть-чуть не кланяется ему въ ноги. Еще я вздумала было взять въ фаворитки одну дворовую дѣвочку. Рожица ея мнѣ понравилась, но она скоро мнѣ надоѣла. Терпѣть не могу ребячишекъ: я прогнала ее опять въ избу. Ты сама знаешь, что я не люблю никакого рукодѣлья. Книжки мнѣ также наскучили. Твой любезный С. Ламбертъ—копораго ты совѣтовала мнѣ читать, и въ особенноссти хвалила въ его *Catéchisme universel* главу: *Devoirs mutuels des époux* (о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ)—очень скученъ: такая сухая, обвѣщала мораль! Сочиненія Фенелона, Жанлисъ, Эджевортъ, и проч., что позволяла читать намъ маменька, знаю наизусть. Любимый и модный нынѣшній авторъ,

Вальшеръ Скопшъ также надоѣлъ. Велика мнѣ нужда знать, что было нѣсколько сошъ лѣтъ тому въ Шотландіи! Это не облегчитъ и не уменьшитъ моей несноснѣйшей, теперешней скуки въ Никольскомъ. Впрочемъ, я прочла все, что только у меня было изъ романовъ Вальшеръ Скопша. Думала было найдши что нибудь новое у моего мужа, но библіотека его дѣдушки и папеньки состоитъ изъ старинныхъ Русскихъ книгъ, которыхъ, разумѣется, читаешь нѣтъ никакого терпѣнія, а супругъ мой присоединяетъ къ собранію этой рухляди, покупаемая имъ, вновь выходящія книги о земледѣліи и о винокуренныхъ заводахъ. Спала было я иногда играть на фортепіано, но замѣтила, что мужъ мой любитъ музыку; послѣ этого тотчасъ заперла я фортепіано. Онъ находитъ удовольствіе мучить меня, заспавилъ меня сидѣть зиму въ деревнѣ, и—я ему оплачиваю пѣмъ же.

Иногда, для прогулки, отправляюсь

я скучашь и зѣвашь къ моимъ сосѣдамъ , попому , что всѣ порядочные люди уѣхали въ Москву.

Въ день моего рожденія Князь исполнилъ свое обѣщаніе: пригласилъ обѣдашъ сосѣдей; но , еще повпоряю — никого порядочныхъ не оспалось. Явилось къ намъ нѣсколько неуклюжихъ помѣщиковъ , съ женами и дочерьми , которыя вѣкъ живушъ въ деревнѣ — очень пріятное общество! Мужчины полковали о цѣнахъ хлѣба , о замолопахъ , о приѣздѣ Губернатора , который былъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ по какому - то слѣдствію ; рассказывали , гдѣ и какой онъ нашелъ безпорядокъ , и кого бранилъ изъ Судей. Съ дамами должна была я бесѣдовать о томъ , какъ онѣ варяшъ варенье , и слушапъ , какъ лучше сохраняшъ впрокъ разные запасы. Я очень была рада , когда всѣ уѣхали. Полкъ , кошорый споишъ у насъ въ уѣздѣ , ходилъ куда - то на смошрѣ , или

въ караулъ, и никого изъ офицеровъ у насъ не было.

Мужъ мой, замѣчая, что мнѣ чрезвычайно скучно, спавишъ въ примѣръ свою мамъ. «Мамушка,» говоришъ онъ, «вѣкъ свой жила одна въ деревнѣ, но всегда бывала весела, и находила занятіе.» Эта старая дура, какъ мнѣ сказывали, проводила время очень пріятно. Почти все упрю, запершись въ своемъ кабинетѣ, молилась она Богу, Потомъ лечила больныхъ креспьянъ, входила во всѣ подробности хозяйства, сама варила варенья, выдавала на кухню сахаръ и другую провизію. Богъ съ ней! Зачѣмъ не искалъ себѣ достойный сынъ ея жены, похожей на нее?

Не смолря на несносную мою поску, мужъ мой увѣренъ, что я совершенно счастлива, шѣмъ, что имѣю честь бытъ *Княгинею Рамирскою*, что я хозяйка въ огромномъ его домѣ, что у меня прекрасныя лошади и экипажъ, которыми я могу располагать по моей волѣ. Многія

знакомыя мнѣ дѣвушки завидуютъ, что я соспавила такую блистательную партию; но ежели-бы знали онѣ, какова жизнь моя, ежели-бы чувствовали, какъ часто я сама имъ завидую, въ особенноспи-же сеспрѣ Капинькѣ!... Письма ея меня утѣшаютъ. Она въ тысячу разъ умнѣе, что вышла не за богатаго и знающаго, а за умнаго и добраго человека.

Но я замѣчаю, что всема длинное письмо мое заключаешъ въ себѣ однѣ только жалобы. Ожидаю, что ты будешь бранишь и упрекашь меня, какъ я не умѣю быть счастлива въ томъ состояніи, въ которомъ, по волѣ Провидѣнія, нахожусь. Это обыкновенная твоя мораль; но хорошо такъ говорить, не испытавши самой, каково жить весь вѣкъ съ упрямымъ и сумасброднымъ дуракомъ! — Однакожъ, да будешъ тебѣ извѣстно, что мы теперь не такъ часто, какъ прежде, ссоримся съ моимъ супругомъ, ошъ

ного, что рѣдко бываемъ вмѣстѣ. Онъ приходитъ въ чрезвычайной усталости, изъ манежа, или съ завода, передъ самымъ обѣдомъ, пьетъ свою рюмку правнику, и кушаетъ весьма преряточно. Послѣ обѣда садится въ диванной на большія кресла, спокойно засыпаетъ, и храпитъ часа полтора, а я въ это время, или шожу дѣлаю, или плачу съ досады. Вотъ тебѣ журналъ жизни веселой и милой Елисаветы Холмской (шакъ меня прежде называли)! Не правда-ли, что она очень счасливa? Богъ, за молишвы ея родишельницы, какъ говорили сшарая моя няня и приходскій нашъ Священникъ, шакъ хорошо ее приспособилъ. Ежели у меня будушъ дочери, чего я совсѣмъ не желаю, шо вѣрно ни одна изъ нихъ не выйдешъ за-мужъ. Тебѣ шожу совѣшую. Будь здорова. Увѣдомъ меня о Московскихъ новостяхъ и о послѣднихъ модахъ. Мы здѣсь, въ глуши, ничего не знаемъ. Я думаю, что когда

ты возвратишься изъ Москвы, то я
покажусь тебѣ уродомъ.

Вѣрнѣйшій другъ твой и сестра,

Княгиня Елисавета Рамирская.

Февраля 14-го 18... Приютово.

*Милый, истинный другъ мой, и по-
зтеннѣйшая сестра!*

Я виновата, что давно не отвѣчала
на письмо твое. Мужъ мой въ это
время былъ не очень здоровъ, пропу-
дился, ѣздилъ къ брату Алексѣю.
Теперь, благодаря Бога, совсѣмъ выз-
доровѣлъ. Что тебѣ сказать, милый
другъ мой? Я счастлива, счастлива и
счастлива. Впрочемъ, ты сама знаешь
деревенская жизнь такъ единообразна,
что всякій день одно и то же. Но имѣя
добраго и милаго мужа, чего еще же-
лаешь на свѣтѣ? Оспасаешь только без-
престанно благодарить Бога, за не-
изреченную Его милость.

«Въ первые мѣсяцы моей беременно-
сти я чувствовала себя не очень здо-

ровою. Маменька все это время прожила съ нами. Хопѣла было она поѣхать въ Никольское, къ сеспрѣ Лизанькѣ, но сеспра не настоятельно просила, а мужъ ея и совсѣмъ не приглашалъ. Извѣстія о нѣхъ не весьма пріятны. Можешъ бытъ, Лизанька скрыла о нѣхъ тебѣ, что она также была беременна, но выкинула, о нѣхъ неопорожностью своей, чему, какъ она пишешъ, весьма рада, пошому что, по мнѣнію ея, дѣти — несносное иго. Но мужъ ея былъ очень огорченъ: ему хопѣлось имѣть наслѣдника. Какія различныя мысли и желанія! Чтобы я чувствовала, ежели-бы со мною случилось такое несчасіе!

Съ неперпѣніемъ ожидаю я весны, когда ты, милая Соничка, по обѣщанію твоему, приѣдешъ къ намъ, вмѣстѣ съ пешушкою, въ Пріюшово! Ты еще ни разу не видала Пепрушу моего у себя дома, хозяиномъ. Лизанька сообщашешъ мнѣ, что она часто въ пись-

махъ своихъ совѣшуешъ тебѣ не выходишь никогда за-мужъ. Пріѣзжай въ Пріюшово: ты на самомъ опытѣ, смотря на насъ, увѣришься, что совѣсы ея несправедливы.

На дняхъ, удостоилъ обѣдать у насъ бранъ Алексѣй. Найдя довольно хорошій и вкусный столъ, онъ нѣсколько удивился, а когда спали подавали супъ, и потомъ малагу, то сказалъ намъ, что мы очень роскошничаемъ, и что даже у самого Князя Бориса Мамвѣевича, когда обѣдаютъ въ своей семьѣ, ничего, кромѣ домашнихъ наливокъ, не подаютъ. Мужъ мой, обративъ это въ шутку, отвѣчалъ, что всякій живетъ по своему. Впрочемъ, Алексѣй довольно охотно пилъ и хвалилъ наше вино. — Вотъ о какомъ вздорѣ я пишу къ тебѣ! Но еще повторю: въ деревнѣ такое единообразіе, что ничего интереснаго сообщить тебѣ не имѣю, кромѣ того, что я счастлива, и ты вѣрно съ удовольствіемъ прочтешь это.

» Я послала къ тебѣ, и къ тетпушкѣ, съ обозомъ нашимъ, который, дня при- шому, отправился къ вамъ въ Москву съ овсомъ, нѣсколько банокъ соленыхъ грибовъ, вишенъ и пикулей; кушайте на здоровье: великій посыль скоро приближается. Не знаю, понравится ли вамъ: это первый мой опыль. Боюсь только, чшобы дорогою, въ неперешніе морозы, не испортилось, и чшобы банокъ не разби́ли. Я сама укладывала, и очень просила спаросту беречь. Будь здорова, милый другъ мой, и вѣрь, что люблю и уважаю тебѣ ошъ всей души,

вѣчно преданный тебѣ другъ и сестра,

Катерина Аглаева.

Р. S. У почтенной тетпушки цѣлую руки.»

Два письма сіи, полученные въ одно время, произвели надъ Софьею прошиво-положное впечатлѣніе. Она видѣла, что неосшорожностъ, вѣтренностъ и безразсудные поступки Елисавешы навлекутъ

на нее большія бѣдствія; что мужъ ея утомился наконецъ непрерывными не-непріятностями, и, можешь быть, послѣдняя искра любви его скоро исчезнетъ. Она хотѣла было пошчасъ ѣхать къ сестрѣ, но, размысливъ, должна была признаться, что всѣ совѣты ея оспались безъ уваженія, и что она никакой пользы приѣздомъ своимъ не сдѣлаетъ. Въ утѣшеніе, воображала она, какъ счастлива Каперица, въ смиренномъ и тихомъ своемъ уединеніи.

«Какого теперь ты мнѣнія о супружествѣ и о дѣвичьей жизни?» сказала Свѣяжская, прочитавъ оба письма сестеръ ея.

— Я думаю—отвѣчала Софья — все тоже. Во всякомъ состояніи можно быть счастливою, и это именно отъ насъ зависитъ. Капичка благополучна, а Лизанька спрадаетъ и несчастлива; но кто, и въ томъ и другомъ случаѣ, причиною? Разумѣется, онѣ сами. Удивляюсь Лизанькѣ: она, вы это знаете,

совсѣмъ не глупа, а не умѣешь распо-
 ложить себя, какъ надобно, чтобъ быть
 счастливою! Можешь бышь, я покажусь
 вамъ слишкомъ гордою, но думаю, что
 если-бы я была на ея мѣстѣ, то мог-
 ла-бы ужиться и бышь по возможности
 благополучною съ Княземъ Рамирскимъ.
 Мнѣ кажется, я доспигнула - бы своей
 цѣли, перемѣнила-бы характеръ и ис-
 правила недоспашки его, которые, на-
 прошивъ, опъ безразсудныхъ поступ-
 ковъ сестры пеперь часъ опъ часу бу-
 дущъ усиливашься. Можно-ли пакъ дѣй-
 ствовашъ съ человѣкомъ ума ограничен-
 наго, который, гордясъ своимъ богат-
 ствомъ и знапностію, воображаешъ, что
 онъ осчастливилъ дѣвушку, взявъ ее безъ
 приданаго, и что въ замѣнъ того имѣ-
 ешь все право требовашь опъ нее без-
 условнаго повиновенія? Людямъ шакого
 рода досадно, ежели шѣ, кому они, по
 мнѣнію ихъ, сдѣлали добро, не чувспву-
 юшъ эшаго добра и не безпреспанно вос-
 поминаюшъ объ ихъ благодѣяніяхъ. Ли-

занька, напрошивъ того, просно, безъ всякихъ околичностей, показываешь явное пренебреженіе къ мужу, и безпрерывно бѣсишь его. Впрочемъ, конечно, со стороны гораздо виднѣе, и совѣщавать легче, нежели самому дѣлать; но кажется мнѣ, что съ искусствомъ и нѣкоторою снисходительностію можно бы взявъ поверхность надъ Княземъ, и шѣмъ болѣе, когда такое искусство вспомоществуемо молодостью и красою. Лизанька поступаешь иначе, и я очень опасюсь, что она совсѣмъ потеряешь любовь и привязанность мужа.

«И, къ несчастію,» отвѣчала Свѣяжская, «потерявъ однажды любовь, никогда уже болѣе не возвратишь ее! Самолюбіе мужчинъ очень раздражительно: никогда не забываютъ они и не прощаютъ женамъ оскорбленій, ими сдѣланныхъ, хотя, напрошивъ, пребываютъ оныя женъ, чтобы онѣ безпрестанно ихъ прощали. Послѣ, всѣ усилія жены, къ приобретенію прежней довѣренности

и уваженія, будутъ безполезны, и тѣмъ болѣе еще, если между супругами есть посредники, которымъ они повѣряютъ жалобы свои другъ на друга, и если эти повѣренные захопятъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, и миришь ихъ, пошому, что признаніе при свидѣтеляхъ въ ошибку, или въ винѣ своей, есть самое пятоспное униженіе, оспавляющее на вѣкъ воспоминаніе, весьма непріятное и оскорбительное для нашего самолюбія.»

«Когда говорятъ о какомъ нибудь супружесствѣ, «продолжала Свіажская, «что оно совершенно благополучно, или совершенно несчастливо, то ошибающіяся. Есть такія сокровенности, которыя никому не могутъ быть извѣстны. Въ супружеской жизни есть степени счастья и несчастья. Не знаю, такъ-ли я объясняюсь, но мнѣ кажется, ошъ совершеннаго блаженства, которымъ наслаждаются съ самаго начала супруги, соединенные спраспною любовью, пере-

ходящъ они на сшепенъ просто благо-
 полузія ; пошомъ слѣдуемъ сшепенъ
 довольства , а за шѣмъ равнодушія. Въ
 прошивоположноспъ надобно посша-
 вишь , сначала просто *неудовольствіе* ,
несгастіе , а наконецъ *совершенное бѣд-*
ствіе. Мнѣ кажется , молодыя женщины
 жалующся на судьбу свою и почиашъ
 себя несчастливыми опъ того , что
 не наблюдающъ посшепеннаго хода суп-
 ружеской жизни. Когда опъ совершен-
 наго блаженспва вступашъ онѣ на сше-
 пенъ благополучія , или довольспва , то
 переходъ сей почиашъ уже большимъ
 бѣдспвіемъ. Но счастливы шѣ супруги,
 кошорыя изъ очарованія, продолжающа-
 гося не болѣе , можешъ бышь, мѣсяца ,
 осшановяшся на средней сшепени—*бла-*
гополузіи. Елисавета, съ мужемъ своимъ,
 кажется мнѣ, ежели не ошибаюсь, весь-
 ма близка къ равнодушію ; я думаю, да-
 лѣе между ними ничего не будешъ. Но
 сохрани Богъ Кашерину сойдши съ ны-
 нѣшней сшепени супружеской жизни !

При чувствительномъ ея сердцѣ и снрасп-
ной любви къ мужу — она ниспадесть
на степень совершеннаго бѣдствія!»

— Ежели ей неопредѣлено пользоваться
ся одинакимъ благополучіемъ во всю
жизнь — отвѣчала Софья — то, мнѣ
кажется, лучше пожелаешь ей умереть,
и на небѣ наслаждаться тѣмъ счастьемъ,
кошораго она достойна. И это будетъ
непремѣннымъ послѣдствіемъ, если она
замѣнитъ хоть нѣкошорую перемѣну въ
чувствахъ мужа. Она не перенесетъ та-
кого горя...

«Окончимъ шягоспный разговоръ
нашъ,» сказала Свіяжская, замѣшивъ,
что глаза Софьи были наполнены сле-
зами.

ГЛАВА II.

« Par tout , où se trouvent des malheureux , vous êtes sûr de rencontrer des femmes. Il existe entre elles et les souffrances un lien mystérieux. »

Ю. П. У.

« Вездѣ, гдѣ есть несчастные, вы навѣрное встрѣтите женщинъ. Какой-то таинственный союзъ соединяетъ ихъ съ страдальцами. »

Ж. У. И.

Въ шестъ день , когда Свіяжская общалась Свяныхъ Таинъ, многіе приѣзжали , присылали и приходили , по обыкновенію, поздравлять ее. Въ числѣ прочихъ были двѣ сестры , спарыя дѣ-

вушки Ѳедосья и Надежда Филиповны Веспалковы, дальнія родспвенницы Сві-
яжской и Софьи. У нихъ былъ собспвен-
ный маленькій домикъ, въ опдаленной
части города, гдѣ-шо въ Хамовникахъ,
въ переулкѣ. Онѣ жили съ небольшого
капишала проценшами, копорыхъ одна-
кожъ никогда не доспавало имъ на
прожишокъ. Свіяжская снабжала ихъ
ежегодно всѣми съѣспными припасами и
живноспію, привозимыми къ ней изъ
спешныхъ ея деревень. Сверхъ того,
она часшо дѣлала имъ подарки. Послѣ
пожара Москвы въ 1812 году, помогла
она имъ выпроишъ домикъ; словомъ:
была испинная ихъ благодѣспельница.
Веспалковы въ полной мѣрѣ эшо чув-
спвовали. Свіяжская пригласила ихъ
оспашься у нея обѣдашъ.

За обѣдомъ получила Свіяжская съ эспа-
фешомъ, письмо, копорое чрезвычайно
ее распревожило. Едгарова, ея внучаш-
ная сеспра, заклинала именемъ самага
Бога, поспѣшишъ пріѣхашъ къ ней.

Мужъ ея былъ при смерши боленъ; она боялась, что онъ умретъ, не благословивъ дочери своей, которая прошивъ его воли вышла за-мужъ. Она знала, что спарикъ чрезвычайно уважалъ Свіяжскую, почиталъ ее за истинную Хрисіанку, и что при наступленіи смерши, никакъ скорѣе Свіяжской не убѣдишь его проспитъ дочь.

« Это письмо меня очень расстроиваетъ, » сказала Свіяжская. « Кромѣ того, что мнѣ предшлѣтъ пятоспное объясненіе съ упрямымъ и сумасброднымъ спарикомъ, я чувствую себя не совсѣмъ хорошо: говѣнье упомяло меня; да и дорога, какъ слышно, очень ухабила и дурна. Однакожъ, дѣлаешь нѣчего. Я молюсь ежедневно, чтобы Богъ далъ мнѣ средства быть полезною: видно молитва моя услышана. Какъ-же опказываться? Завтра непременно опправляюсь. Только — какъ мнѣ быть съ тобою, другъ мой Соничка? Бѣхаетъ со мной тебѣ не лѣзя, а оппустишь себя

домой я не хочу, да и не съ кѣмъ. Путешествіе мое можетъ продолжиться не болѣе недѣли, назадъ и впередъ. Едгаровы живутъ ошсюда съ небольшимъ въ двухъ снахъ версахъ, и я поѣду на почтовыхъ.

— Да неуждно-ли будетъ сеспри-цѣ Софѣ Васильевнѣ переѣхать на это время къ намъ? — сказала Федосья Весшалкова. Сеспра ея подтвердила, что онѣ были-бы очень рады, и что хошя у нихъ не очень просторно, но помѣститься кое-какъ можно. Софья ошвѣчала, что съ удовольствіемъ приняла-бы это предложеніе, но боишся обеспокоить ихъ. Обѣ сеспры увѣряли, какъ обыкновенно водится, что никакого беспокойства имъ не будетъ. Такимъ образомъ, рѣшено было, чтобы Софья, проводивъ Свіяжскую въ дорогу, переѣхала на все время ея описушства къ Весшалковымъ. Онѣ, векорѣ послѣ обѣда, уѣхали домой.

«Вопи́ть преимущество дѣвической, независимой жизни!» сказала Свѣяжская, оставшись одна съ Софьею. — «Ежели-бы я была за-мужемъ, то, не смотря на все душевное желаніе мое, и готовность быти полезною другимъ, я не имѣла-бы тогда средствъ послѣдовать влеченію моего сердца. Можетъ быти, мужу моему не захопѣлось-бы, чтобы я ѣхала, или болѣзнь дѣтей моихъ остановила меня; да и мнѣ самой было-бы стыжесно разстаться съ семействомъ. Впрочемъ, все это доказываетъ только то, что всякое состояніе имѣетъ свои особенныя удобства и неудобства. Признаюсь однакожъ, я такъ привыкла, и такъ хорошо мнѣ было жить съ тобою, что очень не хочется разставаться, пошому-же болѣе, что я предвижу... тебѣ не такъ-то будетъ весело въ обществѣ Веспалковыхъ. Спаршая угрюмаго и холоднаго характера, а другая, напрошивъ, веселаго. Онъ вѣрно будешь спараться разсѣять тебя,

и доспавши, по своему, всякія удовольствія. Вѣроятно, и то и другое будешь тебѣ непріятно; но вели перевези фортепіано, запасись побольше книгами, а я попрошу ихъ, чтобы онѣ дали тебѣ свободу. Впрочемъ, пребываніе на нѣкоторое время въ ихъ домѣ будешь имѣть для тебя свою пользу. До сихъ поръ мы видѣла дѣвическую, одинокую жизнь съ хорошей стороны; погоспивъ у нихъ, можешь быть, мы переѣмнишь свой образъ мыслей». Софѣ хошѣлось лучше отправишься въ Пріютово къ Капериной, но ей совѣстно было пропировать Свіяжской, и нарушать планъ, по которому было положено ѣхать туда вмѣстѣ, весною.

На другой день, рано утромъ, Свіяжская отправилась въ дорогу. Софья проводила ее до заставы, и потомъ прямо проѣхала къ Веспалковымъ. Обѣ сестры приняли ее съ большою привѣтливостію, хотя каждая сообразно своему характе-

ру: старшая важно, съ церемонією, младшая свободно и непринужденно. Но вообще, домъ ихъ и образъ жизни имѣлъ разительную противоположность съ домомъ Свіяжской. Софья очень желала, чшобы время *искуса* ея, какъ можно скорѣе, кончилось.

Тѣсный, низенькій домикъ Веспалковыхъ расположенъ былъ очень безпокойно. Во всемъ видны были безпорядокъ, неопряшность и недоспашокъ. Меньшая сестра уступила Софѣ свою комнату, и сама на это время переселилась въ гостиную; но дурной запахъ отъ кухни производилъ головную боль у Софьи, параканы и клопы мучили ее по ночамъ; припомъ-же комната была окнами на дворъ, и собаки мѣшали ей спать. Днемъ, въ этой, съ маленькими окнами, комнатѣ такъ было темно, что невозможно было ничѣмъ заняться; по тѣсношѣ дома всякое слово было слышно, а обѣ сестры почти безпрестанно бранились, или между собою, или на дѣвку и кухарку свою.

Сполъ у нихъ былъ очень дурень. Эпо-бы еще не бѣда, что кушанья невкусно пригопвлены, но припасы были не свѣжіе, и Софья, привыкшая дома и у Свѣяжской къ сшолу вкусному, не могла почти ничего ѣсть. Къ счаспію, добрая и заботливая Свѣяжская, вѣрояшно, предвидѣвъ эпо, велѣла зелень и прочіе припасы, привозимые къ ней еженедѣльно изъ подмосковной, опсылашь къ Веспалковымъ.

Все было мрачно и печально въ ихъ домѣ, и вездѣ былъ видѣнъ оппечашокъ характера обѣихъ сесперъ. Канарейки пѣли изрѣдка; даже самая кошка, любимица старшей сеспры, имѣла видъ важный, и все почти лежала; одна шолько любимая, спарая Болонская собачка меньшей сеспры иногда бѣгала, лаяла, или ласкалась къ шому, кпо входилъ въ комнашу, въ надеждѣ, что ее накормяшъ.

Софья покорилаь необходимости, сносила все терпѣливо, умѣла поладить

съ обѣими сестрами, и въ особенності поправила съ имѣ великимъ искусствомъ слушать вздорные ихъ рассказы и спаринные анекдоты. Это совсѣмъ не бездѣлица, и иногда бываетъ самымъ надежнымъ средствомъ къ приобретению благосклонности рассказчиковъ.

Обѣ сестры, по спеченію разныхъ обстоятельствъ, остались въ дѣвкахъ. Старшая, Федосья, была дурна собою, ряба и коса; никто не обращалъ на нее вниманія. Младшая, Надежда, напрошивъ шого, смолоду была довольно хороша собою: ей предсавлялись женихи, но она была слишкомъ разборчива, перебирала, разбирала, и нечувствительно въ этомъ переборѣ увяла ея красоша, и она соспарѣлась. Послѣ шого, охотно желала — бы она выйдти замужъ, но уже было поздно. Федосья, еще съ молодости, не очень любила меньшую сестру: она завидовала, что ей предсавлялись женихи, а на нее никто не сморѣлъ. Прошивъ воли онѣ были обязаны жишъ

вмѣстѣ, и обходились между собою съ какою-то спранныю церемонією и холодностію. Вѣкъ свой говорили онѣ одна другой: *вы, сестрица*. Можно было замѣтить, что онѣ терпѣть не могли другъ друга.

Время проходило въ нестерпимомъ для Софьи единообразіи. Обѣ сестры вставали рано, и ничего болѣе не дѣлали, какъ только, или бранились и говорили колкости другъ другу, или раскладывали гранъ-пасьянсъ. Старшая Веспалкова любила карты, и почти каждый вечеръ уходила къ одной старушкѣ, сосѣдкѣ своей, играть въ босшонъ, по двѣ копейки; меньшая осматривалась съ Софьею, садилась подлѣ фортепіано, и слушала ея прелестную игру. Только въ это время отдыхала Софья.

На претій, или на четвертый день послѣ ея переселенія къ Веспалковымъ, сосѣдка, Марья Львовна Кирбишова, прислала спросить: »будутъ-ли онѣ вечеромъ дома? « — Скажи, что будемъ и

просимъ ее къ себѣ — опвѣчала Надежда. — Эпо премилая и превеселая женщина — продолжала она, обращаясь къ Софѣ. — Мы съ удовольствіемъ проведемъ съ нею время. —

Кирбишова была также пожилая дѣвушка; она походила обращеніемъ, разговоромъ, и даже нѣсколько лицомъ, на Свіяжскую, и эпо засшавило Софью съ перваго раза полюбить ее. Софья также понравилась Кирбишовой, и онѣ въ полчаса такъ познакомились и подружились, какъ будшо вѣкъ жили вмѣстѣ.

Послѣ обыкновеннаго разговора, началась между ними рѣчь о супружествѣ. Веспалкова не могла скрыть сожалѣнія своего, что осшалась въ дѣвкахъ.

« Конечно, » сказала она, « я могу избѣгнуть всегдашнихъ ссоръ и непріятностей моихъ съ сесприцею, а живши съ мужемъ, можешъ бышь, вѣкъ-бы должна была я шерпѣть ихъ. Правда, что я могу располагать собою, и ни ошъ кого не-

завишу, но за всѣмъ шѣмъ очень пріятно бышь окруженною дѣтьми, и особенно въ старости. Воля ваша, а я никакъ немогу повѣрить, чшобы пожилая дѣвушка не сожалѣла, что не вышла замужъ. Я думаю даже, что сама шепушка Прасковья Васильевна раскаявается въ эшомъ. Въ особенносши, жизнь старой дѣвки въ бѣдномъ состояніи-очень шягосшна.

— Ты ошибаешься, Надежда Филиповна — сказала Кирбишова. — Мнѣ представлялось нѣсколько паршій; но божусь шебѣ, что я предпочла по разсудку оспашься лучше въ дѣвкахъ. Не смошря на то, что весь доходъ мой состоишъ въ 4500 рублѣхъ, кошорые получаю, и шю еще не всегда, съ моего дома, я почишаю себя очень счастливою, и благодарю Бога. Доходъ мой не великъ, но я могу располагашъ имъ, какъ мнѣ хочешся. Не обязана я спрашивашься у мужа о всякомъ вздорѣ, и ожидашъ, что онъ, можешъ бышъ, мнѣ ошкажешъ, или

даспѣ денегъ съ неудовольствіемъ, упрекая въ мошловствѣ. Никшо не спанешъ повѣряшъ моей расходной книги, и ворчаешь на меня. Нѣшъ челоуѣка, у котораго я была-бы обязана освѣдомишься, ежели захочу куда идиши, или ѣхашъ. Правда, когда возвращаюсь я домой, и вспрѣчаешъ меня только одна моя кошка, и сшарая моя Улиша — мнѣ скучно; зато однакожъ никшо и не бранишъ меня, что я поздно приѣхала. Повѣрь: многое можно сказаши въ пользу и прошивъ дѣвической одинокой жизни. Одно только вѣрно, что мы никогда не можемъ быши счастливыми ни въ какомъ состояніи, ежели не будемъ сносиши съ покорностью и благодарностью къ Провидѣнію пріятности и непріятности, соединенныя съ каждымъ званіемъ, потому, что совершеннаго счастья нѣшъ въ здѣшнемъ мірѣ!

Софья провела очень пріятно вечеръ съ Кирбишовой; но зато на другой день испытала она самую мучительную

скуку, въ обществѣ, собравшемся на *званый везеръ* къ Веспалковымъ, по случаю дня рожденія старшей сестры.

Иванъ Кузмичъ Кохшинъ, опсшавной, раненый, драгунскій Капитанъ, игралъ первую ролю въ эпюмъ обществѣ. Онъ провелъ большую часть жизни въ казармахъ и на бивакахъ, никогда не бывалъ въ кругу женщинъ хорошаго тона, и думалъ, что имѣеть право обходиться со всѣми, какъ бывало въ старину обходились въ Польшѣ съ панянками, въ обществѣ экономовъ и шляхшичей. Ни о чемъ болѣе говоришь онъ не умѣлъ, какъ только о походахъ своихъ, или о проказахъ, въ то блаженное время, когда полкъ ихъ споялъ въ разныхъ мѣстахъ Польши. Оедосья имѣла опдаленный планъ, не смошря на свои 45-шь лѣтъ, рябое лице и косые глаза, выйдши замужъ за Кохшина, а пошому не только часто приглашала его къ себѣ, но сносила разныя глупыя, и неумѣспныя его шушки, позволяя ему безпрестанно

куришь пирубку, безъ кошорой онъ не могъ обойдшисъ. Часпья посѣщенія Кохпина продолжались уже болѣе двухъ лѣтъ; но до сихъ поръ драгунское его сердце осшавалось нечувствившельно къ прелесшямъ Оедосы; однакожь она не унывала, и надѣялась доспигнуть своей цѣли.

За Кохпинымъ слѣдовалъ Климъ Гавриловичъ Таршюфовъ, опспавной Секретарь. Онъ почишался оракуломъ въ своемъ переулкѣ, восклицалъ прошивъ всеобщихъ злоупопребленій и беззаконій, говорилъ, что насшали послѣднія времена, безпрестанно спавилъ себя въ примѣръ безкорыспія и чеспности, и повшорялъ обыкновенныя фразы, свойспвенныя лицемѣрамъ и плушамъ. Вмѣспѣ съ шѣмъ былъ онъ злорѣчивъ и нравился Оедосьѣ Веспалковой разными слешнями, клеветашами и выдумками на счешъ сосѣдей и знакомыхъ ея. Опвращишельное лицо, на кошоромъ начертана была черная его душа, поразило и привело въ

какое-то содроганіе Софью, при первомъ на него взглядѣ.

Таршюфовъ пришелъ прежде всѣхъ, пилъ чай, съ Французскою водкою, и злословилъ, въ то время, когда Кохшинъ явился въ ихъ общество. Онъ началъ шѣмъ, что всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ вздумалъ цѣловать въ губы, говоря, что это старинное Русское обыкновение, а онъ *Рускій*, и иностранцамъ подражать не хочеть. Съ этимъ-же подошелъ онъ къ Софѣ, которая, какъ можно себѣ вообразить, не привыкши къ такому странному обращенію, покраснѣла, смѣшалась, и отошла отъ него. Потомъ, не смотря на шѣсношу комнапы, и не спросивъ позволенія, набилъ и закурилъ онъ трубку, запивая пуншемъ, который, по приказанію хозяйки, поспѣхъ ему подали.

Терпѣніе Софы истощилось. Злословіе Таршюфова, наглость Кохшина, глупое болшанье женщинъ, и сильная головная боль, отъ табачнаго дыма, въ маленькой,

душной комнашѣ, заспавили ее воспользоваться первою возмoжностію, когда всѣ сѣли играшъ въ ламушъ и босшонъ, и осшавишъ эшо пріятное общество. Она ушла къ себѣ въ комнашу, гдѣ бросилась на постелю и, нюхая спиртъ, чшобы облегчишъ головную боль, раскаявалась, чшо не поѣхала въ Пріюшово къ Каперинѣ, на время опсуществія Свіяжской. Надежда Веспалкова не играла въ каршы, и замѣшивъ, чшо Софья ушла изъ госпиной, пошчасъ явилась къ ней. Она нашла ее въ слезахъ; но Софья, сама спыдясь слабости своей, скоро ободрилась, и очень была рада предложенію Надежды: идиши къ Кирбишовой, кошорая жила черезъ нѣсколько домовъ отъ нихъ и, по нездоровью своему, отказалась отъ приглашенія на вечеръ къ Веспалковымъ.

Онѣ нашли Кирбишову чшпающею духовныя сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго. Чулокъ, кошорый она вязала, лежалъ на сполнкѣ; подлѣ находился серебряный колокольчикъ, для призыва дѣ-

вки; бѣлая кошка, любимица ея, покоилась у нея въ ногахъ, на подушкѣ. Все въ комнапахъ было чисто, опрятно, и на своемъ мѣстѣ. Казалось, вездѣ у Кирбищовой были пошъ порядокъ, пишина и спокойствіе, копорые замѣшны были на лицѣ эшой почщенной женщины.

Надежда Веспалкова не упускала ни одного случая пожаловаться на свою сеспру и побранишь ее. Она поспѣшила сообщить Кирбищовой о наглоспяхъ Кохшина и злословіи Тарпюфова, прибавивъ къ тому, что когда Софья ушла изъ госпиной, то они оба хвалили красосу ея. «Теперь я увѣрена, что они всякій день будутъ посѣщать насъ,» сказала Надежда, «и я, право, не знаю, что дѣлать, и какъ избавить Софью Васильевну отъ ихъ общесства. А сесприцу никоимъ образомъ не приведешь въ резонъ!»

— Сожалѣю, что сесприца швоя вздумала пригласить къ себѣ эшихъ двухъ молодцовъ. Я ихъ обоихъ знаю—отвѣчала

Кирбишова. — Общество ихъ, ни въ какомъ отношеніи, не можетъ быть пріятно Софѣ Васильевнѣ. Знаю также и то, что ежели будешь ты настаивать, чтобы не принимать ихъ, то это ничего болѣе не произведетъ, какъ только ссору. Но чтобы избавить Софью Васильевну отъ удовольствія видѣть вашихъ гостей, вотъ что я думаю — продолжала Кирбишова. — Несогласишься-ли вы, милая, новая моя знакомая, переѣхать ко мнѣ, покаместъ возвратится ваша почтенная пещушка, о кошорой хотя и не имѣю я чести быть знакомою, слышалась много хорошаго? Мнѣ совѣстно, что не могу васъ принять и угостить, какъ-бы желала; но надобно избирать изъ худшаго лучшее. По крайней мѣрѣ, вамъ у меня будетъ покойнѣе, нежели въ обществѣ такого наглеца, какъ Кошкинъ, и такого злоязычника, какъ Тарпюфовъ.

Софья отъ души благодарила Кирбишову за ея дружеское приглашеніе, и,

не только съ одобренія, но по совѣту Надежды Веспалковой (кошорая, доброжелательствуюя сеспрѣ, напередъ восхищалась мыслию сдѣлать ей неудовольствіе и воспановишь Свіажскую прошивъ нея) обѣщалась воспользоваться предложеніемъ ея, при первой дерзости Кохшина. За эшимъ дѣло не спало, и Софья, на другой-же день, переселилась къ Кирбишовой. Надежда сама проводила ее. Федосья пошчасъ явилась, съ убѣдительноѣйшею просьбою возвращишься; но Софья холодно благодарила ее, и объявила рѣшительное намѣреніе ожидать возвращенія пенушки у Кирбишовой. Со стыдомъ должна была Федосья опсправишься домой, но за то сеспра ея поржеспвовала. «Вошъ, сестрица, вѣдь я вамъ нѣсколько разъ говорила, что любимые ваши госпи, Кохшинъ и Таршюфовъ, такіе мерзавцы, что ихъ ни въ какое порядочное общесства пускать не лзя?» сказала она. «Нѣшъ, вы мнѣ певѣрили. Вы все хошите дѣлать

по своему. Вотъ теперь, чѣмъ вы оправдаешесь передъ пещушкою Прасковьею Васильевною? Поблагодаришь она васъ, что такъ хорошо угостили и успокоили вы Софью Васильевну! И какой срамъ: что будешь говоришь объ этомъ? Меня никто не обвинишь; сама Софья Васильевна заступится за меня. Но посмотри, чѣмъ-то вы оправдаешесь!» прибавила она съ торжествующимъ видомъ. Федосья молчала, и плакала отъ досады.

Въ жилищѣ Кирбишовой была во всемъ большая разница прошивъ жилья Веспалковыхъ. Спаринныя мебели ея содержались въ чистотѣ; вездѣ видно было какое-то пріятное единообразіе и порядокъ. Кирбишова, по небольшому состоянію своему, должна была во многомъ опаздывать себѣ; но такъ у нее все было хорошо устроено, что Софѣ ничего было желать лучше. Хозяйка умѣла опадать справедливостъ Софѣ, не обременяла ее безпрестанными извине-

ніями на недоспашокъ того или другаго, и не перемѣнила ни въ чемъ обыкновеннаго образа жизни своей.

«Располагайтесь, какъ вамъ хочется» — сказала она Софѣ. — «Почишайте мой домъ вашимъ собственнымъ. Я увѣрена, что вы примете это не за обыкновенный комплиментъ, а точно за настоящее предложеніе, которое дѣлаю вамъ отъ чистаго сердца. Я не богата, не имѣю средствъ угостить васъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось; но, кажется, если я не ошибаюсь, вы на самомъ опытѣ увѣрились, что и въ бѣдномъ состояніи можно прожить спокойно и счастливо.» Софья пробыла три дня у Кирбишовой, до возвращенія Свіяжской, и на самомъ опытѣ испытала истину сихъ словъ. Она пользовалась въ полной мѣрѣ свободою и спокойствіемъ въ мирномъ жилищѣ новой своей знакомки.

ГЛАВА III.

« Weiber die man sieht, sind doch
« mehrentheils weniger gefährlich, als
« die Weiber an die man denkt. »

ZIMMERMANN.

« Женщины, которыхъ мы видимъ,
« не столько опасны, какъ шѣ, о ко-
« торыхъ думаемъ. »

ЦИММЕРМАННЪ.

Чадскій удалился изъ Москвы, въ надеждѣ, что уединеніе, время и отсуш-
ствіе изгладятъ изъ сердца его любовь
къ Софьѣ. Хошя онъ былъ въ службѣ, но
соспоаялъ по кавалеріи, и имѣлъ право

располагашь собою. Изъ Москвы поѣхалъ онъ къ себѣ въ деревню. Жизнь въ деревнѣ, одинокая, зимою, и для всякаго непріятна; шѣмъ болѣе она была тягостна для человека, привыкшаго къ лучшему обществу столицы. Онъ нѣчего дѣлалъ, Чадскій слушалъ разнообразныя анекдоты и исторіи отъ прикащицы своей, о жишѣ-бышѣ старой барыни (такъ называла она покойную его мать), курилъ трубку, бесѣдовалъ съ прикащикомъ, выслушивалъ просьбы, просилъ крестьянамъ многія недоимки, начиналъ читать нѣсколько книгъ, и училъ свою лягавую собаку. Но черезъ нѣсколько дней, все это навело на него несперпимую тоску. Онъ уѣхалъ къ сестрѣ своей. Однакожъ надежда его не свершилась; образъ Софьи не изглаживался изъ его сердца, и спросъ къ ней еще болѣе усиливался: Софья безпрестанно предсавлялась его воображенію, въ особенності-же у сестры, которая была счастлива въ супружествѣ своемъ. Нѣсколько милень-

кихъ дѣшей увеличивали ея семейное благополучіе. Смошря на нихъ , Чадскій еще болѣе бѣсился на Угарова. « Мож-но-ли равнодушно перенесшь, что эшопъ негодяй предупредилъ меня ! » думалъ Чадскій. « Можно-ли повѣришь, чтобы Софья, совершенство красоты и любез-ности, опдала сердце свое такому ни-чтожному человѣку ? » Все эшо приво-дило его въ большое уныніе. Сесшра за-мѣшивъ грусть брапа, просила его бышь съ нею опкровеннымъ. Онъ признался ей въ любви своей къ Софѣ, и показалъ записку Угарова, опданную ему Графи-нею Хлесшовой. Сесшра, прочишавъ эшу записку , просила , чтобы онъ подроб-нѣе разсказалъ о сношеніяхъ своихъ съ Софьею и образѣ ея жизни. Выслушавъ все, она сказала ему : « Я не знаю шво-ей Софьи, но, послѣ всего слышаннаго, увѣрена , что Графиня Хлесшова вос-пользовалась швоимъ легковѣріемъ и безсовѣстно обманула тебя. Прочишай самъ, со вниманіемъ и хладнокровіемъ, за-

писку. Вѣроятно-ли, чѣшбы дѣвушка, которую такъ шы описалъ, могла имѣшь инпригу съ ничтожнымъ и глупымъ мальчишкою? Да и почему шы увѣренъ, чѣшо эша записка писана почно къ ней? По-смотри самъ: часпъ листа, на копорой былъ адресъ, опорвана. Припомъ-же Софья Холмская живешъ въ домѣ шешушки Прасковьи Васильевны, и пользуешся—чѣго шы мнѣ не сказывалъ, но чѣшо я знаю—не только покровишельствомъ, но и дружбою эшой почтенной женщины. А Хлестова опкрыла шебѣ ея инпригу! Тешушка, можешъ бышь, изъ соспраданія приняла-бы къ себѣ Софью, но не могла-бъ бышь въ дружеской связи съ нею. Разсуди самъ: Хлестова всемъ извѣсна. Можно-ли ей вѣришь?»

Какъ громомъ, пораженъ былъ Чадскій основашельнымъ и справедливымъ сужденіемъ сеспры. Онъ удивлялся, какъ все эшо прежде не пришло ему въ голову. По своей пылкости и нешерпѣливости, онъ въ шу-же минушу рѣшилсѣ ѣхашъ, ошы-

скапъ Угарова, и опъ него самого узнапъ развязку. Тщешно уговаривали его зяпъ и сеспра оспашся хошя до завшрашнаго ушра, предспавляя, чпо ночью, по проселочной дорогѣ, онъ можетъ сбишся и ночевашъ гдѣ нибудь въ оврагѣ. Чадскій не внималъ ничему, и въ шу-же ночь оппразился, прямо въ полковую кварширу того полка, въ кошоромъ служилъ Угаровъ.

Полковой Командиръ былъ сослуживецъ и хорошій пріятель Чадскаго. Онъ удивился, когда Чадскій спросилъ у него объ Угаровѣ. « На чпо тебѣ этого шалуна? И какія сношенія можешъ ты имѣшь съ нимъ? » — сказалъ Полковникъ. — Мнѣ сей часъ должно видѣшся съ Угаровымъ. Вопъ все, чпо могу сказапъ тебѣ — опвѣчалъ Чадскій. « Теперь здѣсь нѣпъ его: нѣсколько дней тому назадъ освобожденъ онъ изъ-подъ ареста съ полковой гаупвахпы, кошорая еспъ почти всегдашнее мѣсто его жительства. Мнѣ досадно, чпо я велѣлъ его выпустипъ. Если-бы я зналъ, чпо

тебѣ такая нужда видѣться съ нимъ, по-
 продержалъ-бы его еще здѣсь. Теперь
 онъ высланъ въ деревню, въ свой взводъ,
 верстъ за 40 отсюда, съ спорожай-
 шимъ подтвержденіемъ никуда не вы-
 ѣзжать. Эпопъ шалунъ выводилъ меня
 изъ всякаго терпѣнія: я насилу могъ
 уговорить корпусъ офицеровъ, чтобы
 простили его въ послѣдній разъ. Уже
 была готова подписка о представленіи
 его, за дурное поведеніе, въ отставку.»

Чадскій позавтракалъ; лошадей при-
 вели; онъ тотчасъ отправился въ
 деревню, гдѣ стоялъ взводъ Угарова.
 Узкая, проселочная дорога приво-
 дила въ бѣшенство неперпѣливаго
 Чадскаго. Онъ сердился, и внутренно
 клялся непременно вызвать Угарова на
 дуэль, если откроется, что онъ точно
 въ интригѣ съ Софьею. Но тщетно
 бранился онъ на извозчика, и понуждалъ
 ѣхать скорѣе: приспѣжныя безпрестан-
 но вязли въ снѣгу; наконецъ, должно
 было отпрячь ихъ и ѣхать гуськомъ. Не-

привыкшія къ такой ѣздѣ, почповыя лошади поминушно сбивались съ дороги, и уже начинало смеркаться, когда Чадскій совершилъ свое путешествованіе: 40 верстъ показали ему, 500-ми. Онъ былъ въ самомъ дурномъ расположеніи, и если-бы въ это время попался ему Угаровъ, то не такъ-то легко опредѣлялся-бы онъ него. Гусаръ, ѣхавшій проводникомъ впереди, въ крестьянскихъ саняхъ, привелъ его прямо къ корнетской квартирѣ.

Опкидная повозка Чадскаго, медвѣжья шуба, красная шаль, повязанная на шеѣ, бѣлая фуражка, два колокольчика на дугѣ—все это произвело большое волненіе въ деревнѣ. Онъ роду не видавали тамъ подобныхъ рѣдкостей. Бабы и мальчишки сбѣжались смотрѣть, и Чадскій вышелъ изъ повозки окруженный большою толпою. Старый слуга Угарова, родъ дядьки, приспавленнаго къ нему маперью, встрѣпилъ Чадскаго у воротъ. «Здѣсь-ли стоишь корнетъ Угаровъ?»—

Здѣсь, Ваше Превосходительство! —
 оповѣчалъ опоропѣвшій слуга. «Дома-
 ли онъ?» — Никакъ нѣтъ-съ, В. Пр.!
 Онъ изволилъ пойдти на взводную ко-
 нюшню! — «Пошли сей часъ за нимъ!»
 Гусаръ, вѣсповой, давно побѣждалъ
 опыскивать его. — Не угодно-ли, В.
 Пр., взойдти въ избу, погрѣшья? — »
 «Хорошо; только вели поскорѣе опы-
 касть своего барина.»

Чадскій вошелъ въ избу, снялъ
 шубу свою и съ неперпѣніемъ началъ
 ходишь; но пространство было не-
 слишкомъ велико, и у него закружи-
 лась голова. Между тѣмъ спановилось
 уже темно. Каммердинеръ Чадскаго вы-
 нулъ изъ повозки восковую свѣчку, съ
 дорожнымъ подсвѣчникомъ, зажегъ, и по-
 ставилъ на столъ. Чадскій опять спалъ
 ходишь по избѣ, и опять закружилась
 у него голова. Опъ нѣчего дѣлать онъ
 началъ разсмапривать украшенія кор-
 непскаго жилища, и увѣрился, что хо-
 зяинъ не великій господинъ. На окнахъ

спояло нѣсколько глиняныхъ трубокъ , съ длинными чубуками , безъ мундшнуковъ ; на стѣнѣ висѣли сабля , пашка , завернутая въ бумагу , и киверъ. Большой , крестьянскій столъ испианъ былъ мѣловыми цыфрами ; видно было , что на немъ недавно только окончилось картежное побоище. Табачной зола также еще не успѣли смести со стола. Красная ермолка , шлафрокъ и Турецкіе , желтые сапоги лежали на пюфакѣ , покрытомъ изодраннымъ , ситцевымъ одѣяломъ. Въ головахъ посидѣли спояла шкапулка , и на ней хранилась вся библіотека Угарова , то есть : нѣсколько рукописныхъ , извѣстныхъ гусарскихъ стиховъ , какъ то : » *Въ дымномъ полѣ , на бивакѣ ,* и проч. , рекрутская школа , о шеренговомъ ученѣ , командныя слова взводнаго офицера , и два или три Французскіе романа Пиго-Лебрёня.

Между тѣмъ слуга Угарова не зналъ , что ему дѣлать. Мундирный сюршукъ , большіе эполеты , креспы , а болѣе все-

го высокій роспъ и сердипый видъ Чадскаго , приводили его въ изумленіе. Онъ не могъ понять : зачѣмъ приѣхалъ къ нимъ эшопъ Генералъ ? Наконецъ, онъ осмѣлился подойдши къ приѣзжему съ вопросомъ : « Не прикажете-ли, Ваше Превосх., чаю, съ дороги-съ ? » — Хорошо. Дай чаю. Да гдѣ-же твой баринъ ? — « Вѣсповой еще не опыскалъ его, Ваше Превосх. Но онъ вѣрно сей часъ будешъ. » Послѣ эшого слуга сталъ разводить огонь, и поспавилъ на него чайникъ ; но согласіе Чадскаго пить чай, привело добраго спарика въ большое затрудненіе, пошому, что у нихъ не было ни чаю, ни сахару , ни рому. Все было выпито, а купишь , хопя-бы и нашлись деньги , въ кошорыхъ баринъ его имѣлъ всегдашній недоспашокъ , въ деревнѣ было нѣгдѣ. Онъ сдѣлалъ предложеніе, въ надеждѣ, что Чадскій опкажешся , а шеперь не зналъ какъ бытъ ! Рѣшился было налишь въ фаянсовый чайникъ воду, разбишь его, какъ

будто ненарочно, и чрезъ пожертвованіе чайникомъ спаси ошъ посрамленія чести своего барина, скрывъ, что у него въ домѣ недоспашокъ во всемъ; но вдругъ вздумалось ему подняться на хипросъ, и испытать еще одно средство. Онъ пошелъ къ камердинеру Чадскаго. « Съ чѣмъ кушаетъ вашъ баринъ чай? » спросилъ онъ у него. — Со сливками. — « Какъ жаль! А у насъ прекрасный ромъ: я хотѣлъ было поподчивать его. Да кшапи: какой чай онъ кушаетъ? » — Обыкновенно, черный. — « Ахъ, Боже мой! Черный у насъ весь вышелъ, а остался самый лучшій цвѣточный, зеленый. Баринъ мой купилъ по 20 рублей фунтъ: самъ большой охотникъ до него, и подчиваетъ имъ госней своихъ.» — Бѣда не велика, что у васъ нѣтъ черного чаю — отвѣчалъ камердинеръ. — Согрей только воды, и достань хорошихъ сливокъ. У насъ есть все свое. — Съ сими словами, онъ вынулъ дорожный погребецъ изъ повозки. Слуга

Угарова, въ восторгѣ, что такъ удачно выпушался изъ запруднишельнаго положенія, выпросилъ у хозяйки самыхъ густыхъ сливокъ.

Нѣсколько чашекъ чаю, выпитыхъ Чадскимъ, кошорый порядочно прозябъ дорогою, немного успокоили его. Но онъ опять взбѣсился, и чуть не прибилъ въсповаго, возвратившагося съ извѣщеніемъ, что помѣщикъ Рубакинъ присылалъ за Угаровымъ сани, тройкою, и что Угаровъ, прямо съ конюшни, уѣхалъ къ нему въ деревню. «Какой Рубакинъ, и гдѣ? Сей часъ пошлите пуда за нимъ!» вскричалъ Чадскій, вскочивъ съ скамейки. — Сей часъ, Ваше Превосходительство! — отвѣчалъ слуга. — Мы выпремъ у спаросы подводу, и пошлемъ гусара за бариномъ. — «Далеко-ли это, отсюда?» — Не такъ далеко, В. Пр., всего верстъ 7-мъ или 8-мъ — » Да когда же-онъ будетъ?» — Сей часъ, В. Пр.! Сію минуу мы выпремъ подводу — отвѣчалъ испуганный слуга.

« Богъ знаетъ, когда онъ прїѣдетъ, » думалъ Чадскій. « Припомъ-же, если ему скажутъ, что я прїѣхалъ, и пребуду его къ себѣ, то онъ догадается, и выдумаешь чтонибудь, чтобы скрыть интригу свою съ Софьею, съ кошорою онъ, можешь быть, въ перепискѣ. Мнѣ надобно напасъ на него въ располхъ, и не дамъ ему времени одуматься. Сей часъ самъ поѣду къ этому Рубакину! » Вздумавъ, рѣшившись, исполнивъ, нужно было Чадскому только одно мгновенье. Лошадей изъ его повозки еще не успѣли оппрячь. Онъ надѣлъ шубу, посадилъ вѣсноваго къ себѣ на облучокъ, показываясь дорогу, подарилъ попавшуюся ему первую десяти-рублевую ассигнацію слугѣ Угарова, и, не смотря на то, что ночь была темная, и начиналась мѣтель, отправился въ путь. Извозникъ спалъ было опговариваясь, представлявъ, что лошади успали, что поземокъ замешаетъ дорогу, и они могутъ сбиться съ пути; но Чадскій обѣщалъ ему четверные про-

гоны. Эшого было достапочно для убѣжденія извозчика. Русскій народъ часно пускается во всякія опасности на *авось*. Эшо слово важное въ нашемъ языкѣ. Извозчикъ ударилъ по лошадамъ.

Хошя спранспвовашели нѣсколько разъ сбивались съ дороги, однакожъ доѣхали благополучно. Одно только было приключеніе: при въѣздѣ въ деревню завязли они въ снѣгу, нанесенномъ въ околицѣ, и насилу, съ пособіемъ людей Рубакина, за которыми Чадскій долженъ былъ посылать, выбились изъ сугроба. Между тѣмъ Чадскій вспомнилъ, что фамилія: Рубакинъ, какъ-то ему знакома. — Неужели эшо онъ, шопъ опчаянный, храбрый повѣса — думалъ Чадскій — который служилъ у меня въ эскадронѣ, во время кампаніи 1812-го года? Хорошъ я буду, ежели эшо шочно онъ, и я заспану у него спаринную гусарскую попойку! — Чадскій зналъ, что если эшо знакомый ему Рубакинъ, то презвый, онъ славный, умный, пріятный малый.

Онъ былъ преданъ Чадскому, и любилъ его. Но когда онъ подпивалъ, то такого буяна и забіяки не было, навѣрно, во всѣхъ друзьяхъ минувшихъ лѣтъ, во всѣхъ гусарахъ коренныхъ. Не смотря на то, что Рубакинъ оказывалъ отличную храбросць въ военное время, онъ былъ неносенъ, когда полкъ споялъ на кварширахъ. Безпреспанная жалобы и непріятности заставили наконецъ полковаго командира попросить его оставить полкъ.

Повозка подъѣхала къ крыльцу. Все было освѣщено. Пѣсельники, пляски крестьянскихъ бабъ, хохотъ, шумныя восклицанія гуляющихъ уже были слышны Чадскому. Узнавъ отъ вѣсповаго, что это Рубакинъ точно прежде служилъ въ гусарахъ, Чадскій думалъ воропиться, но уже было поздно. Хозяинъ слышалъ колокольчикъ; люди, помогавшіе выбиваться изъ сугроба въ околицѣ, успѣли уже сказать ему, что какой-то баринъ, съ усами, и въ медвѣжьей шубѣ, завязъ было въ снѣгу, и онъ послалъ

просить его къ себѣ. « Укрылся », думалъ Чадскій, « уже теперь не лзя. Если я поѣду ночевать на крестьянскій дворъ, то онъ шамъ опыщеть меня, и эшо будетъ еще гораздо хуже.» По необходимости долженъ былъ Чадскій рѣшиться вступить въ общество веселящихся гусаровъ, отъ котораго давно было привыкъ.

ГЛАВА IV.

« Ну, скорѣе : шрубку дай,
« Спавь бушылки передъ нами,
« Всѣхъ друзей сюда сзывай,
« Съ закрученными усами!
« Чшобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
« Эскадронъ гусаръ лепучихъ;
« Чшобы до неба взлещѣлъ
« Я на ихъ рукахъ могучихъ;
« Чшобы снѣны отъ ура
« И пряслись и препешали.... »

Гусарскій пиръ, Д. В. Давыдова.

« Какъ это? Не во снѣ-ли я вижу? Эшoves, спарый мой командиръ, вы, Александръ Андреевичъ? » вскричалъ Рубакинъ, бросившись цѣловавъ Чадскаго, кошорый съ состраданіемъ смонрѣлъ на

него: онъ такъ перемѣнился, состарѣлся и потолспѣлъ, что его съ трудомъ можно было узнать. Красный носъ, прыщики, багровый цвѣтъ лица, все, все показывало, что онъ съ такимъ-же усердіемъ служилъ Вакху и нынѣ, какъ прежде. Въ особенності замѣтно было, что теперь онъ принесъ ему обильную жертву.

«Какими судьбами вижу я васъ здѣсь, у себя въ домѣ?» продолжалъ Рубакинъ, поправляя, по давнишней привычкѣ, закрученные, чернобурые съ просѣдью усы свои. «Вошъ, пословица справедлива: гора съ горой не сойдется, а человекъ съ человекомъ когда нибудь свидѣтся. Мнѣ Богъ привелъ принимаю у себя въ домѣ, въ день моихъ именинъ, почтеннаго моего спараго онца и командира. Жена, дѣши! сюда! Посмотрише, какого Богъ далъ намъ нежданнаго, молодецкаго гостя!» Женщина довольно молодая, и пріятной наружности, но блѣдная и худая, подошла къ нимъ. «Рекомендую

вамъ жену мою. Мы такъ давно съ вами не видались, чшо я успѣлъ женишься и нажишь дѣшей. Эй, Боринька! выпянись и кричи: здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе!»

Хорошенькій мальчикъ, лѣтъ шести, одѣтый въ красную, гусарскую курпочку, съ золошыми снурками, подошелъ къ Чадскому. Онъ взялъ его на руки и расцѣловалъ; женѣ своего сослуживца успѣлъ онъ также сказать нѣсколько привѣтствій. Но Рубакинъ не умѣлъ долго мѣшкашь. «Шампанскаго!» закричалъ онъ. Чадскій видѣлъ, чшо попалъ въ бѣду. Ему не хотѣлось объясняшь насъпоящей причины своего посѣщенія, и онъ выдумывалъ средства избавишься отъ пишьа.

«Я ѣду въ деревню къ сеспрѣ, изъ Москвы,» сказалъ онъ Рубакину, «сбилъ съ дороги, и очень радъ, чшо попалъ нечаянно къ спаринному поварищу. Еслибы я зналъ, чшо ты такъ близко живешь, то нарочно-бы заѣхалъ.» Въ это

время подали большой бокаль Шампанскаго. «Послушай, любезный другъ,» сказалъ Чадскій: «одинъ бокаль я выпью, на радости, что такъ нечаянно свидѣлся съ старымъ товарищемъ; но, пожалуйста, больше не принуждай меня. Ты знаешь, что я никогда не могъ много пить, а особенно не могу теперь, когда послѣ моей тяжелой раны мнѣ именно запрещено пьянство.»

— Ежели такъ, то Богъ съ вами! Я знаю, что вы и прежде бывали плохимъ гусаромъ въ нашемъ веселомъ обществѣ; за то, помню, какъ всегда были вы молодцомъ въ атакѣ. «Впереди всѣхъ, какъ свѣчка, нашъ эскадронный командиръ!» говорили гусары, которые безъ памяти любили васъ. Я помню, когда вы были ранены, и самъ я въ то же время получилъ эполетъ значекъ (показывая рубецъ на своей щекѣ). Помню, что вы упали съ лошади, и Польскій уланъ хотѣлъ доканать васъ; но мы всѣ бросились спасать любезнаго начальника. Улана не спало въ мину

на семь свѣтъ, и васъ на плечахъ вына-
щили мы съ мѣсна сраженія. Господа! —
продолжалъ Рубакинъ, обращаясь къ го-
спямъ своимъ — вошъ Полковникъ Чад-
скій, о которомъ я пакъ часно рассказы-
валъ вамъ: эшо онъ самъ. Ура! подымай
его на руки; давай качашъ по гусарски!» —
Съ сими словами офицеры бросились и
подняли Чадскаго на руки. Пѣсельники
запѣли: «А дай, Боже, здравствовапъ
командиру — шо нашему!» Всѣ офицеры,
вмѣстѣ съ пѣсельниками, закричали: Ура!
Ура! и восклицанія ихъ слышны были въ
опдаленныхъ избахъ. Въ Чадскомъ еще
кипѣла гусарская кровь, и воспоминаніе
о прежней, веселой жизни въ кругу доб-
рыхъ поварнщей не совсѣмъ еще исчезло.
Онъ былъ пронупъ, и когда переспали
его качашъ, шо, поднявъ вверху бокаль
съ Шампанскимъ, почти со слезами ска-
залъ онъ: «Благодарспвуйше, благо-
дарспвуйше, господа! За здоровье
ваше!» Чадскій выпилъ бокаль до
дна, опрокинулъ его, какъ водишся по

гусарски, на голову, погремѣлъ имъ по пуговицамъ, и съ улыбкою сказалъ: « Жаль, что сапоги мои безъ шноръ, а то по гусарски надобно-бъ было и окончить. » — За этимъ дѣло не спанешъ! — прервалъ его Рубакинъ, выхватилъ бокалъ и разбилъ въ дребезги, бросивъ на полъ. — Ура! ура! раздалось вновь. Чадскій выпуль бумажникъ, и подарилъ пѣсельникамъ сто рублей. Новое: Ура! было изъявленіемъ ихъ благодарности.

Все понемногу начало успокоиваться. Офицеры, игравшіе въ карты, опости къ мѣстамъ своимъ. Чадскій, чтобы опдѣлаться опъ пищя, сказалъ хозяину, что онъ давно не слыхалъ Русскихъ пѣсенъ, и, желая опвлечь его вниманіе опъ себя, подошелъ къ пѣсельникамъ. « Спойте, ребяна, ежели знаете, мою любимую пѣсню: *За горами, за долами, Бонакарте съ пласунами* » — сказалъ онъ имъ. — Какъ не знать, Ваше Высокоблагородіе! — опвѣчалъ запѣвало, и шопчасъ началъ эпу лучшую изъ всѣхъ народныхъ и солдат-

скихъ пѣсенъ, сочиненныхъ въ 1812-мъ году. Тупъ куда - по опозвали хозяина, и къ Чадскому подошелъ старый гусарскій офицеръ, съ сѣдыми усами. «Узнаете-ли вы меня?» сказалъ онъ. «Давно уже вы, не видали меня и вѣрно забыли: я Храбренько, бывшій Вахмисшромъ въ вашемъ эскадронѣ.» — Какъ: эшо ты? Здравствуй, здравствуй, любезный мой! Но ты, брашъ, шакъ постарѣлъ, что насилу можно узнать тебя. Какъ поживаешь? — «Я уже дослужился до чина Ротмистра, переведенъ въ эшотъ полкъ, и команду шеперь эскадрономъ; кваршира моя въ здѣшнемъ селѣ.» — Слава Богу! Очень радъ, что вспрѣшился съ шобою. Но смопри, брашъ, не забывай своего прежняго обѣщанія: переѣхашъ ко мнѣ, когда захочешъ оставишь службу. Мой домъ, все содержаніе и пансіонъ до конца жизни — ны обѣщался все эшо приняты опъ меня. — «Я въ вѣкъ милоспей вашихъ не забуду,» опвѣчалъ Храбренько. — Да знае-

ше-ли, Александръ Андреевичъ»—прибавилъ онъ — «что у насъ въ полку есть еще старый вашъ знакомый, Левъ Федоровичъ Пальмирскій, котораго вы записали въ службу, и вывели скоро въ офицеры? Онъ уже теперь Маіоръ. Его произвели при послѣднемъ смотре, въ маневрахъ, за отличное состояніе его эскадрона, съ переводомъ къ намъ въ полкъ. Онъ часто вспоминаетъ объ васъ и спрашиваетъ васъ любитъ. Эскадронъ его версхъ въ 20-ши опсюда; я сей часъ пошлю къ нему, и онъ вѣрно завтра къ свѣту явится сюда.» — Какъ! Левушка Пальмирскій шакъ близко?—вскричалъ Чадскій.—Пожалуста пошли, братъ, поскорѣе. Я спрахъ какъ радъ буду видѣть его.—Храбрено пошчасъ приказалъ одному изъ пѣсельниковъ опправиться къ Пальмирскому, взявъ лошадь и сани съ его конюшни. «Какъ время лепить! — продолжалъ Чадскій. — Давно-ли, кажется, онъ былъ мальчикъ Левушка, и вы учили его ѣздить верхомъ? Экіе, братъ, мы

старики съ тобою! Но покамѣсь , по старой дружбѣ , помоги мнѣ какъ нибудь вырваться отсюда. Я право со всѣмъ ошвыкъ ошъ пишь; у меня и съ одного бокала голова кружись , а я знаю , что ошъ Рубакина однимъ бокаломъ не ошдѣлаешься. » — Подождише немного — ошвѣчалъ Храбренько. — Онъ шеперь не то , что бывалъ въ спарину : гораздо спалъ слабѣе. Еще одинъ , или два спакана пуншу , и онъ свались , какъ снопъ. Уѣхашъ шеперь невозможно : онъ шопчасъ хвашись , разбранись , и , можешъ бышь , съ пьяна еще приблешъ свою бѣдную жену , за то , что не умѣла удержашъ васъ , а самъ со всѣми пѣсельниками , поѣдешъ васъ ошыскивашъ. Вотъ что надобно дѣлашь : когда вамъ будешъ подноситъ , то , чтобы не рассердитъ Рубакина , берите. Я спану заслоняшь васъ , а вы спановите на окно , или ошдавайте пѣсельникамъ. Онъ шакъ пьянъ , что ничего не замѣтитъ. — Чадскій поступалъ по совѣшу Храбреньки Меж-

ду нѣмъ онъ просилъ показашъ ему: который изъ офицеровъ корнешъ Угаровъ. Ему указали, сидѣвшаго за картами молоденькаго офицерики, не дурнаго собою, но уже весьма пьянаго. «И это мой соперникъ!» подумалъ Чадскій. «Сестра права: не можешъ бышь, чтобы Софья была въ интригѣ съ нимъ.»

Вскорѣ явился Рубакинъ, и за нимъ человекъ съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько стакановъ пуншу. «Опещъ и командиръ, Александръ Андреевичъ! выпейте еще хотя одинъ стаканчикъ; болѣе просить не буду!» — Ей Богу, никакъ не въ силахъ — отвѣчалъ Чадскій. — «Сдѣлайте одолженіе.» — Право не могу. — «Жена! дѣши!» — закричалъ Рубакинъ — «сюда: спановишесь на колѣни, и просите Александра Андреевича, чтобы выпилъ.» При сихъ словахъ, онъ самъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни. Чадскій удержалъ его. «Полно, брашецъ! Какъ тебѣ не стыдно?» Зная однакожъ, что онъ него ничѣмъ опдѣ-

лапсья не лзья, Чадскій сказалъ: «Пуншу, воля швоя, никакъ пишь не могу, а ежели непременно пребуешь, шо дай рюмку какого нибудь вина.» — Право пуншъ лучше! — отвѣчалъ Рубакинъ. — Но, шакъ и бышь: выпейше хопя еще спаканъ Шампанскаго, или . . . поспойше: у меня есть заповѣдная наливка! Сей часъ самъ принесу!

Чадскій думалъ воспользоуашься его уходомъ, и, полагая, что онъ съ-пьяна все перезабудешъ, поручилъ Храбренкѣ заговорить его и удержашъ въ залѣ, а самъ пошелъ къ дамамъ, въ диванную. Онъ надѣялся въ кругу ихъ найдши убѣжище, подошелъ къ нимъ, и сѣлъ подлѣ жены Рубакина. Разговаривая съ нею, Чадскій увѣрился, что она очень порядочная женщина, хорошо воспитана и, слѣдовашельно, ведешъ несчастную жизнь съ шакимъ пьяницею.

Но хитроспѣ Чадскаго неудалась. Тщешно Храбренко хопѣлъ заговорить Рубакина, и самъ выпилъ съ нимъ по

большой рюмкѣ наливки. Онъ помнилъ, что хотѣлъ подчивать Чадскаго, и пошелъ ошыскивать его. — «Выкушайте, Александръ Андреевичъ!» сказалъ онъ. «Эпо чудо: вы опъ роду не пивали такого нектара. И называется-шо *птижье молоко*. Попробуйте только: сами еще попросите.» Безполезны были всѣ ошговорки. Жена Рубакина хотѣла было также убѣждать мужа не принуждать Чадскаго. Но эпо посредничесшво до такой степени взбѣсило его, что онъ бросился бить ее. Чадскій поспѣшилъ выпить, чтобы успокоить его и избавить жену опъ побоевъ. Рубакинъ былъ доволенъ, и самъ выпилъ за здоровье Чадскаго; но вскорѣ послѣ того упалъ на полъ, безъ чувствъ.

Всѣ дамы, и въ особенносши жена его, перепугались до чрезвычайности: она плакала, и не знала что дѣлать. Чадскій позвалъ людей; подняли Рубакина и опнесли на постелю. Между шѣмъ Чадскій велѣлъ подать уксусу и холодной воды;

намочили ему голову и перли виски. Онъ вскорѣ очнулся и спалъ понемногу говоришь. Ему было чрезвычайно совѣстно передъ Чадскимъ: называя его Пешромъ Евдокимовичемъ, онъ просилъ у него прощенія, и хотѣлъ цѣловать его руки. Чадскій совѣтовалъ ему успокоиться и заснуть, а самъ, вскорѣ послѣ этого, вмѣстѣ съ Храбренкою, уѣхалъ отъ него.

Храбренко уступилъ Чадскому свою кварширу, и самъ ушелъ въ другую избу. По жилищу бывшего своего Вахмиспра, Чадскій видѣлъ, что хозяинъ также не великій господинъ. Но, по крайней мѣрѣ, все было у него чисто, изба бѣлая и просторная. Каммердинеръ Чадскаго послалъ своему барину дорожный его пюфякъ; онъ закурилъ трубку, и вскорѣ крѣпко заснулъ, утомленный дорогою и гусарскою гулянкой.

ГЛАВА V.

« La corruption du cœur est la source
« de nos erreurs. »

ВАРТНÉЛЕМУ.

« Развращеніе сердца есть источ-
« никъ нашихъ заблужденій. »

БАРТЕЛЕМИ.

Съ вечера приказалъ Чадскій своему Каммердинеру, на другой день рано, опыскашь и пригласишь къ нему Угарова. Лишь только онъ проснулся, ему доложили, что Угаровъ его дожидается. Онъ пошчасъ велѣлъ позвать его къ себѣ. « Вашей-ли руки эша записка, и къ кому вы ее писали? » сказалъ Чадскій, съ

сверкнувшими опъ гнѣва глазами, лишь только Угаровъ успѣлъ войдши къ нему. — Моя, сударь — опвѣчалъ Угаровъ, изумленный такою встрѣчею — «Къ кому вы ее писали? Извольте говорить правду!» повпорилъ Чадскій грознымъ голосомъ. — Помилуйте, Полковникъ, я не намѣренъ васъ обманывать. Но ежели вамъ угодно узнать что нибудь опъ меня, то прошу васъ переменить понъ. — «Извините!» сказалъ Чадскій, насилу удерживая бѣшенство свое. «Я васъ прошу сказать: ваша-ли эша записка, и къ кому вы ее писали?» — Я имѣлъ честь объявить вамъ, что записка моя. Испорія эша гласна въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я писалъ къ Графинѣ Софѣ Хлесповой. — «Какъ: къ Графинѣ Софѣ Хлесповой?» вскричалъ Чадскій, внѣ себя опъ радости, и чуть не бросившись цѣловать Угарова. «Ахъ, Боже мой! какъ я глупъ: она сама при мнѣ называла ее Соничкою, а я не могъ догадаться! . . . Извините, что я васъ обезпокоилъ!» про-

должалъ онъ. « Такъ эпа записка почно къ Графинѣ Софѣ Хлесповой? » — Точно къ ней. Быль молодцу не укора — опвѣчалъ Угаровъ ободрившись. — Вы, Полковникъ, еще сами молоды, и съ вами вѣрно шоже случалось. Графиня Хлеспова родная племянница здѣшняго богатого помѣщика, Князя Рамирскаго. Мы были всѣ приглашены на праздникъ къ нему. Вальсируя съ Графинею, я почувствовалъ, что она жметъ мнѣ руку, и эшого было довольно. Я самъ шѣмъ-же опвѣчалъ; часъ опъ часу знакомились мы съ нею короче, и спали даже передавашъ записочки другъ другу. Видно хозяйка замѣшила эшо, и, можешъ бышь, нарочно занемогла; шолько намъ всѣмъ должно было опправляться опъ Князя Рамирскаго. На прощаньѣ, подарила мнѣ Графиня вошъ эшо кольцо, и мы условились переписываться съ нею, черезъ ея горничную дѣвушку. Въ запискахъ нашихъ мы клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности; но при первомъ свиданіи, въ са-

ду, когда мы условливались было бѣ-
жашь, и шайно обвинчашься, дядя ея под-
слушалъ насъ и внезапно явился. Мнѣ
запрешилъ онъ ѣздить къ нему въ домъ,
жаловался на меня Полковнику, словомъ:
самъ сдѣлалъ эту испорію гласною. Вся-
кій въ здѣшнихъ мѣстахъ подтвердитъ
все, что я вамъ рассказываю. Впрочемъ,
я почно думалъ было жениться. Меня
увѣряли, что Графиня богата; но по-
слѣ я узналъ, что все имѣніе принадле-
житъ ея матери, а у нея ничего нѣтъ.
Она-же спарѣ меня, и большой привле-
кательности не имѣетъ. Я оставилъ те-
перь мысль объ ней, и на нѣсколько
писемъ ея даже не отвѣчалъ. —

«Вамъ сказали неправду,» возразилъ
Чадскій, повинувшись чувству мщенія, за-
то, что Хлещова такъ безсовѣстно
обманула его. «Она богата, а, напро-
тивъ, ея мать ничего не имѣетъ. Мать
все свое промочала, но у вашей Софьи
опцовское большое состояніе. Женись
на ней, милый мой! женись, ежели

только можете возобновить прежнюю вашу связь. » — О! за эшимъ дѣло не спанешъ — опвѣчалъ Угаровъ.

« Но что-жъ мы споимъ? Садись, сдѣлайте одолженіе садись, любезный Г. Угаровъ! Эй, Вася! » сказалъ Чадскій камердинеру своему — « давай намъ чаю и прубокъ. Да, послушай: извощикъ, копорый везъ насъ, здѣсь еще, или уѣхалъ? » — Еще здѣсь — опвѣчалъ Вася. Я ему заплашилъ чепверные прогоны опъ послѣдней деревни сюда, а онъ говоритъ, что вы обѣщались ему за всю станцію, опъ самого города, и хочешъ самъ просить васъ. — « Онъ врешъ; но заплаши ему, что онъ пребуешъ, только съ шѣмъ, что если его лошади опдохнули, то онъ долженъ везши меня и опсюда. Я сей часъ ѣду въ Москву. Укладывайся, и вели запрягашь. »

Чай и прубки были пошчасъ поданы. Въ это время вошелъ Храбренько, въ полномъ мундирѣ, съ рапортомъ, и съ ординарцемъ. « Полно, сшарикъ, церемонить-

ся со мною, » сказалъ Чадскій, пожавъ ему руку. « Оппусти ординарца, сними съ себя киверъ, и садись пить чай съ нами. » Ординарцу Чадскій подарилъ рубль серебромъ.

Въ слѣдъ за симъ вошелъ Маіоръ Пальмирскій, за копорымъ Храбрено посылалъ съ вечера. « Ахъ, милый Левушка! » вскричалъ Чадскій, бросившись цѣловать его. « Это ты? Какъ я радъ, что шакъ нечаянно увидѣлся съ шобою! » Они оба нѣсколько разъ принимались цѣловать другъ друга. « Ну, что, любезный другъ? Какъ поживаешь? Ты ни сколько не перемѣнился: шаконъ-же свѣжій и краснощокій, какъ былъ прежде. А какъ давно не видались мы съ шобою... Извини, брашъ, что я назвалъ шебя Левушкою. Теперь это уже негодится, но я шакъ привыкъ, что невольно вырвалось это, когда я увидѣлъ шебя. »

— Сдѣлайте милость и не опвыкайте. Называйте меня всегда Левушкою: это напоминаетъ мнѣ мою молодость,

и то, чѣмъ я вамъ обязанъ. Я въ вѣкъ не забуду вашихъ одолженій. —

«Э, полно, брашецъ, какія одолженія! Ежели разобрати, то ты гораздо болѣе меня одолжалъ, чѣмъ я тебя. Ты всѣмъ заправлялъ, и все дѣлалъ въ моемъ эскадронѣ. Безъ тебя я совсѣмъ-бы пропалъ. А вмѣсто благодарности, еще я-же часто, по бѣшенному моему характеру, тебя бранивалъ, и ты по дружбѣ своей все сносилъ отъ меня. Вотъ ужъ мнѣ точно не лѣзя въ вѣкъ забыть крошечки и шерстинки твоего. Что: ты все такой-же служака, какъ былъ прежде? Я увѣренъ, что у тебя чудесный эскадронъ. Досадно, что нѣкогда мнѣ захватъ полюбоваться, въ какомъ у тебя все порядкѣ!»

— Надобно опадать справедливости Льву Федоровичу—сказалъ Храбренько.— Ему доспался худшій эскадронъ въ полку, но онъ, въ самое короткое время, шакъ его поправилъ, что узнать невозможно. —

« Доспавшійся мнѣ эскадронъ былъ недурень людьми и лошадьми, » отвѣчалъ Пальмирскій — « но въ немъ все было до такой степени распроено и избаловано, что повѣришь не лзя. Вообрази себѣ, Александръ Андреевичъ—вы сами долго служили и командовали эскадрономъ—слыхали-ль вы когда нибудь такія проказы, какія дѣлалъ мой предмѣшникъ? Я не говорю уже о томъ, что для сбереженія аммуниціи, гусары его носили шулуы и кафшаны хозяевъ, у которыхъ они спояли. Но онъ еще принудилъ креспьянъ выпроить на ихъ счетъ особья конюшни и манежъ; бралъ у нихъ фуражъ даромъ; за провіантъ никогда ничего не плашилъ; для своего спола собиралъ также все въ реквизицію, и заставлялъ несчастныхъ креспьянъ, на ихъ-же собственныхъ лугахъ, косить ему сѣно; словомъ: онъ распоряжался какъ ему хотѣлось, а къ довершенію всего довелъ до того гусарь, что ни одинъ изъ нихъ, ни въ караулъ, ни въ

манежъ, не ходилъ пѣшкомъ : для этого наряжались подводы. Напрасно крестьяне приносили нѣсколько разъ жалобы Исправнику. Всякій мѣсяцъ прїѣзжалъ самъ Исправникъ въ тѣ деревни, гдѣ стоялъ эскадронъ, и, по предварительному условію съ предмѣстникомъ моимъ, принуждалъ крестьянъ подписывать квишанціи о добропорядочномъ квартирномъ. Мнѣ очень трудно было, когда я принялъ эскадронъ, разрушивъ этотъ порядокъ и располковавъ гусарамъ, что мы стоимъ не въ завоеванной, непріятельской странѣ, а въ своемъ опеческѣ. И за всѣмъ тѣмъ, вообрази себѣ, что мнѣ теперь получаешь квишанціи гораздо затруднительнѣе, нежели моему предмѣстнику: дѣлишься съ Земскимъ Судомъ мнѣ не изъ чего, и черезъ это я терплю всѣ возможные припѣсненія.»

—Хорошъ молодецъ!—сказалъ Чадскій.— Опъ роду не слыхивалъ я такихъ чудесъ, и, признаюсь, ежели-бы не ты го-

ворилъ, но я никакъ-бы не повѣрилъ. Не уже-ли все это даромъ сошло ему съ рукъ?

«Разумѣется, нѣтъ! — отвѣчалъ Пальмирскій. — Полковой Командиръ получалъ, въ свое время, положенныя квишанціи, жалобъ ошъ Земскаго Суда никакихъ не было, шакъ ему и въ голову не могло придти, чшобы шакое грабительство совершалось, почши подъ его глазами. Когда онъ пріѣзжалъ осмапривашъ эскадронъ, по Вахмиспръ опряжалъ уншеръ-офицера и нѣсколько гусаръ, чшобы не допускашъ до него креспьянъ. Нѣсколько мѣсяцовъ продолжались эшѣ проказы. Но однажды, при вѣѣздѣ Полковника въ село, увидѣлъ онъ нѣсколько рядовыхъ, ѣдущихъ на подводахъ. Оспановленный имъ, одинъ изъ нихъ, посшупившій недавно шолько изъ рекрупъ, чисшосердечно объявилъ, чшпо они ѣдушъ въ манежъ, и въ дальнѣйшихъ распросахъ выболшалъ, чшпо они въ манежъ и въ караулъ, и даже другъ къ

другу по се-ту, ѣздятъ на крестьянскихъ подводахъ. Вы не можете повѣришь, до какой степени былъ взбѣшенъ Полковникъ! Тотчасъ призвалъ онъ Спароспу, и собралъ сходку, на которой наконецъ все открылось ему. Послѣ того велѣлъ онъ сдѣлать, законнымъ порядкомъ, наиспрожайшее изслѣдованіе, хотѣлъ представить о преданіи суду эшого, какъ вы сказали, чудеснаго молодца, и единственно только по просьбѣ офицеровъ, и чтобы не разрушилъ опличія, которымъ пользуетсѣ нашъ полкъ, что у насъ никогда и никого нѣтъ подъ судомъ, согласился на то, чтобы эскадронный командиръ тотчасъ удовлетворилъ обывашелей, и самъ подалъ въ опспавку.»

Въ продолженіе эшого разговора, Чадскій замѣшилъ, что Пальмирскій и Храбреноко съ изумленіемъ смошрѣли на Угарова, сидящаго вмѣстѣ съ ними и курящаго трубку.

« Вы удивляешесѣ, что видите здѣсь Г-на Угарова? » сказалъ Чадскій. « Я

пригласилъ его къ себѣ : мнѣ нужно было переговорить съ нимъ, и объясненіе наше благополучно кончилось. Послушайтесь меня, любезный Угаровъ: возобновите, если можно, то дѣло, о которомъ мы говорили» — продолжалъ Чадскій, сохраняя еще чувство мщенія къ Графинѣ Хлесповой, за клевету ея на Софью. Вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось ему еще болѣе увѣришься : точно-ли интрига Угарова такъ гласна, какъ онъ говорилъ ему? « У васъ въ полку эпошъ Г-нъ Корнешъ молодецъ : пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! »

— Да, и за побѣду свою еще просидѣлъ нѣсколько дней подъ арештомъ — сказалъ Храбренько, съ улыбкою, догадываясь о чемъ идетъ дѣло, пошому, что исторія Угарова точно была всѣмъ извѣстна. « Какъ? — возразилъ Чадскій. — Это несправедливо! За такія дѣла гусара не должно сажать подъ арештъ. Видно, вашъ Полковникъ забылъ, что гусаръ проклятью предается, если лошадь

осадить, или миленькой плутовкѣ сердце даромъ подарить. Какъ-же это было? Не пы-ли, старый грѣховодникъ, виновашъ въ этомъ?» — Точно я — опивѣчалъ усмѣхаясь Храбренко. — Г-нъ Угаровъ въ моемъ эскадронѣ; я командировалъ его съ бракованными лошадьми, а ему не хошѣлось опоздашь на свиданіе. Мы съ нимъ повздорили: служба службою, а дружба друбою. Я наспояшительно послалъ его, а ему, чтобы не опоздашь къ назначенному времени, вздумалось увѣришь Полковаго Адъютанта, что я не далъ ему описи лошадей. Полковникъ велѣлъ сдать лошадей покамѣсшъ въ Лейбъ-эскадронъ, и самому возвратишься домой, а мнѣ прислалъ выговоръ. Скоро все опкрылось, и Г. Угаровъ погоспилъ довольно долго на гаушвахшѣ.» Чадскій смѣялся; но Пальмирскій, съ важнымъ видомъ, оборопилъ къ Угарову.

«Вы опять напроказили — сказалъ онъ ему —» и шеперь, можешъ бышь, не

такъ-то легко опдѣлаешесь. Не понимаю! Ежели вы не любите сами себя, то, по крайней мѣрѣ, хоша-бы вы пощадили шариковъ своихъ, отца и мать. Какое имъ будетъ видѣнь васъ солданомъ? А вы непременно эшимъ кончите!» — Что такое?—спросилъ Чадскій. — «Вы хорошо сдѣлали, что скоро уѣхали опъ Рубакина — опвѣчалъ Пальмирскій. — Тамъ была порядочная комедія, и праздникъ его кончился очень непріятно. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, молодецъ хошъ куда, прострѣленный насквозь, и нѣсколько разъ бывшій уже на смертномъ одрѣ опъ дуэлей, поссорился за каршами съ однимъ помѣщикомъ, какимъ-то опспавнымъ 44-го класса, Г-мъ Проспакковымъ. Слѣдствіемъ этой ссоры была полновѣсная пощечина Г-ну Проспаккову. Жена его упала въ обморокъ. Всѣ дамы перепугались, въ особенності-же бѣдная хозяйка, которая только было успокоилась, уложивъ спать пьянаго своего мужа. Къ счастью, бывшій пушъ

Маіоръ Любскій поспаларся кое - какъ прекрапишь шумъ , и не допуспилъ до драки шпашскихъ и помѣщиковъ съ нашими , а уже нѣкошорые изъ офицеровъ вынули было и сабли , и въ шомъ числѣ изъ первыхъ Г. Угаровъ! »

—Помилуйте, Левъ Ѳедоровичъ! Какъ-же мнѣ было не заспулипъся за шоварища?—

« Эша непріятная испорія будешъ имѣшь дурныя послѣдствія — продолжалъ Пальмирскій. — Любскій, проѣзжая въ городъ къ полковому командиру, разсказалъ мнѣ все происшествіе. Онъ предлагалъ кончить , какъ надобно между благородными людьми; обѣщавъ Проспакову, что нашъ офицеръ дастъ ему все преимущество передъ собою; предлагалъ, чтобы онъ первый выпрѣлилъ по немъ, а нашъ будешъ стрѣлять на воздухъ. Но все напрасно ! Секретарь Земскаго Суда сердилъ на Полковаго Командира, и подбилъ эшого Проспакова. Ему сочинили ужаснѣйшую просьбу. Любскій сказывалъ, что и вы, и Храбреноко,

поспавлены въ свидѣтели. Это очень непріятно. Надобно посшараться, чшобы васъ какъ нибудь не замѣшали въ эту исторію.» — Чего-же шакъ бояшсья? — возразилъ Чадскій. — Насъ вѣдь не было. — « Это правда; но злоумышленные подъячіе способны ко всякой клеветѣ и кознямъ. Они могутъ запушашь дѣло, и ввернушъ шакой крючекъ, кошораго предвидѣть не лзя. Гораздо-бы лучше было, ежели-бы вашего имени совсѣмъ не упоминали. Шшапскіе въ здѣшнихъ мѣсшахъ — прибавилъ Пальмирскій — чрезвычайно зляпся на нашего Полковника; но злоба ихъ дѣлаешъ ему чесшъ. Онъ изобличилъ и вывелъ наружу шакія злодѣйства, шакія ужасныя пресшупленія, кошорыя превышающъ всякое вѣрояніе. Для примѣра, должно разсказащъ вамъ о нѣкошорыхъ подвигахъ бывшаго здѣсь Исправника. Кажешся, не лзя вообразилъ себѣ, чшобы злоумышленность могла просширашсь до такой шшепени. Однажды, самъ Асмодей внушилъ ему

мысль нажить нѣсколько десяшковъ тысячъ рублей слѣдующимъ средствомъ. Опыскавъ двухъ собратовъ своихъ, шакихъ-же злодѣевъ, какъ онъ самъ, командировалъ онъ ихъ въ лѣсъ, къ большой дорогѣ, и велѣлъ имъ сдѣлать нѣсколько нападеній на проѣзжихъ, шакъ, чшобы разнесся слухъ по уѣзду о разбояхъ и грабежѣ. Послѣ этого онъ донесъ высшему Начальству, и просилъ воинской команды, въ пособіе къ поимкѣ разбойниковъ. Все пошчасъ было ему прислано. Онъ окружилъ лѣсъ командою, и, съ нѣсколькими людьми, подвергая жизнь свою опасности, какъ онъ доносилъ Губернатору, отправился въ середину лѣса ловить. Разумѣется, разбойники его пошчасъ были пойманы и закованы. При допросахъ, кошорые были имъ дѣлаемы со всею возможною справедливостію и безпристрастіемъ, открывалось, какъ будшо нарочно, чшо самые богатые и исправные обыватели въ уѣздѣ были пристанодержателями.

Исправникъ пошчасъ посылалъ хвашапъ ихъ, и предспавлялъ въ городъ, скованныхъ, для очныхъ спавокъ. Тщешно доказывали эши несчастные совершенную невинность свою: ихъ до шѣхъ поръ держали въ шюръмѣ, въ цѣпяхъ, покуда они не предспавляли другихъ доводовъ, гораздо краснорѣзливѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ. Тогда опкрывалось, чшо они правы, и разбойники сознавались, чшо показывали ложно, или по ошибкѣ, или по злобѣ на нихъ. И новые, такіе-же приспанодержашели являлись на сцену. Съ ними поступали шочно шакже. Такимъ образомъ весь уѣздъ былъ обрабо-танъ, всѣмъ богатымъ обывашелямъ доспалось по-ровну, и кончилось шѣмъ, чшо разбойники какъ-шо негаянно бѣжали изъ шюрьмы, а Исправникъ приобрѣлъ черезъ-шо нѣсколько десяшковъ тысячъ рублей. Тѣми-же правилами руководспво-вался онъ въ слѣдспвіяхъ о найденныхъ въ уѣздѣ мершвыхъ шѣлахъ. Эшо называлось здѣсь сѣнокосомъ. Исправникъ,

Спряпчій и Уѣздный Лекарь, какъ голодныя, хищныя пицы, бросались на жертвы свои. Несчастные обыватели, у кошорыхъ во владѣнїяхъ сыскивались мершвыя шѣла, старались, какъ нибудь попихоньку, свозить ихъ съ своей земли. Земскому Суду было это извѣстно: ихъ ловили, предавали суду и, обобравъ, оправдывали. Припомъ-же, вообще зажиточные крестьяне были непременно замѣшаны при сихъ слѣдствїяхъ, и безъ представленїя особыхъ, краснорѣчивыхъ доказательствъ никакъ оправдаться не могли. Подушныя деньги собиралъ Исправникъ также съ необыкновеннымъ искусствомъ. Ежели недоспавало хопя какой нибудь бездѣлицы для полной уплаты, то онъ наспоятельно пребо-валъ ее, не принимая никакихъ отговорокъ. Никакія словесныя просьбы объ отсрочкѣ, хопя на короткое время, не принимались въ уваженіе: онъ угрожалъ сельскихъ начальниковъ заковать и посадить въ тюрьму. Но потчасъ со-

глашался онъ на просьбы ихъ, получивъ лично себѣ въ подарокъ значительную часть денегъ, собранныхъ на подушныя, и тогда давалъ отсрочку, и уѣзжалъ изъ селенія. Такимъ образомъ мірская сумма уменьшалась. Должно было вновь дѣлать раскладку, для пополненія того, что подарено Исправнику, и опять вся тяжесть падала на зажиточныхъ крестьянъ. Неисправные плательщики, то есть лѣнивые и пьяницы, опять ничего не платили. Мірской суммы на подушныя недоставало. Вскорѣ Исправникъ вновь являлся, опять бралъ взятки за обожданіе, и, слѣдовательно, большая часть мірскихъ денегъ поступала въ собственность Исправника, а недоимка на селеніи оставалась, и постепенно опять пеня увеличивалась. Оканчивалось тѣмъ, что отправлялась, какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ называется, вмѣсто экзекуціи, *сѣкуція*, состоявшая въ томъ, что у несчастныхъ крестьянъ, за которыми считалась недоимка, продавали не поль-

ко хлѣбъ и скопѣ , но и послѣднее ихъ имущество , за совершенный безцѣнокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ доспавалось и прочимъ: и ихъ грабили и обирали шѣ, кшо былъ употребляемъ на *сѣкуцію*. Слѣдствія такихъ распоряженій были всегда полезны наиболѣе цѣловальникамъ. Нашъ народъ , и съ горя и съ радости , любилъ выпить. Часно, когда у кресстьянъ отбирали имущество ихъ на пополненіе недоимки , то и послѣдніе кафшаны переходили въ собственность цѣловальника. Словомъ : какіе ужасы совершались при этомъ душегубцѣ — повѣрить невозможно! Въ примѣръ можно поставить здѣшнее селеніе , изобилующее землею , лѣсомъ и всѣми угодами , сверхъ того имѣющее , по мѣстному положенію своему вблизи торговыхъ городовъ , большія удобства, но, не смотря ни на что, оно пришло при немъ въ совершенный упадокъ. »

— Да этошъ злодѣй хуже всякаго разбойника , который грабитъ на боль-

шой дорогѣ!—сказалъ Чадскій.—Топъ гораздо великодушнѣе: онъ, по крайней мѣрѣ, подвергаетъ жизнь свою опасности.

«И конечно» — продолжалъ Пальмирскій. — «Но сколько вору ни воровать, а висѣлицы не миновать. Полковникъ нашъ довелъ до свѣдѣнія начальства всѣ злодѣйства Исправника. Сдѣлано было наиспрожайшее изслѣдованіе, и онъ предпринялъ, самымъ прямымъ пракшомъ, путешествіе въ страну, завоеванную Ермакомъ, гдѣ капоржная работа была ему вознагражденіемъ за его подвиги.»

— Послушай, любезный Левушка — сказалъ Чадскій. — Ахъ, извини меня! Я такъ привыкъ называть тебя Левушкою. . . Все, что ты мнѣ рассказывалъ, во всякое другое время заспавило-бы меня ужаснувшись; но послѣ того, что со мною самимъ случилось, я не расположенъ уже болѣе ничему удивляться, и не могу ничѣмъ оскорбиться. Вообрази себѣ, что въ мою деревню приѣхалъ Сельскій Засѣдатель, извѣстный во всемъ

уѣздѣ пьяница—проспо, грабить моихъ креспьянъ! Разсказывать весь ходъ дѣла, и почему послѣдовалъ набѣгъ на мое имѣніе, было-бы продолжишельно. Къ счастью, меня въ то время не было дома. Ты знаешь мой характеръ: безъ смертоубійства не кончилось-бы, и меня, по всей справедливости, сослали-бы въ Сибирь. Самъ Богъ помиловалъ меня. Но я, какъ помѣщикъ, уполномоченный самыми законами быть покровителемъ своихъ креспьянъ, поставилъ себѣ долгомъ защитить ихъ, и, по крайней мѣрѣ, хотя на будущее время, предохранить отъ нашествія самыхъ ожесточенныхъ враговъ ихъ — подьячихъ. По принесенной мною жалобѣ, произведено было слѣдствіе. Разумѣется, изъ кармана Засѣдателя перелилось въ карманъ Слѣдователя все, что онъ приобрѣлъ въ продолженіе всей жизни своей. Засѣдатель найденъ совершенно правымъ, и къ довершенію всего меня-же обвинили, не пребуя никакихъ

оправданій и доказательствъ , за то-
 чно я осмѣлился возвысить голосъ и
 искашь правосудія. Такая , можно ска-
 зать , неслыханная и невѣроятная ша-
 лость произвела надо мною дѣйствіе со-
 всѣмъ — противоположное тому , чего
 ожидать было должно. Я не разсердил-
 ся , но тяжело, и очень тяжело вздох-
 нулъ о томъ , что чиновники, поставлен-
 ные для соблюденія правосудія и охра-
 ненія нашего спокойствія , не только
 употребляютъ во зло сдѣланное имъ до-
 вѣріе, но сами охотно причисляютъ се-
 бя къ сословію грабителей на большой
 дорогѣ. Впрочемъ , хотя и утвержда-
 ютъ , что въ пословицахъ заключающіяся
 всѣ истины , я на собственномъ опытѣ
 увѣрился въ противномъ. Напримѣръ ,
 говорятъ: « Плачься Богу , а слезы во-
 да—До Бога высоко, а до Царя далеко.»
 Неправда ! Слезы невинно-спраждающихъ
 совсѣмъ не вода: онѣ доходятъ до Бога,
 и хотя Онъ высоко, но рано или позд-
 но всякій изъ насъ на эту *вышину* дол-

женъ явиться и опдашь опчешъ въ дѣлахъ своихъ. До Царя также совсѣмъ не такъ далеко, какъ воображаютъ себѣ злодѣи. Я эшо испыталъ по моему дѣлу, получивъ самое гласное и справедливое удовлетвореніе въ панесенномъ мнѣ оскорбленіи. Право, въ наше время надобно имѣть необыкновенную отважность, и, какъ говорятъ, очертя голову пускайся на проказы. Рѣдко кому сходишь даромъ съ рукъ. Однакожъ еще есть молодцы. . .

Въ эшо время камердинеръ Чадскаго пришелъ ему доложить, что лошади готовы. Чадскому спрасно хотѣлось поскорѣе въ Москву. Онъ сѣвши одѣваясь, и не смотря на замѣчаніе камердинера, что морозъ ужасный, кинулъ на полъ пригошовленное ему, дорожное, теплое плаще, надѣлъ только одну шубу, расцѣловался, и проспаясь съ Пальмирскимъ, Храбренкою и Угаровымъ, побѣжалъ садиться въ повозку. «Послушайте, Александръ Андреевичъ,» ска-

залъ Пальмирскій. «Мнѣ кажется, вамъ, хошъ на минушу, надобно заѣхать къ Рубакину, за пѣмъ, чшобы попросишь его посшарашся выпустить васъ изъ непріятной испоріи съ эшимъ Проспакымъ. Ему знакомы Исправникъ и Судья: они для него все сдѣлають.

— Правда — ошвѣчалъ Чадскій. — Только эшо много ошнимешъ у меня времени.

«Вы поѣдете мимо самага дома Рубакина.» — Ежели такъ, шо поѣдемъ вмѣстѣ къ нему. Ахъ! Да я и забылъ, чшо пы съ нимъ не знакомъ! Хошъ пы, любезный Храбренокъ, проводи меня.—Онъ вновь поцѣловался съ Пальмирскимъ, и опправился.

— Хорошъ, я думаю, шеперь Рубакинъ—продолжалъ Чадскій, сѣвши вмѣстѣ съ Храбренкою. — Любо дорого пошопрѣшь на него, послѣ вчерашней попойки. Какъ жалка жена его!—прибавилъ онъ. — Мнѣ показалась она очень порядочною женщиною. Каково ей жить съ

нимъ, и всякій день опасаться, что онъ умреть опъ пьянства!

« Она точно жалка, » отвѣчалъ Храбренко. « Эша милая и добрая женщина была-бы достойна лучшей участи. Я бываю у нихъ часто, и вижу, какую горькую чашу пьетъ она. Родители ея, бѣдные здѣшніе дворяне, пожертвовали ею богатству Рубакина. Она только что пріѣхала изъ Пешербурга, изъ Инспишупа, гдѣ воспитывалась. Рубакинъ увидѣлъ ее и влюбился. Отецъ и мать противъ воли принудили ее выйти за него, по старинному обыкновению и предразсудку: *не обѣгать перваго жениха*. Припомъ-же онъ богатъ; чего лучше хотѣть? говорили они ей. Теперь сами сожалеютъ, но помочь нечѣмъ. Впрочемъ, когда Рубакинъ не пьянъ, то онъ очень милъ и хорошъ съ нею, но ежедневно, по пословицѣ, *какъ ни бьется, а къ везеру напьется*. По этому вы можете судить: каково бѣдной его женѣ жить вѣкъ съ пьяницею! » — Вотъ

слѣдствія предразсудковъ, и мнѣнія, что богатство есть первое условіе для благополучной супружеской жизни! — сказалъ Чадскій.

Они нашли, что въ комнахахъ у Рубакина не успѣли еще прибрать остатковъ вчерашняго гулянья. Вмѣстѣ съ хозяиномъ, и люди его были всѣ пьяны. Въ залѣ было напoпшано и не подмешено; пяшенъ на полу, опѣ пролипаго пуншу и вина, еще не успѣли смыть; нѣсколько разбишыхъ спеколъ зашкнуто было салфетками; въ гостиной на полу валялись разорванныя карты, щепочки и сломанные кусочки мѣла; пріюмо было разбишо; нѣсколько стакановъ съ недопитымъ пуншемъ стояли въ горшкахъ съ цвѣтами; словомъ: вездѣ видѣнъ былъ безпорядокъ — обыкновенное слѣдствіе пьянства.

Хозяина нашли они въ спальнѣ, съ завязанною головою. Насилу могъ онъ вспасть съ креселъ: такъ вчерашняя попойка опдѣлала его. Жена, съ запла-

канными глазами, вспрѣпила Чадскаго. Онъ нашелъ еще нѣсколько вчерашнихъ гостей; у всѣхъ были распроенныя лица; однакожь на столѣ стояли, для похмѣлья, водка, правникъ, пиво, соленые огурцы, селедки и вешчина.

«Что, брашъ, поспарѣлъ?» сказалъ Чадскій Рубакину. «Не такъ легко сходишь шебѣ съ рукъ попойка, какъ бывало въ спарину. Полно, любезный мой, пора пересташь; вспомни, что у шебя жена и дѣши.» — Ахъ, правда ваша, Александръ Андреевичъ! Прошли видно эши времена, когда, бывало, вдвос выпьешь, а на другой день шакъ свѣжъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Чшо я выпилъ вчера? Вздоръ! Не болѣе 8-ми или 10-пи спакановъ пуншу, а такъ голова ломишъ, чшо мочи нѣшъ. Припомъже эшо безпокоишъ бѣдную мою Вариньку — сказалъ онъ цѣлуя руку у жены, копорая залилась слезами. — Вошъ видише: она плачешъ и распроиваешъ свое здоровье. Полно — перестану со-

всѣмъ пишь!—воскликнулъ онъ, наливъ и выпивъ большую рюмку правнику. — «Какъ-же ты хочешь переспать, а сейчасъ выпилъ такой ужасъ, что мнѣ кажешся, у меня сожгло-бы всю внутренность?» спросилъ Чадскій. — Не лѣзя: надобно опохмѣлишься, и, какъ говорятъ, колъ коломъ выгоняешь. Припомъ-же это цѣлебная наспойка — продолжалъ Рубакинъ. — Не хошите-ли и вы чего нибудь закусить? — «Нѣтъ, мой любезный, я сейчасъ пилъ чай, и заѣхалъ только на минушу повидаться, проспавшись съ тобою, и попросятъ, чтобы ты постарался выпустить меня и Храбреньку изъ непріятной испорціи, случившейся вчера въ пивомъ домѣ. Насъ обоихъ не было въ это время, а говорятъ, что мы поставлены въ просьбѣ свидѣтелями.» — Какой вздоръ! Объ васъ вѣрно нѣтъ ни слова. — «Нѣтъ, мы знаемъ навѣрное, что насъ также помѣстили.» — Да и дѣло все пустое—прибавилъ Рубакинъ.—Подарить Секретарю

рублей спо , такъ все и кончися. Я совѣщивалъ Любскому сдѣлать это. Онъ поѣхалъ въ городъ, и, вѣрно, вскорѣ возвращишся съ изодранною просьбою. — «Дай Богъ, чпобы такъ кончилось!» сказалъ Чадскій. «Однакожъ, прощай, любезный другъ! Мнѣ пора ѣхать.» Съ симъ словомъ онъ вспалъ, разцѣловался съ нимъ, подошелъ къ рукѣ его жены, раскланялся со всѣми и отправился въ путь.

Храбренько провожалъ его до выѣзда изъ селенія. «Я было и забылъ поблагодарить тебя» — сказалъ Чадскій, прощаясь съ нимъ — «за ночлегъ. Но ты, смотри, не забывай обѣщанія своего переѣхавъ ко мнѣ, когда оставишь службу. Покойный, теплый уголь, и все содержаніе гошovy для тебя, старый товарищъ!» Храбренько, со слезами на глазахъ, благодарилъ его.

ГЛАВА VI.

« Une belle femme , avec les qualités
« d'un honnête homme est la perfection
« de l'espèce humaine. »

Ю у у.

« Прелестная женщина , съ свой-
« ствами добродѣтельнаго мужчи-
« ны — верхъ человѣческаго совер-
« шенства. »

Ж у н.

Чадскій пріѣхалъ въ Москву на Спра-
спной недѣлѣ , и пошчасъ отпра-
вилъ въ Свіяжскую, горя неперенѣніемъ поско-
рѣе увидѣть Софью. Но Свіяжская имѣ-
ла обыкновеніе два раза говѣть, на пер-
вой и Спраспной недѣлѣ Великаго по-

сша. Это время жила она въ глубокомъ уединеніи, и никого къ себѣ не принимала. Съ досадою долженъ былъ Чадскій вернуться отъ ея крыльца, и велѣлъ везши себя къ Князю Фольгину. Съ нимъ былъ онъ родня, и довольно друженъ.

«Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ Князь Фольгинъ, расцѣловавшись съ Чадскимъ. «Вдругъ ускакалъ ны изъ Москвы, не проспившись, и не сказавъ никому ни слова. Гдѣ ны пропадалъ все это время? И что значишь спранный и внезапный пвой отъѣздъ? Я не былъ на балѣ у Графини Хлесповой, о Масляницѣ, а мнѣ сказывали, что ны получилъ какую-то записку, ускакалъ съ бала, какъ сумасшедшій, и съ тѣхъ поръ—будто въ воду канулъ! Знаешь-ли? О тебѣ сказали, что ны точно помѣшался въ умѣ, и что тебя, по секрету, здѣсь въ Москвѣ лечатъ. Многіе добрые люди говорили даже, что слышали это отъ Доктора, который къ

тебѣ ѣздитъ. Я думаю : поспрудилась распустишь всѣ такіе слухи милая Графиня Хлестова : она ко всему способна. » — При имени Графини Хлестовой , гнѣвъ и бѣшенство Чадскаго излились въ ужаснѣйшихъ на нее ругательствахъ. « Это гнусная клеветница ! » вскричалъ онъ. « Но я оплачу ей. » Попомъ все рассказалъ онъ Князю Фольгину , объяснилъ спраспную любовь свою къ Софѣ , и просилъ совѣта : какъ ему дѣйствовать ?

« Послушай : ежели хочешь , чшобы я откровенно говорилъ съ тобою , » сказалъ Князь Фольгинъ , « по вошъ мое мнѣніе : оставь Хлестову въ покоѣ , пренебреги ея клеветою ; она лицемерна , хитра , успеешь какъ нибудь вывернушься , и дашь этой исторіи совсѣмъ другой видъ. Можешь бышь , она обратитъ еще все къ своему же предосужденію , или какъ нибудь повредитъ репутаціи невинной Софьи и Свѣяжской : распустишь слухъ , что онъ , желая отвлечь тебя

отъ ея дочери, выдумали *интригу* съ эшимъ мальчишкою, Угаровымъ. Хлеспова мастерица на такія дѣла, а ты самъ знаешь, что всякая исторія такого рода рассказывается двояко, и еще съ прибавленіемъ. Графиня вѣрно преклонилъ многихъ въ свою пользу. *Кумушекъ* обоего пола въ Москвѣ много. Гораздо скорѣе распростирающіяся худые слухи; люди охотнѣе вѣрятъ дурному, нежели хорошему, а чести дѣвушки такой цвѣтокъ *деликатный*, до котораго прикасаться не должно.»

— Ты говоришь правду — отвѣчалъ Чадскій. — Благодаренъ тебѣ, что ты предостерегъ меня. Я готовъ былъ надѣлать большихъ глупостей: вездѣ говоришь, и самой Хлесповой въ глаза сказать, что она *безстыдная клеветница*. — «Ты послушилъ-бы неловко и неосторожно,» отвѣчалъ Князь Фольгинъ. «Но, поговоримъ о спрании твоей, и о намѣреніи жениться на Софѣ. Свѣтская имѣешь весьма невыгодное

миѣніе о супружескѣ, и, кажется, прочишъ Софью въ такія-же Веспалки, какъ она сама. Надобно дѣйствовать съ большимъ искусствомъ. И того уже будешь много, ежели она не спанетъ ошсовѣтываешь Софѣ опдашь тебѣ свою руку, а на пособіе надѣяшься нѣчего. Слѣдовательно, ты долженъ скрыть отъ Свіяжской клеветы Хлесповой, настоящую причину твоего отъѣзда, вразумленіе тебя сеспрою, поѣздку для опысканія Угарова, и проч. Все это послужило-бы Свіяжской оружіемъ противъ тебя. Она тотчасъ объяснишь Софѣ, что хотя поступки твои и произошли отъ страстной любви, но показываютъ неразсудительность, пылкость и нестерпимость, а эти качества не предвѣщаютъ хорошаго мужа. Поэтому — отнюдь не говори ты о подвигахъ твоихъ, и придумай какой нибудь предлогъ внезапнаго твоего отъѣзда. Скажи, что ты пріѣзжалъ прощаться съ Свіяжскою, но не заспалъ ея дома. А самое главное—

и вошъ, чшо худо: мнѣ кажешся, Софья никакой взаимности къ тебѣ не чувствуетъ ; эпо самъ ты долженъ былъ замѣтить. Во все время описанія твоего, только разъ, или два вспомнила она о тебѣ. « Гдѣ Александръ Андреичъ Чадскій? Чшо его давно не видашь? » сказала она, весьма равнодушно. Ты знаешь, чшо Прасковья Васильевна была опекуншею моей жены, и шочно она благодѣтельница ея; мы у нея бываемъ почти всякій день ; но и она также не часпо вспоминала о тебѣ , и шо пошому только, чшо ты уѣхалъ изъ Москвы не проспаясь съ нею. Она говорила, чшо эшого никогда съ тобою не бывало прежде. Къ счастью еще, чшо она не любитъ въ обществѣ своемъ никакого злоговія. Всѣмъ, кто къ ней ѣздитъ, эшо извѣстно, и слухи, распущенные, вѣрояшно, Графинею Хлестовою, о швоемъ сумасшествіи, не могли до нея достигнуть.»

Симъ кончилось объясненіе Чадскаго

съ Фольгинымъ. Начался обыкновенный разговоръ, объ общественныхъ и городскихъ новоспяхъ, а между тѣмъ Князь Фольгинъ обдумалъ и сдѣлалъ планъ, основанный на собственнѣйшей его пользѣ. Это увидимъ мы въ послѣдствіи. Въ слѣдствіе сего плана, Фольгинъ снова обратился разговоръ на прежній предметъ.

«Однакожь, ты говоришь такъ сильно оспрашивая своей къ Софѣ, и увѣряешь, что безъ нея жить не можешь» — сказалъ Князь Фольгинъ. — Надобно тебѣ помочь пронуть ея нечувствительное сердце. Вошъ, что я думаю: послѣ Свяшѣи недѣли, у меня въ подмосковной, копорая, какъ ты самъ знаешь, близко отсюда, всего только въ 40-ти верстахъ, будетъ праздникъ, и благородный спектакль. Я приглашалъ уже къ себѣ Прасковью Васильевну, и твою Софью. Ежели погода будетъ хороша, то онѣ вѣрно пріѣдутъ. Нарочно нѣсколько дней продлю я праздникъ, и удержу ихъ у себя, подъ тѣмъ предло-

гомъ , что театръ мой не гоповъ. Ты воспользуйся этимъ временемъ. Въ деревнѣ, на свободѣ, бывши безпрестанно вмѣстѣ , найдешь ты вѣрно средство опкрыться Софѣ въ снраспной любви своей, и—я не вѣрю, чтобы въ твои лѣта, съ твоею фигуροю , и съ большимъ твоимъ состояніемъ , ты не пронулъ ея сердца. »

Чадскій благодарилъ за участіе, разцѣловалъ Князя, и нашелъ , что выдуманный имъ планъ прекрасенъ. Однакожъ , ему ужасно хотѣлось видѣть Софью. На другой день поѣхалъ онъ къ обѣднѣ , въ церковь того прихода , въ которомъ жила Свіяжская , чтобы, хопя издали, посмопрѣть на Софью. Онъ увидѣлъ ее въ углу , въ отдаленіи отъ всѣхъ. Усердно молилась она Богу , и это чрезвычайно понравилось Чадскому. Онъ самъ былъ добрый Хриспіанинъ, и всегда держался того мнѣнія , что и мужчина — вольнодумецъ непріятенъ , а

женщина - вольнодумка — самое отвратительное и несносное существо.

При выходѣ изъ церкви, приблизился онъ къ Свіяжской и къ Софѣ, когда онѣ шли садиться въ карету. «А! здравствуй Александръ Андреевичъ!» сказала ему Свіяжская. «Давно-ли пріѣхалъ?» — Только вчера, пшешка. Я былъ у васъ; но мнѣ объявили, что вы никого не принимаете. — «Да, извини меня, мой любезный. Я говорю, и шочно никого не велѣла принимать. Ты вѣрно былъ у сестры своей? Что, здорова-ли добрая моя Вѣра Андревна, и дѣточки ея?» — Слава Богу! Она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. — Съ симъ словомъ, Свіяжская садилась въ карету. Софья пріятно улыбнулась, также сказала Чадскому нѣсколько привѣтствій, и обошлась съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

Время карантина, покаместъ не пускали Чадскаго въ домъ Свіяжской, провелъ онъ очень скучно. Бывалъ у Князя

Фольгина, и вмѣстѣ съ нимъ обдумывалъ, какъ побѣдишь нечувствительность Софьи. Князь Фольгинъ ободрялъ его, и ошвѣчалъ за вѣрный успѣхъ. «Знаешь-ли?» сказалъ онъ. «Ежели-бы можно было уговорить ее — взятьъ ролю въ какой нибудь комедіи, и вмѣстѣ съ тобою играть, то вошъ-бы самый лучшій способъ объясниться съ нею. На репетиціяхъ, ты могъ-бы свободно говорить, и никто-бы не замѣчалъ за вами; потомъ, играя роль любовника съ жаромъ, могъ-бы ты нечувствительно внушить эшошъ жаръ и въ ея сердце. Да, вошъ самое вѣрное средство! Только, я думаю, врядъ-ли она согласишся взятьъ ролю... Однакожъ, я буду ее уговаривать.»

Въ первый день праздника, очень рано, Чадскій явился къ Свіяжской съ поздравленіемъ. Она никого не велѣла принимать; однакожъ приказала, чшобы изъ числа пѣхъ, кшо будетъ пріѣзжать, пригласить нѣкоторыхъ обѣдать; въ

семъ числѣ былъ и Чадскій. Онъ пріѣхалъ опять ранѣе всѣхъ, и никого еще не нашелъ въ госпиной, даже и сама хозяйка не выходила еще изъ своихъ комнатъ: послѣ обѣдни Свіяжская опдыхала, и не была одѣта въ то время, когда ей доложили о пріѣздѣ Чадыскаго. Софья вышла въ госпиную принявъ его, обошлась съ нимъ просхо, безъ церемоній, какъ съ знакомымъ и роднею Свіяжской; но Чадскій, бывши съ нею наединѣ, чрезвычайно смѣшался, не могъ ни слова сказать, и сердился самъ на себя за свою робость. Впрочемъ, скоро ободрился онъ, наговорилъ Софьѣ нѣсколько комплиментовъ, на счешъ успалости, замѣшной на ея лицѣ, опъ говѣнья и богомолья. «Но эшо дѣлаешъ васъ еще *интереснѣе*,» прибавилъ онъ. Софья отвѣчала, что она точно ушомилась, пошому, что должна была вспавать очень рано. «Особенно-же сегодня успали мы,» сказала она. «Тешка насилу выдержала. Не выходя изъ

церкви, мы опслушали заупрению и обѣдню, и все это продолжалось часа чешыре; пешушка насилу доѣхала домой; но теперь она отдохнула, и сей часъ выйдешъ.» — При сихъ словахъ вошелъ Князь Фольгинъ, съ женою. Онъ былъ очень радъ, что нашелъ Софью съ Чадскимъ наединѣ; подошелъ къ ней хрипсосоваться, и пребовалъ, чтобы она исполнила обязанность Хриспіанки, какъ надобно, то есть, чтобы при раза поцѣловала его въ губы. Софья опдѣлалась опъ его любезности, и поцѣловала его въ щеку. «А ты, братъ, Александръ Андреевичъ, хрипсосовался ли съ Софьею Васильевною? И почему ты съ нами не цѣлуешься? Прошу, по Русскому обыкновенію: начини съ дамъ, а puis la bonne bouche со мною!» Чадскій подошелъ къ дамамъ къ рукѣ, и Софья, покраснѣвши, поцѣловала его въ щеку. Самъ Чадскій насилу могъ скрыть свое замѣшательство. Князь Фольгинъ, какъ опытный свашъ, видѣвъ смященіе ихъ, пош-

часть обратилъ разговоръ на другіе предметы. Вскорѣ за симъ вошла въ госпину Свіяжская, и со всѣми перецѣловалась. Приглашены были обѣдать къ ней только Князь Фольгинъ съ женою, Чадскій, новая знакомая ея, Кирбишова, и еще нѣсколько бѣдныхъ старушекъ и дѣвушекъ, копорымъ она благодѣтельствовала. Обѣдъ продолжался недолго; замѣтно было, что хозяйка нездорова, и черезъ силу сидитъ за столомъ. Всѣ скоро разѣхались.

На другой день, Свіяжская и Софья приглашены были обѣдать къ Князю Фольгину. Жену его нашли онѣ въ задумчивости и уныніи; но за то добрый и гостепріимный хозяинъ, по обыкновению, былъ милъ и привѣпливъ. Слѣдуя общанію своему — помогать Чадскому, онъ выискивалъ разныя средства, чтобы сблизить его съ Софьею. Между прочимъ сказалъ онъ ей, съ коварною улыбкою: «Знаете-ли: я замѣтилъ въ васъ со вчерашняго дня большую перемѣну.

Чшо эшо значишь ? » Софья покраснѣла, и ничего ему не отвѣчала. Въ самомъ дѣлѣ чувствовала она что-то необыкновенное. Она не умѣла опдашь себѣ опчеша, опъ чего ей грустно, но была въ какой-то задумчивости, кошорая однакожь не шягопила ее. Ночь худо спала она, и сама не понимала, опъ чего не можешъ обходишься и говоришь съ Чадскимъ шакъ-же свободно, какъ прежде. Съ нею происходило что-то странное, чего она не умѣла постигнушь. Но Чадскій, и въ особенноти опышный Князь Фольгинъ, очень эшо понимали. Князь поздравлялъ Чадскаго, пошихоньку, съ успѣхомъ, и самъ Чадскій сдѣлался гораздо свободнѣе и смѣлѣе съ Софьею.

Послѣ обѣда, Свіяжская, по обыкновению своему, пошла немного опдохнушь, а Князь Фольгинъ убѣдилъ Софью играшь на форшепіано и пѣть. Прежде, безъ запрудненія могла она пѣть при всѣхъ; шеперь Чадскій споялъ подлѣ нея, и она робѣла, голосъ ея дрожалъ; наконецъ

она шакъ смѣшалась, что не могла продолжашь далѣе.

Князь Фольгинъ, слѣдуя плану своему, ашаковалъ ее предложеніемъ взять ролю въ благородномъ спектаклѣ, который былъ у него назначенъ въ подмосковной. «Ошъ этого я рѣшишельно опказываюсь,» отвѣчала Софья. «Вы сей часъ видѣли опынъ моей заспѣчивости. Хороша я буду на сценѣ: все испорчу, и смѣшаю другихъ актеровъ!» — Напрасно вы не надѣшесь на себя — сказалъ Князь Фольгинъ. — Съ вашею прелесною наружностію, и прекраснымъ голосомъ, вы плѣнише всѣхъ. Лишь только покажетесь вы на сценѣ, по всеобщее одобрение придастъ вамъ смѣлости. Я увѣренъ, что вы прекрасно сыграете. — «Вы можете говоришь мнѣ комплименты, сколько вамъ угодно,» возразила Софья, «но никакъ не убѣдите меня. Я сроду только два, или три, играла въ маленькихъ комедіяхъ Беркена и Жанлисъ, въ деревнѣ, въ день именинъ маменьки,

когда мы бывало дѣлали ей сюрпризы. И шумъ акшерами были мои сесстры и братъ, а зришелями маменька и нѣсколько ближнихъ родныхъ. Выйдши на сцену при сна чловѣкахъ незнакомыхъ — надобно имѣшь большую опважноспь.» — Тщешно уговаривалъ ее Князь Фольгинъ. Чадскій, напрошивъ, находилъ сужденіе Софьи справедливымъ, и соглашался съ нею, къ удивленію и досадѣ своего сваша. — По крайней мѣрѣ, не опкажише вошъ въ какой просьбѣ (продолжалъ Князь Фольгинъ): мы будемъ играшь извѣспную вамъ комедію: *Молодые супруги*. Кузина моя, Княжна Зизи Тугоховская, взяла роль Эльмиры; ей надобно пѣшь, а она на свой голось не надѣеся; сдѣлайше намъ одолженіе, за кулисами, возмише на себя трудъ пропѣшь вмѣсто ее. —

«Ежели никого лучше меня не найдеше, шакъ и бышь — на эшо я могу рѣшишья,» опвѣчала Софья. «Только за кулисами, шакъ, чшобы никто не ви-

далъ меня. Впрочемъ , я не могу вамъ дать вѣрнаго слова: ежели пещушка не поѣдетъ къ вамъ, то и я не буду. »

Вскорѣ послѣ того вышла Свѣяжская , и на приглашеніе Князя отвѣчала , что ежели будетъ здорова , то непременно пріѣдетъ. Она одобрила опказъ Софьи взявъ ролю, говоря, что почто надобно имѣть большую опважность молодой дѣвушкѣ, выставляя себя на показъ , и подвергаясь нескромнымъ замѣчаніямъ и крипикѣ незнакомыхъ людей. « Позволи-тельно въ кругу семейства своего » — продолжала Свѣяжская—«чтобы сдѣлать удовольствіе опцу и матери, выйдти на сцену , когда напередъ мы увѣрены въ добромъ расположеніи и снисходительности зрителей; но во всякомъ другомъ случаѣ должно удивляться рѣшительности и опважности молодыхъ дѣвушекъ. « Впрочемъ » — прибавила она — «мой образъ мыслей не законъ: всякій думаетъ и дѣйствуетъ по своему. »

Свіяжская хопѣла ѣхать домой ; но Князь Фольгинъ упросилъ ее остаться , и сдѣлалъ партію въ виспъ старой пешушкѣ его, Княжнѣ Загорѣцкой. Еще не доспавало одного. Чадскій ненавидѣлъ каршы, и пѣмъ болѣе шеперь, когда ему хопѣлось бытъ съ Софьею; но, по насшопашельной просьбѣ Князя Фольгина , долженъ былъ и онъ сѣспъ играшъ.

Софья, съ двоюродною сесшпрою Князя, Варварою Осиповною Сшполицыною, осшпались вдвоемъ , въ диванной. « Ежели бы вы были свидѣшпельницею ужаснѣйшей ссоры между нашими хозлевами! »— сказала Сшполицына. — « Они шолько передъ вашимъ пріѣздомъ пересшпали. Но Князь во всемъ правъ : онъ сохранилъ хладнокровіе , вѣжливосшъ и веселосшъ свою, а Княгиня плакала, укоряла его въ неразсчешливосши , роскоши и мошповсшвѣ; говорила, что они раззоряющся, и осшпавяшъ дѣшпей безъ куска хлѣба, что доходы ихъ уменьшились, а онъ хочешъ весши все прежній образъ жизни, и дол-

ги ихъ безпреспанно увеличиваюпся. Князь обрацалъ упреки ея въ шупку. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ правъ: буд-то дѣшей у нихъ множесшво! Всего только шрое. Ежели они и проживушъ большую часть имѣнія, то все еще останешся довольно. Чшождъ дѣлашь? Не всѣмъ бышь богашыми. Ахъ! какъ-бы я благодарила Бога, ежели-бы мой мужъ, хошя нѣсколько, былъ похождъ на милаго и добраго Князя Бориса Ильича.»

Софья хошѣла было возражашь, доказывашь, чшо предусмопришельность Княгини, на счешъ будущей судьбы дѣшей, доспойна похвалы, и что вообще родители, проживая имѣніе, доспавшееся имъ опъ ихъ предковъ, посшупаюшъ, шакъ сказашь, безгешно, пошому, чшо пріобрѣли имѣніе не собспвенными шрудями, и слѣдовашельно, обязаны передашь, ежели не съ присовокупленіемъ, шо, по крайней мѣрѣ, хошя въ шомъ-же положеніи своему пошомсшву. Но, зная ограниченность ума и непоняшливосшь

своей собесѣдницы, она рѣшилась ничего не говорить.

«А, кспапи!»—сказала Сшолицына.— «Знаете-ли? Пропивъ васъ есть умыселъ — только въ вашу пользу! Я подслушала разговоръ Князя Бориса Ильича съ Чадскимъ: Чадскій въ васъ влюбленъ. Они думали, что я не понимаю по-Англійски, и свободно разговаривали между собою. Предупреждаю васъ» Но Свіяжская окончила партію, и прервала бесѣду, позвавъ Софью ѣхать домой.

Софья сожалѣла, что ей не удалось дослушать разсказа Сшолицыной; но и того, что узнала она, было уже доспащно. Она вникнула въ сокровенныя чувства сердца своего, и перемѣна, кою которой до сихъ поръ она не понимала, объяснилась ей: она увѣрилась, что Чадскій сдѣлалъ большое на нее впечатлѣніе. Любовь усиливается и быстро превращается въ спросъ, или, просто, въ какое-то очарованіе, въ такомъ только случаѣ, когда мы дѣйствуемъ безъ размыш-

ленія, и совсѣмъ предадимся сему—впро-
 чемъ весьма сладостному чувству. То-
 гда любовь, шочно шакъ-же, какъ и
 другія спраси — корысполубіе, кар-
 шежная игра, и проч. и проч., посшепен-
 но берешъ поверхность надъ разсудкомъ,
 и совершенно овладѣваетъ всѣми умсп-
 венными способностями человѣка. Слѣд-
 ствія всякой спраси одинаковы: фи-
 зическое и моральное разслабленіе силъ.
 Софья слыхала часшо опъ машери, и
 Свіяжская шоже въ разговорахъ своихъ
 повшоряла, чшо всякая спрась естъ
 ослѣпленіе, а слѣпой человѣкъ самъ не
 знаетъ, и не можетъ видѣть, чшо онъ
 дѣлаешъ, и чшо весьма шягосшно бы-
 ваетъ шогда, когда онъ прозритъ, и
 глаза его опкроющся. Она призвала на
 помощь весь разсудокъ свой, и, руко-
 водспвуясь шакже совѣшами машери,
 чшобы во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ
 жизни, прежде всего, прибѣгнушь къ
 Богу и просишь Его помощи, она, оспав-
 шись одна, молилась съ усердіемъ и сле-

зами. Молишва подкрѣпила ее, и, хопя эту ночь спала она дурно, но основательнось ея разсудка внушила въ нее силу, если не совсѣмъ преодолѣшь любовь къ Чадскому, и рѣшительно опѣдалишься ошъ него, то, по крайней мѣрѣ, не совершенно предаваться спрасши своей, надзирашь за собою, разсмашириваешь, внимапельно и хладнокровно, характеръ и душевныя свойства Чадскаго, и не иначе, какъ по долговременномъ наблюдѣніи, рѣшишься ошвѣчать его любви, и навѣкъ ввѣришь ему судьбу свою.

На другой день, увидѣвшись съ нимъ, она не была уже шакъ заспѣнчива, какъ вчера, не приходила въ какое-то спранное замѣшапельство, когда онъ началъ разговаривать съ нею, и чувствовала въ себѣ силу обращаешься съ нимъ по прежнему, не подавая ему, и не лишая его совсѣмъ надежды.

Погода на Свяшой недѣлѣ была прекрасная. Время спояло шакое хорошее и шакое теплое, какъ въ Іюнѣ. Вся Мо-

сковская лучшая публика обрапилась на гулянье подъ Новинское. Упромъ, съ 12-ми до 3-хъ часовъ, дамы лучшаго тона собирались шамъ, ходили пѣшкомъ, и даже, слѣдуя модѣ, для дѣтей, посѣщали лубочныя комедіи. Князь Фольгинъ предложилъ Свіяжской и Софѣ ѣхать на гулянье.

Свіяжская опказалась; но Софья, съ Княгинею Фольгиною и другими знакомыми ей дамами, опправилась. Чадскій, лишь только ихъ увидѣлъ, пошчасъ къ нимъ присоединился. Вскорѣ встрѣпилась имъ Графиня Хлестова, съ дочерью. Она не могла скрыть своего замѣшательства и смущенія, увидѣвъ, что Чадскій ведетъ Софью подъ руку. «Ахъ! здравствуйте, Софья Васильевна!» — сказала она, поцѣловавшись съ нею. — «Какъ давно мы не видались! Здоровы-ли вы?» И въ то время, когда дочь ея цѣловалась, и говорила обыкновенныя фразы и привѣтствія Софѣ, Графиня Хлестова обра-

шилась къ Чадскому, который едва
 могъ удерживать свое негодованіе, при
 взглядѣ на Графиню. « Давно-ли вы
 здѣсь? » — Дней десять — отвѣчалъ онъ,
 съ сверкающими опять гнѣва глазами. —
 « Вы совсѣмъ насъ забыли, и ни разу
 не были у меня съ пріѣзда вашего. » —
 Да, сударыня, не былъ — продолжалъ
 Чадскій, задыхаясь опять бѣшенства. —
 Здѣсь не мѣсто изъясняться, и много
 говоришь мнѣ нѣкогда; но, послушайте —
 сказалъ онъ, опведя Графиню нѣсколько
 въ сторону, въ то время, когда всѣ
 прочіе пошли далѣе — я все знаю: кле-
 вепа ваша открылась. Не только самъ
 Угаровъ разсказалъ мнѣ, но исторія и
 интрига вашей дочери всѣмъ извѣстны
 въ тамошней сторонѣ. Я не буду поль-
 зоваться правомъ изобличить, и разгла-
 сить, что знаю, однакожъ съ однимъ
 только условіемъ, чтобы вы не позволя-
 ли себѣ никакихъ гнусныхъ выдумокъ
 прошивъ Холмской. Если-же вы нару-
 шите это условіе, то не пѣняйте на

меня : я щадишь васъ болѣе не стану !
 Записка Угарова останется у меня , и ,
 въ случаѣ нужды , я могу предсказать еще нѣсколько доказательствъ. Надѣ-
 юсь, Графиня, что собственныя ваши вы-
 годы заставлятъ васъ быть скромною. —
 « Я увѣрена въ вашемъ великодушїи, лю-
 безный Александръ Андреевичъ » — отвѣ-
 чала ему Графиня Хлещова , съ при-
 шворными на глазахъ слезами. — « Вижу ,
 что вамъ все извѣстно ! Не погубите
 моей дочери ; судьба ея опъ васъ зави-
 ситъ ; надѣюсь , что глупость и безраз-
 судность ея не будутъ имѣть дальнѣй-
 шихъ слѣдствїй. Она, дастъ Богъ, вый-
 детъ за мужъ, и будетъ счастлива ; но
 еще повторю: будьте великодушны! » —
 Даю вамъ честное слово — отвѣчалъ
 Чадскій — ежели только вы ничего не
 предпримете противъ Холмской, то
 никто ничего не узнаетъ опъ меня. —
 « А я клянусь быть вамъ вѣкъ благодар-
 ною ! » — отвѣчала Графиня Хлещова. —
 Послѣ сего объясненїя поспѣшила она

догнавъ другихъ, и пошчасъ, съ дочерью своею, уѣхала съ гулянья.

Софья хошѣла было также уѣхать ; но Князь Фольгинъ уговорилъ ее, вмѣстѣ съ другими дамами, зайдши посмѣяшся въ лубочную комедію. Убѣжденіе это было слѣдствіемъ плана , сдѣланнаго имъ , вмѣстѣ съ Чадскимъ. Они упрямъ имѣли совѣщаніе между собою. Князь Фольгинъ , замѣпивъ , что Чадскій сдѣлалъ нѣкошорое впечатлѣніе на сердце Софьи, и что Свіяжская, какъ видно было изъ ея обхожденія , довольно хорошо расположена къ нему , совѣщавалъ не мѣшкая объяснишся съ Свіяжскою , и просишъ ея пособія. Но чшобы имѣшъ возможность свободно говоришъ съ нею , должно было выискашъ время , когда Софьи не будешъ дома. Такимъ образомъ, Князь Фольгинъ , убѣдивъ всѣхъ дамъ зайдши въ лубочную комедію , сказалъ на ухо Чадскому , чню шеперь самый удобный случай , и чшобы онъ пошчасъ ѣхалъ къ Свіяжской.

Къ счастію, Чадскій нашелъ ее дома. У нея никого не было, и, собравшись съ духомъ, Чадскій признался Свіяжской въ спрасной любви къ Софѣ, убѣждая содѣйствовать къ полученію ея руки.

« Я буду говоришь опкровенно съ побою, любезный другъ, » отвѣчала Свіяжская. — « Родители твои были добрые и почтенные люди; съ твоею мапушкою, кромѣ родства, были мы довольно дружны, но тебя я почти совсѣмъ не знаю. До сихъ поръ вижу, что и ты хорошій человекъ; ничего дурнаго я о тебѣ не слыхала. Но, любезный мой, этого очень недоспачно, чтобы совѣщавать дѣвушкѣ, копорую я люблю, какъ дочь мою, повѣришь навсегда судьбу свою тебѣ. Когда пошомъ—сохрани Богъ—будешь она несчастлива, надобно приняшь на себя пятоспную опвѣспвенность, и мучишься вѣкъ, шѣмъ, что я способствовала несчастной ея жизни — нѣтъ, нѣтъ! Пришомъ-же, ты

долженъ знать, что Софья почти ничего не имѣешь.»

— Я это знаю — возразилъ Чадскій — но мнѣ ничего, кромѣ ея, не надобно. « Это говорятъ обыкновенно всѣ влюбленные, » опвѣчала Свѣяжская. « У тебя, конечно, хорошее состояніе, но и ты, вѣрно, какъ всѣ молодые люди, не занимаешься своимъ хозяйствомъ: оно идетъ кое-какъ. Мнѣ также извѣстно, что ты много долженъ, но и это еще не большая бѣда. Кто изъ Русскихъ дворянъ, особенно-же въ военной службѣ, не долженъ? Поправишь все можно. У меня, слава Богу, состояніе порядочное; Софья моя крестница; я люблю ее, какъ дочь; припомъ-же она мнѣ ближняя родня; заплашишь долги твои, и устроишь васъ, я взяла-бы на себя, и за этимъ единственно не раздумаю... Но, любезный другъ, не сердись на меня: мнѣ совершенно неизвѣстенъ характеръ твой, и свойства твои. Софья также ты почти совсѣмъ не знаешь —

размысли, разсмотри себя и ее. Вошъ, шеперь приглашеніе Князя Бориса Ильича, къ нему въ подмосковную, очень ксшаши. Вы будете, нѣсколько дней сряду, безпрестанно вмѣспѣ: самый удобный случай покороче узнать другъ друга. Но, я напередъ предупреждаю: не буду ни помогашъ, ни мѣшашъ тебѣ. Дай Богъ, чшобы эшо дѣло успроилось, а я дала себѣ кляпву: никогда въ шакія дѣла не всшупашься. Къ несчастію, я опышна, шо еспъ, какъ говоришся, порядочно учена. И шеперь у меня на глазахъ успроенная мною партія, за которую буду вѣкъ упрекашъ себя.» — Для меня очень довольно будешъ и шого, ежели вы не станете препятствовашъ — опвѣчалъ Чадскій, цѣлуя ея руку.

Вскорѣ возвратилась Софья. Она нашла Свіяжскую съ заплаканными глазами, а Чадскаго въ большомъ смущеніи, догадалась, о чемъ идетъ дѣло, но, по

скромности своей, молчала. Свіяжская также, давъ обѣщаніе ни помогать, ни мѣшать Чадскому, не говорила ни слова, ожидая, что сама Софья спроситъ ее.

Между тѣмъ, Чадскій продолжалъ ѣздить всякій день, часъ оу часу становился свободнѣе съ Софьею, и даже иногда позволялъ себѣ гнѣваться на нее, когда она нескоро выходила въ гостиную, въ то время, когда онъ приѣзжалъ, или занималась кѣмъ нибудь другимъ, кромѣ его. Дальнѣйшее-же объясненіе, и настоящее предложеніе, рѣшился онъ сдѣлать въ подмосковной, у Князя Фольгина. Однакожъ люди въ домѣ Свіяжской начали полковать между собою, и Аннушка, горничная дѣвушка Софьи, написала домой къ матери и сестрѣ своей, что барышня ея выходитъ за-мужъ, за знашнаго, богатаго и красавца. Тѣ поспѣшили сообщить своимъ знакомымъ, и многіе сосѣди на-

чали даже поздравлять Холмскую. Суп-
дукова и Фіалкина бѣсились отъ зави-
спи. «Каково счастье этой Холмской!»
говорили онѣ. «И что за отличныя кра-
савицы ея дочери!»

ГЛАВА VII.

« Il n'y a point de vertu sans force. »

ROUSSEAU.

« Безъ силы — нѣсть добродѣтели, »

Руссо.

Наконецъ — приближился день, назначенный для праздника у Князя Фольгина. Свіяжская и Софья пріѣхали къ нему въ подмосковную наканунѣ. Чадскаго, и многихъ другихъ госпеш, онѣ нашли уже тамъ.

Въ огромномъ домѣ, поспроенномъ опцомъ Князя Фольгина, можно было

многимъ помѣсписься спокойно. Свѣяжской и Софѣ опвели лучшія комнашы. Впрочемъ, кромѣ большаго дома, обширнаго сада, оранжереи, и хорошаго мѣстоположенія, подмосковная Князя не предсшавляла никакихъ выгодъ, и даже была ему въ шагоспѣ, съ шѣхъ поръ, какъ онъ почши весь прожился. Дѣлая праздникъ, и созвавъ къ себѣ много госпей, имѣлъ онъ въ виду, что если Чадскій, съ пособіемъ его, женился, то уговоришь его основапсья навсегда въ Москвѣ, и продашь ему подмосковную, въ кошорой положено было начало его благополучія. По легкомыслію своему, Князь Фольгинъ былъ увѣренъ, что когда Чадскій и Софья будутъ помолвлены, то непременно убѣдятъ Свѣяжскую на такую покупку, и это была *настоящая* причина его дѣяшельнаго учаспія въ сватовствѣ.

На другой день госпей спало прибавляпсья часть опъ часу болѣе и болѣе. Князь Фольгинъ, слѣдуя своему плану, чтобы дать больше времени Чад-

скому сблизился съ Софьею, опложилъ спектакль на нѣсколько дней, подъ предлогомъ, что еще не всѣ твердо знали свои роли. Но припомъ онъ шакъ умѣлъ занять госпешъ своихъ, что всѣмъ, кромѣ бѣдной его жены, было у него весело.

Погода сшояла прекраснѣйшая; весна была въ полномъ цвѣтѣ. Прогулка, пѣшкомъ, верхами, и въ экипажахъ, нечувствительнѣ сокращала утро; попомъ виспъ, мушка, билльярдъ, шарады въ дѣйствіи, живыя каршины, и танцы оканчивали день. Князь Фольгинъ славился необыкновеннымъ искусствомъ давать праздники. Всѣ говорили, что на сей разъ онъ превзошелъ самаго себя. Сколько остроумныхъ выдумокъ, сколько забавныхъ сценъ и сюрпризовъ было у него пригшвлено госпямъ! Самъ Князь являлся, по Итальянцомъ практирикомъ, по сшрансшвующимъ музыканшомъ. Все это было подробно описано въ одномъ изъ тогдашнихъ

Журналовъ , при чемъ даже помѣщенъ былъ , къ общему свѣдѣнію , порядокъ и ходъ праздника , что именно въ какой день происходило, и какіе остроумные каламбуры сказаны были припомъ Княземъ Фольгинымъ. Госпи его не видали , какъ лепѣло время. Это стоило ему довольно дорого ; но , въ швердой увѣренности , что Чадскій, или Свіяжская, за все заплашатъ , купивъ у него подмосковную, Князь не жалѣлъ денегъ, кошорыя доспалъ — заложивъ послѣдніе брилльянты своей жены.

Чадскій пользовался эшимъ временемъ, и говорилъ Софѣ , почти уже прямо , о любви, и о намѣреніи своемъ. Но она не опсшупала опъ приняшаго ею плана , не льстила ему надеждою, и не со всѣмъ лишала его оной , предоспавляя времени узнатьъ лучше его характеръ. Оспорожность Софы опнимала у Чадскаго смѣлосшь сдѣлать ей насшоящее предложеніе.

Черезъ три дня , послѣ прїѣзда Свѣ-
 яжской въ подмосковную , Князь Фоль-
 гинъ объявилъ , что все гошово, и ве-
 черомъ будетъ спектакль. Репетиціи,
 и вообще все шло своимъ порядкомъ.
 Нѣкоторые актеры , и особенно актри-
 сы , перессорились между собою ; другіе
 обижались , что имъ даны не шѣ роли,
 кошорыхъ имъ хотѣлось. Князь Фоль-
 гинъ насилу успѣлъ согласишь и ула-
 дишь. Представленіе шло , такъ-же ,
 какъ обыкновенно водилъ въ благород-
 ныхъ спектакляхъ : кромѣ Князя Фоль-
 гина — онъ былъ совершенный актеръ—
 прочіе играли кое-какъ , не твердо зна-
 ли свои роли, совсѣмъ обезобразили, и
 не въ томъ видѣ , какъ должно , пред-
 ставляли пьесы ; но зрители аплоди-
 ровали , хвалили въ глаза, а пошхонь-
 ку смѣялись между собою , и кришко-
 вали декламацію , голосъ , произноше-
 ніе , словомъ : все ; особенно-же во
 Французской пьесѣ.

Лучшая актриса, *кузина* Князя Фоль-

гина, Княжна Зизи Тугоуховская, была поводомъ къ большой ссорѣ. Одному изъ зрителей не понравилась ея игра и самая фигура. Онъ вздумалъ довольно громко смѣяться, и сказалъ нѣсколько эпиграммъ на счетъ Княжны, не видя, что сзади сидитъ ея женихъ, который съ своей стороны наговорилъ опроверженному рецензенту множество нѣжностей. Изъ всего этого вышла гласная исторія.

Одна только Софья, пѣвшая за кулисами, пріобрѣла общее одобреніе. Прекрасный, вѣрный голосъ ея привелъ всѣхъ въ восторгъ; ей два раза кричали: *форо!* Послѣ того, влюбленный и восхищенный Чадскій рѣшился, не даѣе, какъ въ томъ-же вечеръ на балѣ, открыться въ любви своей, и предложить ей свою руку. Ему досадно было, что не скоро оканчивается спектакль; онъ ничего не слыхалъ, не отвѣчалъ на вопросы сосѣдей своихъ, предавался своимъ мечтамъ, о томъ, что и

какъ онъ будешь говорить Софѣ, и что она спанетъ ошвѣчать. Воображеніе влюбленныхъ лешаетъ всегда за придевать земель: онъ представлялъ уже себѣ, какъ будешь онъ женою; ничего не чувствовалъ, ничего не видалъ, и опомнился тогда, какъ по окончаніи спектакля Софья вошла въ залу, и апплодированіе ей вновь раздалось повсюду. Чадскому показалась она еще прелестнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, скромность ея, разгорѣвшіяся щеки, уклончивость ошъ похвалъ, все это еще болѣе придавало ей красоты.

Чадскій хотѣлъ нѣсколько успокоиться, и собрался съ мыслями. Когда начался балъ, Польскимъ, онъ подалъ Софѣ руку, и ходя съ нею, во время танца, открылся прямо въ любви, предлагая соединить свою судьбу на вѣкъ. Софья пришла въ замѣшательство, и не могла ничего сказать. Это подавало большую надежду Чадскому. Наконецъ, ободрившись, ошвѣчала Софья: «Сдѣ-

данное вами предложеніе весьма важно :
 ошъ него зависишь счасіе или несча-
 сіе всей моей жизни. Вы сами согласи-
 песь , что я не могу дашь вдругъ рѣ-
 шительнаго отвѣта ; припомъ-же я
 сама ошъ себя не завишу ; да мы еще
 и не такъ хорошо знаемъ другъ дру-
 га. » — Вамъ давно можно было видѣшь
 спраспную любовь мою — сказалъ Чад-
 скій. — Вы должны были ожидашь того ,
 что я теперъ вамъ говорю, и вы имѣли
 все время обдумать. Къ чему-же про-
 должать мое мучительное положеніе не-
 извѣспности ? Вы не кокетка , и вѣрно
 не будете находить удовольствія пер-
 зать меня, и водить пустыми надежда-
 ми. — « Все это справедливо ; но , по-
 вшоряю, вы сами согласипесь, что дашь
 вдругъ рѣшительный отвѣтъ, о такомъ
 важномъ дѣлѣ, ошъ котораго зависишь
 все благополучіе моей жизни, невозмож-
 но. Будемъ говорить откровенно: я еще
 мало знаю васъ , мнѣ неизвѣспенъ вашъ
 характеръ, ваши склонности, ваши ду-

шевные свойства. Признаюсь: привязанность вашу ко мнѣ, конечно, не лѣзя мнѣ было незамѣтить; но я не предвидѣла и не приготовилась къ отвѣту на столь неожиданное предложеніе ваше. Мой образъ мыслей о любви и супружествѣ можетъ показаться вамъ страннымъ; но мнѣ надобно много времени, чтобы сообразить самое себя, и вникнуть во всѣ подробности важной обязанности супруги.»—Можно-ли повѣрить, смотря на васъ — возразилъ Чадскій, съ нестерпимымъ и неудовольствіемъ — чтобы у васъ было такое нечувствительное сердце? Можно-ли подумать, чтобы подъ такою Ангельскою наружностію скрывалась—не только холодность, но и жестокость? — Однакожъ онъ тотчасъ одумался, преодолѣлъ себя, и продолжалъ умоляющимъ голосомъ: «Никого и никогда я не любилъ такъ страстно, какъ васъ. Отъ васъ зависитъ все счастье моей жизни. Вы разсудительны, и, конечно, не повѣрите, ежели я скажу вамъ,

что отказъ вашъ есть смертный для меня приговоръ, и что я готовъ лишиться себя жизни; но конечно повѣрите вы тому, что я буду очень несчастливъ. Правда, я самъ чувствую: характеръ у меня довольно пылкій и непереносливый; но ваша кротость, ваша доброта.... —

«О, не надѣйтесь на это,» отвѣчала Софья, улыбаясь. «Я гораздо взыскательнѣе, нежели вы думаете. Я могу извинить какія нибудь невинныя ошибки, или неудовольствія, сдѣланныя мнѣ безъ мыслей; но для меня несносны капризы, своевольство, надмѣнность и, шакъ сказать, перанское желаніе показывать власть свою.... а все это замѣтила я въ нѣкоторыхъ мужьяхъ.» — И эти ужасные пороки приписываете вы всѣмъ мужчинамъ, безъ исключенія? Неужели вы думаете, что и я шакъ-же? — «На вашъ счетъ я не говорю ни слова; но признаюсь, что теперь сказала я вамъ, что замѣтила во многихъ мужьяхъ. Не стану оправдывать женъ: есть и изъ

нихъ довольно много съ такими-же недоспапками.»

Чадскій готовилъ прекрасный отвѣтъ Софѣ, хотѣлъ объяснить ей, что употребилъ всѣ усилія соснавши ея благополучіе, и преодолѣетъ врожденную свою пылкость и неперпѣливость. Къ несчастію, въ самое это время, Сердоликовъ, молодой офицеръ, хорошій знакомый Чадскаго, прошелъ мимо его, и по неоснороженности наступилъ ему на ногу, прямо на мозоль, отъ которой Чадскій чрезвычайно сградалъ. Хотя Сердоликовъ тотчасъ извинился, но Чадскій, забывшись, вскочилъ въ бѣшенствѣ со спуга, съ глазами пылающими отъ гнѣва, и не помня самъ себя, не слушая никакихъ извиненій, наскзалъ множество самыхъ оскорбительныхъ, самыхъ колкихъ и ядовитыхъ дерзостей. Сердоликовъ, также едва не задыхаясь отъ бѣшенства, схватилъ за руку Чадскаго. «Здѣсь не мѣсто изъясняться: мы поговоримъ послѣ. Вы

меня понимаешь!» сказалъ онъ Чадскому, и бросивъ на него яросшый взглядъ, опошелъ, и вскорѣ уѣхалъ съ бала въ Москву. Госпей было множество; хозяинъ и не замѣшилъ отсутствія одного изъ нихъ.

Софья, съ полными слезъ глазами, была свидѣтельницею этой непріятной сцены, долженствовала кончиться дуэлемъ. Чадскій опомнился, почувствовалъ всю безразсудность свою, просилъ у нея извиненія, укорялъ себя въ бѣшенствѣ, клялся, что этого впредь никогда не будетъ, и что онъ чувствуетъ себя совершенно виноватымъ, и даже готовъ просить прощенія при всѣхъ у Сердоликова. Онъ хотѣлъ возобновить прежній разговоръ съ Софьею.

«Разговоръ нашъ можетъ и долженъ окончиться здѣсь, и навсегда,» сказала она ему холодно. «Вы мнѣ на самомъ опытѣ показали, что характеры наши несходны между собою, и что мы не созданы другъ для друга.»

Чадскій хопѣлъ опвѣчать, но Софья вспала и, не слушая его болѣе, пошла въ диванную, гдѣ Свіяжская играла въ виспъ. Чадскій преслѣдовалъ ее шуда; но Софья объявила ему швердымъ голо-сомъ, чшобы онъ ее оспавиль, и чшо она ничего болѣе слышать не хочешъ.

Вниманіе Чадскаго къ Софѣ, замѣчен-ное всѣми, особенно въ продолженіе по-слѣдняго времени, и обыкновенныя дву-смысленныя шупки и насмѣшки Князя Фольгина, показывали явно, чшо дѣло доходитъ до свапъбы. Но въ эпопъ вечеръ, увидѣвъ, чшо Софья оспавила Чадскаго, и не говоришь съ нимъ ни слова, всѣ удивлялись и подшучивали надъ нимъ. Онъ самъ видѣлъ, чшо дѣла его идушь плохо, но припворялся весе-лымъ, спарался шушишь на счепъ ужа-снаго гнѣва Софьи, ушверждая, чшо все эпо продолжипся только до завшра, хо-пя внушренно сомнѣвался въ дальнѣй-шихъ успѣхахъ. Онъ съ гореснію замѣ-

шилъ, что Софья не разгорячилась, и что въ послѣднихъ словахъ своихъ показала она болѣе холодности и презрѣнія, нежели негодованія. Ему болѣе оставалось-бы надежды, если-бы онъ увидѣлъ, что Софья съ неудовольствіемъ и краснѣя опъ досады говорила ему. Напрошивъ, черты лица ея сохранили обыкновенную свою прелестъ и крошость; только въ глазахъ ея замѣтно было пренебреженіе къ запальчивости и бѣшеному его характеру.

Чадскій рѣшился сдѣлать на другой день послѣдній онытъ, и ежели будетъ имѣть неудачу, то прекратишь навсегда знакомство съ этою холодною, бездушною красавицею. Свасъ его, Князь Фольгинъ, также замѣнилъ раздоръ ихъ. Онъ подошелъ къ Чадскому. «Что, брашъ? Ты, кажешся, сыгралъ, вмѣстѣ съ Софьею Васильевною, сцену изъ комедіи: *Le dépit amoureux* (Любовная ссора)?» сказалъ онъ. «Зачѣмъ дѣло спало? Не взяшь-ли мнѣ роли примирителя?» —

Ничего, все вздоръ! — ошвѣчалъ Чадскій, съ принужденною улыбкою. — Надѣюсь, къ завтрему жесшокость ея смягчится; пожалуста не говори ей ни слова: я боюсь, что и ты сыграешь ролю *неудачнаго примирителя*. —

Однакожъ Князь Фольгинъ опыскалъ Софью въ другой комнашѣ. «Что вы не танцуете, Софья Васильевна?» сказалъ онъ. — Благодарю—шакъ, что-то голова болишъ. — «Да опъ чего-же у васъ болишъ голова? По лицу вашему замѣшно что-то необыкновенное. Я никогда не видалъ васъ въ такомъ волненіи.» — Я не знаю, что вы замѣчаете. Въ залѣ очень жарко; опъ этого у меня разболѣлась голова — вошъ все. — «Нѣшъ, ешъ что нибудь другое,» продолжалъ Князь Фольгинъ, посмошрѣвъ ей, приспально, прямо въ глаза. «Воля ваша, а я отъ удивленія становлюсь нѣмъ и восклицаю: *ахъ, Милостивая Государыня!* Эту фразу, изъ одного стариннаго романа, должно повторить, посмошрѣвъ

со вниманіемъ на васъ.» Софья улыбнулась, и ничего ему не отвѣчала. — «*Что я слышу? Безмолвіе* — сказалъ, или могъ сказать какой нибудь древній мудрецъ, напримѣръ, хошя Конфуцій!» прибавилъ Князь Фольгинъ, помирая со смѣху, и имѣя въ виду развеселишь Софью. — Чшо мнѣ еще сказать вамъ? У меня ошъ жара болишь голова, и ошъ эшого я не шанцю. Вошъ причина, по кошорой вы находите необходимымъ *восклицать въ онѣмѣніи и слышать безмолвіе* — отвѣчала съ усмѣшкою Софья. Тупъ Свіяжская окончила свою паршю, и пошла къ себѣ въ комнашу. Софья послѣдовала за нею.

Оспавшись наединѣ, она рассказала Свіяжской всѣ подробности разговора своего съ Чадскимъ, и ссору его съ Сердоликовымъ. Свіяжская одобрила всѣ поступки и слова Софьи. «Повѣрите-ли, пешушка,» продолжала Софья, на силу удерживая свои слезы: «я гошова была сдѣлапья жерпвою его; думаю, что наконецъ я полюбила-бы его, и очень ему

обязана, что онъ шакъ скоро снялъ съ себя маску, и открылъ въ насъ самомъ видъ свой характеръ. Нѣтъ! впередъ буду я осторожнѣе, буду умѣнь избѣгать такой опасности, и наблюдать за собою, съ такимъ вниманіемъ, съ такою недовѣрчивостію къ самой себѣ, что вѣрно въ другой разъ не попадусь въ подобныя сѣпи. Мы завтра ушромъ уѣдемъ отсюда, пепушка? Не правда-ли?» прибавила Софья, и слезы невольно пошекли изъ ея глазъ. — Непремѣнно завтра — отвѣчала Свѣяжская. — Но прежде отъѣзда мнѣ надобно имѣть продолжительный и важный разговоръ съ Княгиней Фольгиною; припомъ-же, ты сама знаешь, я не могу вставать рано. Кажется, мы не можемъ выѣхать прежде, какъ часу въ первомъ, или во второмъ; однакожь ежели тебѣ непріятно встрѣчаться съ Чадскимъ, то пробудь ушро въ моей комнатѣ. —

«Встрѣча съ нимъ,» отвѣчала Софья, «ни сколько не беспокоитъ меня; напро-

тивъ, я очень рада показать ему, что бѣшенство и запальчивость его возвратили мнѣ прежнее равнодушіе къ нему. Если-же я стану избѣгать свиданія, то онъ можетъ подумать, что я только сержусь, и все еще сохраняю чувства привязанности. Къ несчастію, прежде онъ могъ это замѣтить. Теперь я хочу показать, что всѣ мои сношенія съ нимъ навсегда прерваны.»

Чадскій, возвратясь съ бала въ свою комнату, нашелъ нарочно присланную изъ Москвы, отъ Сердоликова, записку съ вызовомъ на дуэль. Сердоликовъ назначалъ мѣсто недалеко отъ города, уведомлялъ, что въ 6-ть часовъ утра ожидаетъ его, и хочетъ драться на пистолетахъ. Былъ уже претій часъ въ исходѣ. Чадскій пошелъ въ комнату къ пріятелю своему Спрѣльскому, бывшему въ числѣ гостей у Князя Фольгина, и просилъ его быть секундантомъ. Они не раздѣвались; спросили себѣ чаю; Чадскій осмотрѣлъ свои дорожные писто-

лесты , и велѣлъ запрягать коляску. Въ назначенное время явились они на мѣсто, и нашли уже шамъ Сердоликова. Объясненіе продолжалось недолго. Чадскій не хотѣлъ просить прощенія , и дуэль окончилась шѣмъ , что Сердоликовъ получилъ опасную рану въ бокъ. Его опнесли въ коляску. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ умеръ. Чадскій былъ раненъ легко въ руку. Пріѣхавшій изъ Москвы съ Сердоликовымъ лекарь перевязалъ имъ обоимъ раны , и Чадскій , все еще имѣя нѣкоторую надежду пронуть Софью, возвратился въ подмосковную Фольгина очень рано. Тамъ почти всѣ еще спали.

И такъ — Сердоликовъ , прекрасный молодой человѣкъ, одинъ сынъ у отца, полагавшаго на него всю надежду, окончилъ бѣдственно , въ ужасныхъ мученіяхъ, жизнь свою. . . И опъ чего ? — Но щещены будупъ всѣ усилія воссаванъ прошивъ пагубнаго обыкновенія выходишь драшься, на смершь, за всякую без-

дѣлицу! Эпопѣя ошашокъ варварска
 опдаленнѣйшихъ временъ еще долго бу-
 детъ господствовать между молодыми
 людьми. Многіе чинали и будутъ чи-
 пать пламенные, излившіяся прямо изъ
 души, мысли добраго Руссо о дуэляхъ;
 многіе изъ чинавшихъ вѣрно были убѣж-
 дены истинами, имъ представленными,
 и—при первомъ случаѣ, за малѣйшую
 бездѣлицу, готовы вызвать сами, или
 согласишься на дуэль!

ГЛАВА VIII.

« Il y a un lieu sur la terre, où les
« joies pures sont inconnues, où les re-
« mords et les inquiétudes, furies infatiga-
« bles, tourmentent les habitans. C'est
« la maison de deux époux, qui ne
« peuvent ni s'aimer, ni s'estimer. »

С т. Л а м в е в т.

« Есть на землѣ мѣсто, гдѣ чи-
« стыя радости неизвѣсны, гдѣ
« угрызенія совѣсти и безпокойство,
« фуріи неушомимыя, преслѣдующъ и
« шерзающъ обитателей. Это домъ
« супруговъ, которые ни уважаютъ,
« ни любятъ другъ друга не могутъ. »

С. Л а м б е р т ъ.

Комната Софьи была подлѣ кабинетна
Княгини Фольгиной. Прежде, проснув-
шись, шопчасъ уходила она къ Свѣяж-
ской; но въ эту ночь Софья дурно сна-

ла, встала рано, и зная, что Свіяжская еще не просыпалась, оспалась прошивъ обыкновенія долго въ своей комнашѣ, успѣла одѣшья, окончивъ свои утреннія молитвы, и принялась за чтеніе сочиненій Фенелона. Она сидѣла очень тихо, когда Княгиня Фольгина пришла къ себѣ въ кабинетъ. Вскорѣ послѣ того явился къ ней мужъ ея. Софья, совсѣмъ нечаянно, услышала слѣдующій разговоръ между ними.

« Я получилъ сей часъ записку отъ Графини Юліи Спаниславовны Лелевой, » сказалъ Князь, входя въ комнату. « Она сегодня пріѣдетъ къ намъ обѣдать, и пробудетъ нѣсколько дней. Прошу приказанъ приготовишь для нея эту комнату. Вели вынести все свое отсюда. » — И шакъ, не смотря на всѣ слова мои, ты пригласилъ ее къ себѣ? — сказала ему жена его. — Но вспомни, по крайней мѣрѣ, условіе твое съ Прасковьею Васильевною: она рѣшительно объявила тебѣ, что прибытіе Лелевой сюда бу-

дешъ знакомъ ея ошѣзда. Кажется, хотя изъ уваженія къ этой почтенной женщинѣ и благодѣтельница нашей, могъ-бы ты не приглашать ее. — «А я, сударыня, пригласилъ, и хопѣлъ пригласить ее. Чшо мнѣ за нужда до вашихъ глупыхъ женскихъ прихостей! Я хозяинъ у себя въ домѣ,» возразилъ Князь грубымъ голосомъ, и съ неудовольствіемъ. «Опашъ слезы и слезы! Ты хопъ кого выведешь изъ терпѣнія: ты мнѣ надоѣла жалобами и слезами своими. Я кончу пѣмъ, чшо буду гласно имѣть любовницу!» — Этой гласности только и недоспаешь! — отвѣчала Княгиня, заливаясь слезами, и почти задыхаясь отъ рыданій. — Я тебѣ надоѣла своими слезами и жалобами; но кто видалъ меня плачущую? Кому я жалуясь? Оставшись одна, позволяю себѣ предаюсь моему справедливому горю; но никто, ничего не знаетъ, никто даже не подозрѣваетъ, до какой степени я несчастлива! Ты хочешь при всѣхъ казаться добрымъ и

угодливый мужъ, и почти все пакъ о тебѣ думаюшъ. На мой счетъ говоряшъ Богъ знаетъ что: называютъ меня сумасбродною, и жалуютъ о тебѣ; но я все терплю, и никому неизвѣстно, какъ ты лицемеришь со мною при всѣхъ! Никогда и никому я не жаловалась, и съ покорностію несу тягостный крестъ мой. Настоящая истина отъ всѣхъ сокрыта! —

« Къ чему весь этотъ вздоръ, и кончился-ли твое болтанье? »

— Я знаю: все бесполезно, что я ни говорю тебѣ; но вотъ, посмотри, какую я получила записку. Три мѣсяца тому назадъ сказывалъ ты мнѣ, что заплашишь деньги въ Инспекцію, за дочь нашу, и въ Пансіонъ, за сына. Теперь черезъ Полицію объявлено у насъ въ домѣ, въ Москвѣ, чтобы мы, или заплашили деньги, или взяли ихъ къ себѣ! —

« Ахъ! да, въ самомъ дѣлѣ, я забылъ, что деньги точно не заплачены. Въ этотъ день обѣдалъ я въ Англійскомъ Клубѣ,

игралъ несчастливо, и деньги, назначенныя для заплавы за дѣшей, всѣ спушилъ ; но это небольшая бѣда—подождуть—заплачу ! Деньги и все деньги ! Вѣкъ свой мучишь ты меня изъ денегъ, а откуда мнѣ взять ихъ ? »

— О себѣ самой я не говорю ни слова; по твоей волѣ разлучена я съ дѣтьми моими. Ты самъ знаешь, что я во всемъ должна оппказывать себѣ, не имѣю никогда копѣйки, и даже вчера, когда пришла ко мнѣ креспница, дочь сшароспы, на поклонъ, должна я была занять пять рублей у Софы Васильевны, говоря, что у меня нѣтъ мѣлкихъ ассигнацій. Если-бы ей извѣсна была настоящая причина ! —

« Большая важность — пять рублей ! » сказалъ Князь Фольгинъ, вынимая книжку свою, наполненную ассигнаціями, которыя получилъ заложивъ брильянныя жены.—На, отдай эти пять рублей ! »

— У тебя, кажется, теперь довольно

денегъ. Ради Бога, дай мнѣ опослать за дѣшей. —

« Ну , вздоръ ! Тамъ еще поперпятъ , а мнѣ деньги нужны на другія издержки.»

— Прошу тебя , сдѣлай одолженіе , избавь меня и себя опъ спыда : опошли поскорѣе деньги за дѣшей ! И шого , кажешся , слишкомъ довольно , что съ нашимъ соспояніемъ пы не воспишываешь ихъ дома. —

« А я опяшь тебѣ повшоряю , что пы говоришь все вздоръ. Не тебѣ вмѣшиваться въ мои дѣла. Я вдесащиро тебѣ умнѣе, и самъ знаю , что дѣлать надобно. Впрочемъ, ежели пы такъ упряма, и непременно все по своему хочешь поспавишь, я тебѣ не мѣшаю. Займи у швоей старухи, или у Холмской : ей спаруха даетъ много денегъ; да Холмской даже не грѣхъ было-бы и подарить мнѣ. Я усердно хлопочу , чтобы она вышла за богашаго Чадскаго. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ , что когда она будетъ помолвлена, то изъ благодарно-

сти уговорить жениха своего купить эшу подмосковную. Тогда я успроюсь и заплачусь съ долгами. — Но я долго заболшася съ шобою, а мнѣ нѣкогда. Вели непременно пригошвишь эшу компану для Графини Лелевой.» Съ сими словами онъ вышелъ.

Софья долго слышала рыданія Княгини Фольгиной. При самомъ началѣ разговора, она хотѣла было выйти, но боялась, что спукъ дверей, при уходѣ ея, откроетъ Князю Фольгину, что она все слышала, и что это еще болѣе можетъ повредить несчастной его женѣ: подаснь ему поводъ думать, что она нарочно просила Софью подслушать ихъ. Мысль сія удержала Софью; она не смѣла пошевелишься, и ушла тогда только, когда вошедшая къ Княгинѣ Фольгиной служанка сказала, что Прасковья Васильевна проситъ ее къ себѣ.

По выходѣ Княгини, отправилась Софья въ госшиную, гдѣ почти всѣ уже собрались. Князь Фольгинъ, какъ будто

ни въ чемъ не бывалъ , также шутилъ , смѣялся , былъ веселъ по обыкновенію. Софья не могла безъ ужаса смолчать на него.

Вскорѣ явился и Чадскій , съ подвязанною рукою. Всѣ обратились къ нему съ вопросомъ: что это значишь? «Ничего,» отвѣчалъ онъ равнодушно. «Сегодня ушромъ, я нечаянно упалъ и ушибъ себѣ руку; это скоро пройдетъ.» Между тѣмъ, бывшій у него секундантомъ Спрѣльскій успѣлъ разсказать многимъ, *по секрету* , о дуэли и ранѣ его ; слышавшіе , также *по секрету* , сообщили другимъ, и дамы находили Чадекаго съ подвязанною рукою *очень интереснымъ*. Софья, догадываясь, что вчерашняя ссора съ Сердоликовымъ должна была окончиться дуэлемъ , почувствовала еще болѣе отвращенія къ Чадскому ; она внутренно благодарила Бога , что не будетъ женою такого бѣшеннаго и взбалмошнаго человека , за котораго всякій день должно было опасаться , что или

онъ кого нибудь лишитъ жизни, или его самого убьютъ.

Однакожь, слѣдуя намѣренію — испытавъ еще счастья своего у Софьи, Чадскій подошелъ къ ней, и возобновилъ извиненія во вчерашнемъ поступкѣ, говорилъ, что ему рѣдко случается забывшись до такой степени, и предаваясь такъ сильно бѣшенству и неперпѣливости. Онъ давалъ честное слово, что впередъ никогда этого не случится, и окончилъ рѣчь вторичнымъ предложеніемъ руки и всего сосноянія своего. Софья холодно поблагодарила за сдѣланную ей честь, и рѣшишельно объявила, что намѣреніе ея непоколебимо, и что она вѣкъ не перемѣнитъ того, что вчера сказала ему. Не смотря на данное слово никогда не горячась, Чадскій взбѣсился, и ежели-бы Софья не ушла изъ гостиной въ комнату Свіяжской, то имѣла-бы съ нимъ очень непріятную сцену.

Все было готово къ отъѣзду ихъ. Свіяжская и Софья вошли въ гостиную

просишься, въ то самое время, когда Графиня Лелева прїѣхала. Свіяжская обошлась съ нею очень холодно. Князь Фольгинъ смѣшался; совѣсть мучила его. Замѣшательство его еще болѣе увеличилось, когда Свіяжская бросила на него спрогїй, выразительный взглядъ, доказывавшій, что ей извѣстна связь его съ этою безсмыдною кокеткою.

Съ большимъ удовольствіемъ оставила Софья домъ, гдѣ хозяинъ, по ея мнѣнію, былъ совершенный извергъ. Вообще всѣ мужчины казались ей вѣроломными, несправедливыми, насмѣяющимися чудовищами!

Чадскій съ горестію проводилъ Свіяжскую и Софью до кареты. Ему тягостно было лишиться всей надежды получить когда нибудь руку Софьи. Самолюбіе его было жестоко оскорблено. По отъѣздѣ Свіяжской, онъ притворялся равнодушнымъ, хотѣлъ казаться веселымъ, и, для разсѣянїя, обратился къ волокитству за Графинею Лелевою. Интрига

ихъ кончилась , какъ обыкновенно , въ свое время; но прежде того Чадскій и Графиня перессорились и распались на вѣкъ съ Княземъ Фольгинымъ.

Дорогою сообщила Софья Свѣяжской послѣдній разговоръ свой съ Чадскимъ , прибавивъ къ тому, что если-бы она не поспѣшила уйдти изъ госпиной, то видно было, что взбѣсившись за рѣшительный отказъ ея , онъ готовъ былъ сдѣлать новую непріятную сцену. « Ты, мой другъ , на самомъ опытѣ видишь теперь, » сказала ей Свѣяжская, « какъ хорошо дѣйствовала ты , умѣвъ покоришь сердце свое разсудку. Чадскій почти былъ-бы самый дурной мужъ , и ты вѣкъ свой была-бы съ нимъ несчастлива. » Она рассказала ей, что онъ прежде пріѣзжалъ просить ея пособія ; но что не зная характера его , она общалась только ни мѣшая , ни помогая ему, и что послѣ замѣчала она нѣсколько разъ чрезвычайную запальчивость и неперпѣливостъ его, а потомъ

еще и Князь Фольгинъ , по нескромности своей , сообщилъ ей всѣ козни и клеветы Графини Хлесповой , также и подвиги Чадскаго , то есть все то , что мы уже знаемъ. « Я узнала только вчера обо всемъ этомъ , » прибавила Свѣяжская. « Такая неразумительность , легковѣріе , или просто сумасшествіе Чадскаго , не предвѣщали ничего , кромѣ самой бѣдственной жизни , если-бы ты за него вышла. Я хотѣла предостеречь тебя , но , къ счастью , онъ самъ скоро открылъ тебѣ глаза своими прекрасными поступками: »

Софья была поражена рассказомъ Свѣяжской; она не могла постигнуть , за что ненавидѣла ее Графиня Хлеспова , и для чего рѣшилась она на такую гнусную клевету. По добротѣ своей , не знала Софья , что свойства людей разнообразны , что точно такъ-же , какъ одни гошovy на всякую помощь и добро , другіе напрошивъ гошovy вредишь , и находящъ удовольствіе дѣлашь зло. Поступкамъ

Графини Хлесповой шѣмъ еще менѣе должно было удивляться, что собственнѣйшій интересъ подвигнулъ ее дѣйствовать такимъ образомъ. Она имѣла въ виду отбить у Софьи жениха, и выдать за богатаго и знаменитаго человека свою дочь. До интереса-жъ гдѣ коснется, не только тамъ гусямъ — и людямъ достается — сказалъ И. А. Крыловъ.

Послѣ того Софья рассказала слышанный ею нечаянно разговоръ Княгини Фольгиной съ мужемъ. — «Я это знаю,» отвѣчала Свѣяжская, со вздохомъ. «За дѣшей я заплачу, и сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть, къ облегченію ея горестей. Но чѣмъ помочь въ несчастной ея жизни съ мужемъ? Ты, конечно, замѣтила связь нашу съ нею, и сердечное мое участіе въ судьбѣ этой несчастной женщины?» — Очень замѣтила — отвѣчала Софья. — Она воспитывалась въ вашемъ домѣ: вошъ все, что я знаю объ ней. Давно хотѣлось мнѣ спросить у васъ, но обеспокоивъ васъ прежде нескром-

нымъ вопросомъ о нѣкошорыхъ подроб-
 носяхъ вашей жизни, послѣ того оспе-
 регалась я, чшобы не причинишь вамъ
 новаго горя. — « Благодарю себя за нѣж-
 носшь твою », отвѣчала Свѣяжская, « но
 еще повшоряю: воспоминаніе о моемъ не-
 счасіи не шакъ уже тягоспно для ме-
 ня, какъ было прежде. Испорія Княги-
 ни Фольгиной имѣетъ нѣкошорую связь
 съ моею собсшвенною. Я все расскажу
 тебѣ. »

ГЛАВА IX.

« What is life ? A war,
« eternal war with woe.

J O U N G.

« Чшо естѣ жизнь ? Война , вѣч-
« ная война съ несчастіемъ.

Ю н г ѣ .

« Я была одна дочь у моихъ. родителе-
лей » — сказала Свіяжская.» Опець мой
занималъ довольно значительное мѣсто
въ Москвѣ, и имѣлъ большое состояніе.
Ты можешь повѣришь, что въ жени-
хахъ у меня не было недосадка. Те-
перь нѣтъ никакихъ слѣдовъ , но, гово-
ряшъ , въ молодости я была не дурна

собою, слѣдовашельно, являлось много и влюбленныхъ въ меня. Въ большомъ числѣ мнѣ легко можно было выбрасть человека по сердцу. Родители спрашно меня любили, были слишкомъ снисходительны, имѣя одну дочь, и, можешъ бышь, и баловали меня. Какъ-бы то ни было, мнѣ предоспавили совершенную свободу, и хошя избранный мною не очень имѣ нравился, но они не прошиворѣчили, и я почишала себя совершенно счастливою.

«Графъ Ольгинъ былъ прекрасной наружности, уменъ, хорошо воспитанъ, ловокъ, лучшаго тона, и, казалось, спрашно былъ влюбленъ въ меня. Чего еще недоспавало для 18-ти лѣтней дѣвушки? Мнѣ и въ голову неприходило разсмотрѣшь его характеръ и душевныя свойства. Онъ былъ всегда любезенъ со мною, угодливъ, говорилъ, какъ тогда я думала, о привязанности своей прямо отъ сердца. Словомъ: Графъ соединялъ въ себѣ, по моему мнѣнію, отличнѣйшія

достоинства, и, казалось, лучше никого желать было не должно. Насъ скоро помолвили, однакожь еще негласно, покаместъ получился согласіе отца его, жившаго въ Петербургѣ. Но въ этомъ никто не сомнѣвался, потому, что состояніе Ольгиныхъ было разспрошено, и молодой Графъ имѣлъ въ виду богатую невѣсту. Онъ служилъ тогда въ Гвардіи, и пріѣзжалъ въ Москву въ отпускъ. Ему надобно было, по службѣ, и для того, чтобы получить скорѣе позволеніе отца, отправишься въ Петербургъ. Описаніе его должно было продолжиться едва-ли нѣскольکو дней, но намъ обоимъ тяжело было расставаться. Онъ писалъ ко мнѣ съ каждой станціи; изъ Петербурга получала я, почти ежедневно, самыя милыя, нѣжныя письма. Онъ увѣрялъ меня въ искренней любви, жаловался на разлуку, и проч. На всякое письмо его отвѣчала я въ томъ-же тонѣ. Это продолжалось — съ недѣлю; потомъ замѣ-

шила я, что Графъ не въ такомъ уже сильномъ опчаяніи, какъ былъ прежде. Въ письмахъ его находила я *это-то та-кое*, что мнѣ не совсѣмъ нравилось. Однакожъ онъ продолжалъ довольно часто писать, все также изъяснялся въ любви своей; но мнѣ казалось, что онъ, можешь быть, безъ всякой нужды продолжаетъ пребываніе свое въ Пешербургъ. Любовь недовѣрчива; всякая бездѣлица ее превозмощитъ. Могу ошибаться, но, мнѣ кажется, одни только женщины способны чувствовать истинную любовь. У меня было какое-то мрачное предчувствіе. Я не умѣла опдаться себѣ опчета въ томъ, что меня беспокоитъ, и что мнѣ не нравится въ письмахъ Графа. Мучительное положеніе мое продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Оно такъ было тягостно, что до сихъ поръ не могу я безъ слезъ вспомнить этого времени. Наконецъ—предчувствіе мое оправдалось самымъ дѣломъ: мы получили извѣстіе, что Графъ Оль-

гинъ женился въ Петербургѣ, и ѣдешъ въ чужіе края, для поправленія разсбро-
еннаго здоровья жены, копорая увѣри-
ла его, что болѣзнь ея происходишъ
ошъ долговременной, спрасшной къ не-
му любви. Мы узнали, что отецъ Гра-
фа Ольгина гораздо прежде свашалъ за не-
го дѣвушку знашной фамиліи, копорая
была при томъ гораздо богаче меня.
Графъ былъ на это согласенъ, ѣздилъ
часпо въ домъ своей невѣсмы; но его
водили, и не давали рѣшительнаго ошвѣ-
ща : онъ замѣшилъ, что имѣюшъ въ ви-
ду другаго. Состояніе опца его было
чрезвычайно разсброено; должно было
принять рѣшительныя мѣры, чтобы под-
держашъ себя, и поправиться выгоднымъ
супружесшвомъ. Тогда было обыкновеніе:
ѣздишъ для женишбы изъ Петербурга
въ Москву, гдѣ всегда находилось много
богашыхъ невѣсшъ, и промощавшіеся же-
нихи спѣшили изъ Петербурга къ намъ.
Графъ Ольгинъ, по совѣшу опца, пред-
принялъ это путешество, съ намѣрені-

емъ непремѣнно женился, и достигнулъ своей цѣли. Но во время искашельства моей руки, обшояшельства въ Пешербургѣ перемѣнились: семейство, гдѣ онъ прежде свашался, было согласно опдашь за Графа, пошому, что шопъ, на кого имѣли виды—измѣнилъ. Опяшь возобновилось знакомство съ опцомъ Графа Ольгина, и по возвращеніи жениха моего въ Пешербургъ все приняло другой видъ. Опецъ его убѣждалъ; въ домъ будущей жены своей принятъ онъ былъ, какъ нельзя лучше; даже сама соперница моя рѣшилась опкровенно сказашь ему, что она давно и спрашно влюблена въ него, что прежде не соглашались ея родители, и видѣвъ, что она шаетъ опъ любви къ Графу, и здоровье ея совершенно разспроилось, шеперь сами желающъ имѣшь его своимъ зятемъ. Послѣ опкрылось, что она никогда и никакой привязанности къ нему не имѣла, и желала шолько выйдши за него изъ опмщенія, за шѣмъ, что-

бы показашь равнодушіе къ измѣннику, въ котораго она почно была влюблена,

«Графъ Ольгинъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ нѣкоторую привязанность ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, онъ долго колебался. Но убѣжденія опца, эгоизмъ, и намѣреніе женишься по разсчету, ш. е. взять за женою поболѣе приданого — сдѣлали перевѣсъ въ пользу моей соперницы: она была гораздо богаче меня; инпересъ воспоржесшвовалъ надъ сердечною привязанностію!

«Не буду распроспраняться въ описаніи горести моей. Признаюсь: не смопря на вѣроломство и гнусный поступокъ Графа Ольгина, я не могла принудить себя забыть его. Многимъ покажешся непонятно, что горестъ моя усилилась, когда я узнала о несчастномъ его супружествѣ. Всѣ говорили о дурной нравственности, вѣшренности и капризахъ Графини Ольгиной. Чувство любви къ измѣннику шайлось въ моемъ

сердцѣ; я принимала участіе въ немъ, прошивъ воли.

«Башюшка и, особенно, мапушка, очень желали, чшобы я вышла за-мужъ. Свапшво Графа Ольгина было негласно, и ни сколько не могло повредить моей *репутациіи*. Но чувсшво привязанности къ Графу не изглаживалось изъ моего сердца, и ни о комъ другомъ я не могла помышлять. Родители мои не дѣлали мнѣ никакого принужденія.

«Вскорѣ послѣ этого происшествія, мапушка скончалась. Отецъ мой, огорченный ея смертію, находилъ все утѣшеніе во мнѣ. Онъ не только одобрялъ мое намѣреніе, но даже былъ радъ, что я рѣшилась оспаваться вѣкъ въ дѣвкахъ. Я приняла на себя все хозяйсшво, спаралась по возможности уладить горестъ его, и успокоивать остатки дней его. На рукахъ моихъ окончилъ онъ жизнь свою, благословляя меня, и поручая въ милость Божію. Между тѣмъ Графъ Ольгинъ былъ жестоко наказанъ.

Нѣскольکو лѣтъ провелъ онъ въ ссорахъ и безпрестанныхъ непріятносціяхъ съ женою. Случайно встрѣшилась она съ шѣмъ, въ кого прежде была влюблена. Слѣдствія этой встрѣчи были шѣ, какихъ должно было ожидать отъ женщины дурной нравственности: она возобновила прежнюю связь съ любовникомъ. Дуэль съ соперникомъ и разводъ съ женою довершили бѣдствіе Графа Ольгина.

«Года два спустя послѣ того, какъ дошли до меня слухи объ этомъ, получила я письмо. Почеркъ былъ мнѣ извѣстенъ, и не изгладился изъ моей памяти. Графъ Ольгинъ, приближаясь, какъ онъ писалъ мнѣ, къ концу жизни, заклиналъ меня именемъ Божіимъ увидѣться съ нимъ. Я не могла отказать отъ свиданія, шѣмъ болѣе, что въ письмѣ своемъ объяснялъ онъ мнѣ, что всю надежду свою полагаешь на мое великодушіе, и ничего болѣе не имѣешь въ виду, кромѣ просьбы ко мнѣ, какъ къ Христіанкѣ — не

оспавишь покровишельствомъ моимъ
бѣдной сироты, дочери его. Я уви-
дѣла Графа, блѣднаго, худого, изнемо-
женнаго болѣзнію, почти умирающаго—
одну шѣнь прежняго Графа Ольгина!
Какая разница прошивъ того, когда
мы въ первый разъ съ нимъ разспа-
лись! Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ мо-
лодоспи, прекрасный собою, влюблен-
ный, съ полнымъ увѣреніемъ въ предспо-
явшемъ ему счастіи. Разлука наша долж-
на была продолжаться только нѣсколь-
ко дней... Мы оба шакъ перемѣнились,
что насъ не лзя было узнать. Никог-
да не забуду я шягоспнѣйшей сцены
свиданія нашего! Графъ держалъ на ру-
кахъ прехъ-лѣпную дочь свою, копорая
улыбалась, какъ Ангелъ, и пропягивала
ко мнѣ ручонки свои....это шеперешняя
Княгина Фольгина! Отецъ ея просилъ
меня принять сироту подъ мое покро-
вишельство, и быть ей вмѣсто мате-
ри. Я съ воспоргомъ взяла на себя эту
обязанность. Бапюшка былъ еще въ то

время живъ, и одобрилъ мое намѣреніе. Черезъ нѣсколько дней пошомъ услышала я, что Графъ Ольгинъ — окончилъ жизнь....Къ счастію, что смерть прекратила бѣдственное его существованіе. Какая жизнь, сколько горестей предшояли-бы ему, ежели-бы онъ оспался живъ! За всѣмъ шѣмъ, смерть его поразила меня... Признаюсь, что воспоминаніе объ немъ до сихъ поръ еще мнѣ шягосшно.

« Графъ Ольгинъ имѣлъ соспояніе небольшое, и пришомъ разспроенное. Бывшая жена его вышла за-мужъ за соблазнишеля своего, и покинула дочь свою, бѣдную мою Машу, безъ всякаго вниманія. Графъ Ольгинъ, опдавая мнѣ ее, вручилъ нѣсколько десяшковъ шысячъ, оспавшихся опъ всего имѣнія, которое онъ успѣлъ продать при жизни своей. Я положила эшомъ капиталъ на имя Маши, для приращенія въ Опекунскій Совѣтъ, не касалась до него, воспитывала и содержала ее на свой счетъ,

какъ родную дочь. Бапюшка былъ на все согласенъ, и при смерти не забылъ ее въ своей духовной. Собспивенный ея капишалъ, увеличившійся въ продолженіе времени, также и сосстояніе, завѣщанное покойнымъ опцомъ моимъ, обеспечивали ее на всю жизнь. Пятнадцатилѣтъ прожила она со мною, ушѣшала меня и соспавляла все мое счаспіе.

« Въ это время увидѣла она въ первый разъ хипраго, искуснаго лицемѣра—Князя Фольгина. Ежели пы сама, бывши къ нему совершенно равнодушною, могла ошибиться, и почишала его добрымъ и прекраснымъ человѣкомъ, по можно себѣ вообразить, какое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ онъ на сердце восемнадцатилѣтней дѣвушки! Онъ и меня обольщилъ наружноспію своею, хошя довольно дорого заплашила я за горькую мою опышность....

« Удивляясь не чему, что онъ завлекъ невинную, неопышную дѣвушку. Всѣмъ казалось тогда, что Маша моя

составляетъ прекрасную партію. При-
шомъ - же , въ это время только что
получилъ онъ большое состояніе , въ
наслѣдство послѣ отца , и вообще
имѣлъ очень хорошую репутацію. Ты
сама видѣла любезность его , веселый
характеръ , остроуміе , и повѣришь ,
что Маша страстно любила его. Но —
не долго носилъ онъ маску передъ
нею! Вскорѣ мотовство его , роскошь ,
распущенство — открыли глаза несчаст-
ной его женѣ. Маша — такъ привыкла
я до сихъ поръ называть ее — никому
не жалуется , сносишь съ истинно Хри-
стіанскою твердостью бѣдство свое.
Даже и мнѣ никогда и ничего не гово-
ритъ она, но я привыкла съ дѣтства
замѣчать по лицу ея чувства. Къ сча-
стью, во время еще успѣла я предупре-
дить ее, чтобы она сохранила капиталъ
свой для дѣшей , и опіюнь не брала-бы
его изъ Опекунскаго Совѣща. Это обуз-
дываетъ и удерживаетъ мужа ея отъ
дальнѣйшихъ оскорбленій. Онъ promo-

сталъ почти все свое имѣніе, и предвидишь, что скоро долженъ будешь прибѣгнуть къ великодушію жены своей.

«Вошъ вся моя исторія. Она не длинна, но утомительна, и, кажется, что рассказъ мой намъ обѣимъ былъ пыго-спенъ. »

Въ продолженіе сего разговора, всѣмъ не замѣшивъ, пріѣхали онѣ въ Москву. Въ домѣ нашли онѣ пошъ-же порядокъ и по-же спокойствіе, какіе были прежде.

Опдавая все преимущество жизни свободной и независимой, Софья упвердилась въ намѣреніи своемъ—не выходитъ никогда за-мужъ, и не предоспавлять судьбы своей во власть какого нибудь своевольнаго и несправедливаго пирана. Такъ думала она тогда о всѣхъ мужчинахъ.

Вечеръ провели Свіяжская и Софья очень пріятно, вдвоемъ. Чтобы опкло-

нишь впечатлѣніе, оставшееся отъ разговора дорогою, бесѣдовали онѣ о предстоявшемъ для нихъ пупешествіи къ Аглаевымъ, располагали когда выѣхашь, воображали, съ какимъ удовольствіемъ будутъ приняты, и какъ пріятно проведутъ время у Аглаевыхъ.

ГЛАВА X.

« Одинъ шопъ , кто способенъ на-
« слаждасться семейственной жиз-
« нью , есть прямо добрый , и , слѣ-
« довательно , прямо счастливый че-
« ловѣкъ. . . »

Ж у к о в с к і й.

Черезъ нѣсколько дней по возвраще-
ніи опъ Князя Фольгина , Свіяжская и
Софья выѣхали изъ Москвы. Свіяжская
всегда имѣла обыкновеніе , выѣзжая изъ
Москвы и возвращаясь въ Москву , посѣ-
щать могилы родителей своихъ. Въ Дон-
скомъ монастырѣ опслужила она пан-

нихида, и прямо опшуда опправилась въ пущь. Свіяжская просила Софью захашь съ нею, на нѣсколько дней, въ ея подмосковную; эшо было по дорогѣ, и никакого крюку чрезъ шо онѣ не дѣлали.

Паннихида на гробѣ родителей возбуждала горестныя воспоминанія въ Свіяжской; она поплакала, но вскорѣ оперла слезы, и съ чувствомъ сказала: «Дай Богъ всякому шакъ умереть, чшобы по прошествіи нѣсколькихъ десяшковъ лѣтъ вспоминали о немъ со слезами!».. Эшо было поводомъ къ разговору о родителяхъ Свіяжской. Она рассказала, что ея родители, проживъ слишкомъ шридцашь лѣтъ вмѣстѣ, не имѣли никогда ни малѣйшаго неудовольствія между собою. «Пріятно было смотрѣть на спаричковъ» — продолжала она. — «Взаимная любовь и привязанность ихъ не ослабѣвали. Съ душевнымъ умиленіемъ видѣла я, какъ они старались угождать другъ другу. Бабушка былъ довольно горячаго

характера , но матушка умѣла укрощать и успокоивать его. Все хозяйство лежало на ней; невозможно, чтобы въ домѣ иногда не было какой нибудь непріятности опъ людей; но она умѣла все улаживать, не допускала до его свѣдѣнія, и ничѣмъ его не тревожила. Все у нея было въ порядкѣ, напередъ обдуманно и приспособлено, и никогда не бывало слышно никакого ворчанья на людей, жалобъ на хлопошы и неудовольствія опъ нихъ, что такъ часно слышимъ мы опъ другихъ хозяекъ. Она была не кропотлива, хотя взыскательна, и даже строга, только справедливо и непристрастно; за что она заботилась о хорошемъ содержаніи домашнихъ, и люди не только боялись и уважали, но, можно сказать, богошвили ее. Самое большое наказаніе для служивеля бывало что, ежели она опдала его изъ своего дома и опсылала въ деревню. И я до сихъ поръ слѣдую правиламъ матушки. Ты сама видѣла, что у меня въ домѣ, ка-

жешся , все довольно въ порядкѣ , и на людей я жаловаться не могу.

« Съ величайшимъ вниманіемъ занималась она шѣмъ , чтобы все , что бапюшкѣ нужно , и что онъ любилъ , было заблаговременно приготовлено. Въ полной мѣрѣ была она заботливымъ другомъ , доброю женою и помощницею мужа своего. Бапюшка все эшо чувспивовалъ , и умѣлъ опдавать ей должную справедливосшь. Никогда не выйдешъ изъ памяти моей шопъ день , когда праздновали они серебряную сватьбу свою. Эшо было въ подмосковной , куда мы теперь ѣдемъ. На праздникъ приглашены были родные , и многіе изъ сосѣдей. Послѣ обѣдни , молебна , и угощенія всѣмъ дворовымъ и кресстьянамъ , когда за нашимъ обѣдомъ спали пишь за здоровье виновниковъ праздника , я , по данному мнѣ опшъ бапюшки знаку , встала изъ-за спола , и вмѣспѣ съ нимъ подошла къ доброй нашей спарушкѣ. Бапюшка , съ бокаломъ въ рукѣ , нѣжно поцѣловалъ ее ,

и со слезами сказалъ ей: « Двадцать
 « пять лѣтъ дѣлала ты меня совершен-
 « но счастливымъ ; да наградишь тебя
 « самъ Богъ! Призываю милость и благо-
 « словеніе Его на тебя , истинный , вѣр-
 « ный другъ мой! Тебѣ не спрашно пред-
 « ставь передъ престоломъ Божиимъ: ты
 « исполнила опредѣленіе свое на земли ;
 « ты была доброю , примѣрною женою и
 « матерью. Объ одномъ только прошу
 « Бога , чтобы дочь наша была похожа
 « на тебя ! » — « Можешь вообразишь » —
 продолжала Свѣяжская — « какъ была про-
 нуха мапушка. Со слезами бросилась я
 цѣловать ея руки; она попеременно об-
 нимала, то меня, то башюшку , и опъ
 слезъ могла сказать только : « Другъ
 « мой, друзья мои, истинные мои друзья,
 « сокровище, счастье мое на землѣ! чѣмъ
 « и какъ мнѣ благодарить Бога за ми-
 « лость Его ! » Всѣ гости, и даже слу-
 жили , находившіеся при столѣ, были
 пронухи и плакали. Башюшка прекра-
 тилъ эту сцену , махнувши платкомъ.

Тайно пригопвленные имъ музыкан-
шы заиграли, по старинному обычаю,
тушь; трубы и лишавры загремѣли, и
вдругъ кругомъ дома раздалось радо-
стное: *Ура! Ура!* Этошъ сюрпризъ сдѣ-
лалъ бапюшкѣ старый его камерди-
неръ, которому поручилъ онъ пригопо-
вишь музыканшовъ, приведя ихъ во вре-
мя обѣда, такъ, чшобы машушка не ви-
дала. Спарикъ сказалъ попихоньку нѣ-
которымъ изъ дворовыхъ, чшобы они споя-
ли у оконъ подлѣ дома, и въ то время,
когда музыканшы заиграють, закричали:
Ура! Но Спароспа, узнавъ объ этомъ
ошъ дворовыхъ, объявилъ креспьянамъ,
и всѣ, ошъ мала до велика, собрались, и
мужики и бабы. Подлинно, они сдѣлали
намъ наспоющій сюрпризъ: такъ всѣ за-
кричали, что зашряслись окна, и мы
вздрогнули ошъ такой нечаянности!
Окончился праздникъ, какъ обыкновен-
но—прибавила Свіяжская.—Бапюшка ош-
крылъ балъ съ машушкою, Польскимъ;
попомъ вся молодежь, въ шомъ числѣ и

я была, усердно танцовали, былъ фейерверкъ и иллюминація. Все это помнишь нѣчего; но сцены за обѣдомъ я въ вѣкъ не забуду!»

Въ подмосковную Свіяжской пріѣхали довольно рано. Вездѣ видѣнъ былъ оплывшій порядокъ. Деревня была поселена по плану, съ большими промежутками между строеніями; повсюду замѣтно было изобиліе и устройство: гумны у крестьянъ, огороды, задніе дворы, все было обгорожено; избы, овины, клѣши, анбары покрыты; передъ каждымъ дворомъ находился палисадникъ, и посажены были деревья; проулки между дворами представляли вездѣ прекрасныя аллеи; среди выгона построено былъ большой, запасный, каменный магазинъ, крытый желѣзомъ, и этотъ магазинъ носилъ не пустое названіе, но всегда наполнялся мірскимъ, общественнымъ хлѣбомъ, и обеспечивалъ крестьянъ на случай неурожая. Подлѣ магазина стояло, подъ навѣсомъ, нѣсколько пожарныхъ трубъ и

инструментовъ. По берегу рѣчки построено было нѣсколько крестьянскихъ бань, и вырыты въ землѣ лѣтнія печи, для печенья хлѣбовъ и приготовленія кушанья, пошому, что по заведенному еще при опцѣ Свіяжской порядку, на все лѣто въ избахъ печки были запечатаны. Устроеныя, въ замѣнъ ихъ, землянки, и сдѣланные надъ ними, на случай ненастья, навѣсы, представляли возможность крестьянамъ не разводить огня по избамъ, что очень часто бываешиъ причиною пожаровъ въ деревняхъ, особенно-же въ рабочее время, когда оспашья дома иногда одни только ребятишки и слабыя старухи.

Господская усадьба, садъ, оранжереи, гумно, анбары — все было въ хорошемъ видѣ; домъ, и прочія строенія, были старинныя, и нѣсколько уже ветхи, но поддерживались въ превосходномъ порядкѣ. Софья, безъ всякой лести, хвалила подмосковную Свіяжской. «Говоряшъ, что женское управленіе всегда бываешиъ дурно» — ска-

зала она. — «Дай Богъ, чшобы у иного мужчины въ такомъ-же было усшройсшвѣ, какъ здѣсь я вижу.» — Все заведено покойнымъ бапюшкою — опвѣчала Свіяжская. — Я ничего не перемѣнила, оспавила шого-же спараго управляющаго, и спараюсь шолько поддержапъ въ прежнемъ видѣ, какъ было при бапюшкѣ. Я знаю, чшо ему сначала было очень шрудно привеспъ все въ усшройсшво; наши мужички не охопники до порядка, но за шо послѣ, когда они привыкли, шо, не шолько были ему благодарны, но чрезвычайно полюбили его усшройсшво. Похороны опца моего оспанушся для меня на вѣкъ незабвенны! Онъ скончался зимою, въ Москвѣ. Въ день погребенія его собрались къ намъ на дворъ всѣ кресшьяне, опсюда и изъ другихъ деревень нашихъ, находящихся не въ далекомъ разспояніи опъ Москвы. Всѣ просили позволенія проспишьяся съ добрымъ ихъ помѣщикомъ. Слезы—и шочно неліцемѣрныя, пошому, чшо нѣпъ нужды

льспишь мершвымъ—проливали креспьяне на гробъ его; они взялись нести его на рукахъ своихъ въ церковь, и пошомъ до могилы. Домъ нашъ былъ въ Басманной; опшуда, какъ ты сама знаешь, не близко до Донскаго монастыря. Все эшо далекое проспрансшво несли они гробъ опца моего на рукахъ, перемѣняясь между собою поочередно. »

Свіяжская провела дней пять въ своей подмосковной; ѣздила осмашривашь лѣса и пашни; раза по два въ день бывала въ больницѣ, кошорую содержала она на свой счепъ, для больныхъ креспьянъ, своихъ и чужихъ. Пошомъ, въ день рожденія своего, послѣ обѣдни, сдѣлала она угощение, по всегдашнему обычаю, дворовымъ и креспьянамъ. Пирогы, щи, а болѣе всего вино и пиво, подносимыя мужикамъ, ленпы, персшеньки и куски разныхъ маперій, разданныя бабамъ, орѣхи и пряники, данные ребяпишкамъ — распространили общее веселіе въ эшомъ шумномъ обществѣ. На ша-

кихъ пиршесствахъ открывающіяся истинныя, неліцемѣрныя чувства привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ. Бабы величали барыню и плясали; сшарики изъяснялись въ любви своей. « Ты наша машь, » кричали ей, « да и весь родъ вашъ таковъ; и покойный бапюшка-пошвой — чшо эшо былъ за челоуѣкъ! »

На другой день послѣ сего угощенія отправились въ Пріюшово, къ Аглаевымъ. Погода была прекрасная, дорога просохла, и путешественницы благополучно совершили путь свой. Съ послѣдняго ночлега вспали онѣ нарочно поранѣе, и заспали Аглаевыхъ за завтракомъ. Проѣзжая мимо сада, увидѣли хозяевъ въ бесѣдкѣ, за самоваромъ. Капери́на наливала чай; подлѣ нея сидѣла машь, и мужъ, курившій трубку. Болонская собачка Холмской первая замѣшила карешу, залаяла, и обратила вниманіе всѣхъ. Софья и Свіяжская видѣли, чшо Аглаевъ, бросивъ трубку, побѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Капери́на, на сносяхъ

беременная, бѣжаешь не могла, но, пере-
валиваясь со стороны на сторону, так-
же спѣшила идти изъ саду къ нимъ.
Холмская, оставивъ чулокъ свой, и уго-
варивая Каперину не бѣжать и не спѣ-
шась, сама перегоняла ее.

Свиданіе сесперъ было прогашельно :
обнявшись, цѣловали онѣ другъ друга
нѣсколько минутъ. Каперинѣ, по ея по-
ложенію, такая радость была даже вред-
на, и ей сдѣлалось дурно. Мужъ пош-
часъ побѣжалъ за Гофманскими каплями
и свѣжею водою. Дурноша скоро про-
шла, и Каперина опять бросилась цѣ-
ловать Софью. Обѣ онѣ плакали, спра-
шивали другъ друга, и, не дожидаясь
опивѣша, перебивали другимъ вопросомъ.
Мать ихъ и Свіяжская не могли бытъ
равнодушными при такой сценѣ. Нако-
нецъ мать, опирая слезы, сказала: « По-
милуй, Софья—да подойди-же ты ко мнѣ —
ты меня совсѣмъ даже не примѣшила.»—
Ахъ, мапушка! не уже-ли я въ самомъ
дѣлѣ къ вамъ не подходила? — вскрича-

ла Софья, и бросилась цѣловать ея руки. По немногу всѣ успокоились, и начался обыкновенный разговоръ. «Какъ ты перемѣнился и пошолспѣлъ!» — сказала Софья Аглаеву. — «Какой свѣжій цвѣтъ лица! Теперь иные, въ самомъ дѣлѣ, найдутъ тебя даже красавцемъ.» — Какъ: *иные?* — возразила его жена — и *теперь?* — Онъ всегда былъ красавцемъ, хотя *нѣкоторыя*, дерзскія, осмѣливались спорить со мною, что онъ не шакъ хорошъ лицомъ.

«Я тебѣ поже скажу, любезная сестра» — отвѣчалъ Аглаевъ — «что ты шакъ же очень перемѣнилась, въ свою пользу. Впрочемъ, я никогда даже не дерзалъ ни съ кѣмъ спорить, чтобы ты не была красавица.»

— Видишь-ли? — продолжала Каширина. — Хотя мы живемъ и въ деревнѣ, но умѣемъ говорить комплименты. Однакожь, мы заговорились; самоваръ нашъ еще не погасъ, и вамъ вѣрно съ дороги хочется чаю; пойдешъ въ бесѣдку. — Маль-

чикъ!—продолжала она.—Принеси поскорѣе свѣжихъ , густыхъ сливокъ. Это любишь Софья , а для васъ , пешушка , давно приготовлены у меня любимые ваши крендели и сухарики. Да , вели позвать повара: такихъ милыхъ гостей надобно хорошенько угостишь. Къ счастью , у насъ поспѣлъ зеленый горохъ : вы , пешушка , до него охотница. Я думаю , мой дружокъ — прибавила она , обращаясь къ мужу — у насъ есть въ парникѣ свѣжіе огурцы? Пожалуйста , прикажи принести къ салашу.

Густыя , свѣжія сливки для Софьи , и сухарики для Свѣяжской поспѣли. « Я нигдѣ вкуснѣе своихъ сухариковъ не ѣдала » — сказала Свѣяжская. — « Благодарна тебѣ , милая Кашинька , что ты вспомнила обо мнѣ. Ты все также мила и заботлива , какъ была прежде , и вниманіе твое очень пріятно. Многимъ покажется это бездѣлицею , но въ обществѣ , и въ кругу семейства , это без-

дѣлицы гораздо важнѣе, нежели объ нихъ думающъ. »

— Во всемъ эшомъ должно брашь примѣръ съ васъ, пешушка—сказалъ Аглаевъ.—Въ нѣжності и вниманіи вѣрно никто васъ не превзойдетъ. — Послѣ нѣсколькихъ минушъ молчанія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Софѣ: Скоро-ли мы увидимъ Г-на Чадскаго, или какого нибудь другаго несчастнаго, котораго ты мучишь своею жестокостію? —

« Не знаю, а думаю, что и всѣ *прозіе* пріѣдутъ сюда въ одно время съ Чадскимъ » — отвѣчала Софья, съ усмѣшкою.— « Ошъ кого слышалъ ты эшомъ вздоръ? »

— Какъ: ошъ кого? Всѣ говорятъ, что Чадскій бывалъ у васъ всякій день, что ты, въ подмосковной у Князя Фольгина, играла съ нимъ на шахрѣ, краснѣла и была прелестна, какъ Ангелъ, когда онъ подходилъ и говорилъ съ тобою !

« Въ самомъ дѣлѣ ты эшо слышалъ ? Не уже-ли ты вѣришь эшимъ вздорнымъ слухамъ ? » сказала Софья, засмѣявшись,

— Очень вѣрю, и надѣюсь, что меня не обманули.

« Не опвѣчай ему ни слова » — сказала ей сестра. — « Открой мнѣ, по секрету, какъ все дѣло было. »

— Она хорошо вздумала — продолжалъ Аглаевъ. — Я все узнаю, а ты не будешь краснѣть, рассказывая мнѣ о своихъ подвигахъ.

« Краснѣть мнѣ не отъ чего » — возразила Софья. — « Я могу говорить при всѣхъ, что отъ роду никогда не играла на шапкѣ съ Чадскимъ, и что я чрезвычайно равнодушна къ нему. »

— Ты не шутишь, сестра ? — сказалъ Аглаевъ, съ большимъ удивленіемъ.

« Совсѣмъ не шучу, а говорю насущную правду. Но самъ ты все это слышалъ ? »

— Я видѣлъ одного пріѣзжаго изъ Москвы, у Князя Бориса Мапвѣевича, въ Никольскомъ, и онъ рассказывалъ. Теперь я вижу, что мнимая привязанность твоя лишила тебя обожателя, гораздо

лучше и интереснѣе Чадскаго. Пронскій, какъ замѣтно было, говорилъ объ этомъ съ горестію, и даже съ отчаяніемъ.

«Пронскій? Это родной братъ Свѣп-
ланиной? Мнѣ кажется, что я разъ, или
два, видѣла его у шешушки въ домѣ.
Совсѣмъ даже не помню я его въ лицо.
Въ подмосковной у Князя Фольгина его
не было.»

—Ты вѣрно-бы замѣтила, и не забыла
его лица — сказала Свѣжская —если-бы
вниманіе свое не обращено было тогда
на Чадскаго. Пронскій не дурень со-
бою, и точно добрый, прекрасный чело-
вѣкъ. Теперь объясняется мнѣ причина,
опъ чего вдругъ переспалъ онъ ѣздишь
ко мнѣ, и скрылся изъ Москвы.

«Пронскій, прямо изъ Москвы, прі-
ѣхалъ въ свою деревню, по близости
Никольскаго. Онъ очень удивился, встрѣ-
шившись шамъ съ своею родною се-
спрою, и двумя зяпьями. Я нечаянно
сдѣлался наперсникомъ, или повѣреннымъ

его. Если ты хочешь—я могу открыть тебѣ всѣ его тайны.»

Совсѣмъ я не любопытна знать ихъ—опвѣчала Софья. — И ты, Капинька, была также у сестры въ Никольскомъ? —

Въ это время, Холмская и Свѣяжская ушли изъ бесѣдки въ комнату, имѣя много кое-чего переговорить между собою, наединѣ.

«Нѣтъ, я не была, и, признаюсь тебѣ — по письмамъ ея, и потому, что рассказывалъ мой Пепруша, никакой охоты не имѣю ѣхать туда. Сестрица наша очень проказничаетъ, и, думаю, послѣ будешь сама жалѣть и раскаиваться. Безпрестанные ссоры и непріятности ея съ мужемъ должны дурно кончиться. Вообрази себѣ только одно то, что она уже два раза сряду, отъ неосторожности и невниманія своего, выкинула! Вообще, все она дѣлаетъ на перекоръ мужу своему, вошла въ пѣсную дружбу съ сосѣдями своими Арбаповыми, съ которыми онъ имѣетъ тяжбу,

и копорыхъ ненавидишь. Я писала къ ней нѣсколько разъ, но она не уважила не только моими, но и маменькиными совѣтами. »

— И такъ, маменька наконецъ рѣшилась съѣздить въ это Никольское? — спросила Софья.

« Она была тамъ, вмѣстѣ съ моимъ мужемъ, но возвратилась въ такомъ огорченіи, и съ такимъ негодованіемъ на Лизу и Князя, что вѣрно впередъ никогда къ нимъ не поѣдетъ. Скупость Князя, вздорливый характеръ, ябедничество, и вообще глупость его, такъ воспаниовили противъ него маменьку, что она въ душѣ своей, какъ мнѣ кажется, извиняетъ Елисавету, хотя не только ей, но и мнѣ ни слова не говоритъ объ этомъ. Очень досадно, что братъ Алексѣй, который и безъ того порядочный эгоистъ, вошелъ въ коропкую связь съ Княземъ Борисомъ Машвѣвичемъ, и беретъ его во всемъ себѣ въ примѣръ. »

Аглаевъ подтвердилъ, что говорила жена его. Софья очень огорчилась этимъ извѣстіемъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Послѣ того пошла она въ домъ, переѣлишь дорожное свое плащье.

Всѣ собрались къ обѣду. Сполъ былъ не великолѣпный, и ничего необыкновеннаго не подавали, но всѣ кушанья были вкусны, и приготовлены изъ лучшей и свѣжей провизіи. Соусъ съ зеленымъ горохомъ всѣмъ понравился. Домашнія наливки, сдѣланныя милою хозяйкою, заслужили общее одобреніе.

Послѣ обѣда, обѣ спарушки пошли опдыхашь. Аглаевъ, посидѣвъ немного, опправился также куда-то по своему хозяйству; сестры опшались вдвоемъ; Каперина рассказывала, какъ миль и внимашелень мужъ ея. « Онъ всегда шаковъ, какъ шы видѣла его сегодня ушромъ » — продолжала она. — « Съ шѣхъ поръ, какъ мнѣ спало шяжело, и я почти не могу ходишь, онъ безошлучно

дома, чишаепѣ, играепѣ на фортепіано, ищепѣ всѣхъ возможныхъ средствъ, чѣобы угодишѣ мнѣ.»—Съ радостію слушала ее Софья.

Служанка, по приказанію Каперины, пришла доложишѣ, чѣо Свіяжская проснулася. « Пойдемѣ къ нимѣ, » сказала она. « Маменька хошѣла непременно, чѣобы тепушка жила съ нею въ одной комнашѣ; онѣ теперь вмѣспѣ, и я опнесу къ нимѣ вишни изѣ нашей оранжереи, шолько чѣо поспѣвшія; я берегла для вашего пріѣзда. Тепушка любипѣ ихѣ, и послѣ сна онѣ ее освѣжапѣ.» Свіяжская шочно любила вишни, и по раннему времени эшо была еще рѣдкостѣ. Она благодарила Каперину за вниманіе.

Разговорѣ обрашипѣ опяшѣ на шопѣже предметѣ, копорый порадовалѣ Софью. Каперина повпоряла, чѣо она совершенно счастлива, и превозносила похвалами своего мужа. « Эшо настоящій Ангелѣ!» прибавила она. « Не шолько ни-

какой ссоры и непріятности между нами не бывало, но мы даже ни разу не спорили съ нимъ, да и не за что! Лишь только я пожелаю чего нибудь, пошчасъ все исполнено. Хозяйство наше идетъ прекрасно, и въ такомъ опличномъ порядкѣ, что я сама удивляюсь, какъ умѣешь Пепруша мой шакъ все устроишь, что мы, съ небольшимъ нашимъ состояніемъ, живемъ, можно сказать, изобильно. Онъ точно мастеръ своего дѣла.» Софья удивлялась необыкновеннымъ способностямъ Аглаева; но Свѣяжская не совсѣмъ раздѣляла ея восхищеніе, вздохнула, и ничего не отвѣчала.

Къ чаю собрались опять всѣ въ бесѣдку, въ садъ. Время до ужина провели очень пріятно, и совсѣмъ не замѣтили, что уже поздно. Наконецъ, въ 11-мъ часу увидѣли, что Каперина ушла, и разошлись спать. Вездѣ и во всемъ видны были заботливостъ и вниманіе хозяйки. Софья нашла пригото-

ленную для нея, въ мезонинѣ, комнапу прелесшною; фортепіано ея были привезены изъ Надежина. Капериная знала, что Софья не любила спать на пуховикѣ, и велѣла посласть шюфакъ; на окнахъ повѣсила она гардины; даже большія креслы, къ кошорымъ Софья привыкла дома, пославлены были подлѣ балкона, точно такъ, какъ спояли они въ ея комнату въ Надежинѣ. Все доказывало, что сестра забошлась сдѣлать Софѣ удовольствіе, и напередъ приготошила все, что ей нравилося. Такое нѣжное вниманіе пронуло Софью. Разказы Каперины объ ея мужѣ, порядокъ, видѣнный ею повсюду, спокойствіе, счастливый образъ жизни Аглаевыхъ — все это нѣсколько поколебало *твердое* намѣреніе ея оспаваться вѣкъ въ дѣвкахъ. Разговоръ о Пронскомъ какъ-то пришелъ ей на память, и она, спараясь вспомнить черпы лица его, заснула крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

ГЛАВА XI.

« Il y a un lieu sur la terre, où les
« passions tristes n'ont jamais d'empire,
« où le plaisir et l'innocence habitent
« toujours ensemble: c'est la maison de
« deux époux, qui s'aiment. »

С Т. Л А М В Е Р Т.

« Есть мѣсто на землѣ, гдѣ пе-
« чальныя спрасхи никогда не имѣ-
« ютъ никакого владычества, гдѣ
« удовольствіе и невинность обита-
« ютъ всегда вмѣстѣ: это домъ
« супруговъ, любящихъ другъ друга. »

С. Л А М В Е Р Т Ъ.

На другой день разсмащивали подар-
ки, привезенные Свіяжскою и Софьею изъ
Москвы. Какъ ребенокъ обрадовался

Аглаевъ прекрасной удочкѣ, купленной Софьею въ Англійскомъ магазинѣ, въ подарокъ ему. Онъ тотчасъ побѣждалъ пробовавъ ее, и общался наловишь множество рыбы къ обѣду. Кашерина съ удовольствіемъ разсмапривала самый шонкій баписъ и лучшія кружева, представленные ей въ подарокъ, въ разныхъ видахъ—въ бѣльѣ, плашьѣ и чепчикахъ, собственно для нея, и для будущаго ея ребенка.

«Теперь не осмѣлюсь показавъ, что я сама пригошвила,» сказала она мапери. «Смопрѣшь не лзя послѣ эпѣхъ прелесшей!»

—Твое собственное рукодѣлье, конечно, не шакъ хорошо, какъ эшо—опвѣчала Холмская—но оно имѣетъ большую цѣну въ глазахъ друзей швоихъ: служишь доказательствомъ, что ты занималась именно своимъ дѣломъ, и прудами своими сберегла деньги. —

Кашерина не мастерица была танцовать, не съ большимъ искусствомъ игра-

ла на фортепiano и на арфу; но никто лучше ея не умѣлъ управлявъ домашнимъ хозяйствомъ, и во всѣхъ женскихъ рукодѣльяхъ была она опличная искусница.

Софья проводила время въ Пріюповѣ чрезвычайно весело. Московская жизнь и городская духота ей надоели; съ удовольствіемъ дышала она свѣжимъ, деревенскимъ воздухомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, въ самую полночь, Софья услышала ходьбу и смятеніе въ домѣ. Каперина во весь день чувствовала себя не очень хорошо. Софья вспомнила, что Аглаевъ не садился ужинавъ, былъ безпокоенъ, и что крышныя дрожки его, пройкою, куда-то поскакали. Сообразивъ все это, Софья догадалась, отъ чего происходишь смятеніе въ домѣ; сердце у нея чрезвычайно билось; кое-какъ одѣлась она и поспѣшила внизъ. Лампы вездѣ горѣли; слуги всѣ сидѣли въ передней; женщины суешились и бѣгали изъ дома въ

кухню, и опшуда назадъ. Машь свою встрѣшила Софья блѣдную и съ разспроеннымъ лицомъ. Она шла изъ спальни Каперины, скорыми шагами, прямо въ переднюю, и велѣла, первому попавшемуся ей человѣку, поспѣшѣхъ верхомъ къ Священнику, и попросишь, чтобы онъ освятилъ въ церкви Царскія Врата. «Что, маменька?» спросила у нея робкимъ голосомъ Софья.—Ничего, ничего, мой другъ! ложись спать.—«Я знаю и догадываюсь, что Капинька мучится; но скажите: здѣсь-ли бабушка, и какъ она себя чувствуетъ?»—Бабушка здѣсь, и все идешь, слава Богу, хорошо; не безпокойся, и ложись спать.— Съ этими словами возвратилась Холмская въ спальню къ родильницѣ. Легко было сказать: *не безпокойся и ложись спать*—но не легко было для Софьи исполнить. На цыпочкахъ подкралась она къ двери спальни. Спohnы родильницы, рыданіе ея мужа, увѣщанія машери, чтобы онъ не плакалъ, или вышелъ-бы вонъ, ежели не можешь удер-

жашься, полурусскій разговоръ бабушки Нѣмки, копорая очень равнодушно говорила: *Дербенье, судариня, дербенье!* . . . все это шакъ сильно поразило Софью, что она насилу могла усшоять на ногахъ, бросилась, въ маленькомъ кабинетѣ Каперины, на колѣни передъ Образомъ, и со слезами молилась Богу. Молишва подкрѣпила ее; но осшавашься далѣе по близости чувспвовала она себя не въ силахъ, и вышла въ госшиную, гдѣ Свіяжская сидѣла съ спарикомъ, Уѣзднымъ Докпоромъ. «Что, шешушка,» спросила она по Французски, «что говоришь Докпоръ?»—Ничего — опвѣчала Свіяжская.—Его не призывали шуда; видно, благодаря Бога, нѣтъ нужды.—Это нѣсколько успокоило Софью. Сама Свіяжская была также въ большомъ волненіи, но принуждала себя, и разговаривала съ Докпоромъ о посшороннихъ предмепахъ.

Черезъ нѣсколько минушъ всѣ были испуганы спарою Холмскою. Какъ сумасшедшая, пробѣжала она мимо, черезъ

госпину въ залу. «Человѣкъ, человѣкъ! — закричала она — «скачи поскорѣе, и проси сюда Священника!» Съ сими словами спарушка упала безъ чувствъ на полъ, Всѣ бросились къ ней. Докшоръ давалъ ей нюхатъ спиртъ, и шеръ виски; испугъ придалъ Софѣ новыя силы: она держала машъ на рукахъ. Докшоръ скоро привелъ ее въ чувство. «Что такое случилось?» спросила распревоженная Свіяжская. — Слава Богу! Слава Богу! она родила счастливо! — опвѣчала Холмская. «Зачѣмъ-же ты насъ шакъ испугала?» — Я дала обѣщаніе: опслужишь, пошчасъ, какъ она родишь, благодарственный молебень, и за шѣмъ послала поскорѣе просишь Священника. — Вскорѣ послѣ сего выбѣжалъ Аглаевъ; онъ былъ радъ, можно сказаъ, до безумія, плакалъ, цѣловалъ всѣхъ, кшо ему ни попался, даже и Докшора обнималъ съ нѣжноспію. «Слава Богу! все кончилось благополучно! Пожалуйше, Адамъ Францовичъ» — сказалъ онъ Докшору — «пожа-

луйше къ моей женѣ — бабушка заняла ребенкомъ. Да поскорѣе надобно послашь за Священникомъ, чшобы взялъ молищву, и Капинькѣ успокоиться.» Софья, внѣ себя отъ радости, цѣловала Аглаева; наконецъ, опомнившись, спросила у него: «Скажи, по крайней мѣрѣ, что вамъ Богъ далъ?» — Дочь, и, какъ двѣ капли воды, похожа на тебя! Капинька, еще мучась, просила меня, ежели родитъ она дочь, назваешь ее Софьею. — «Можно-ли ее видѣть?» сказали вмѣстѣ Софья и Свѣяжская. — Я думаю, можно: сей часъ спрошу у Докшора. —

Аглаева родила благополучно, и была только слаба. Докшоръ позволилъ войти къ ней на нѣсколько минутъ; но напоминать, чшобы какъ можно меньше говорили съ нею. Всѣ вошли. Софья взяла ея руку, и со слезами цѣловала; другую руку держалъ мужъ ея, стоявшій на коленяхъ передъ постелью; мать смотрѣла на нее съ радостнымъ лицомъ. Свѣяжская пронюхала была до глубины души

сею каршиною семейственнаго счастія. Капери́на признавалась послѣ, что никогда не была она такъ благополучна, какъ въ это время. Боли никакой она не чувствовала; опасность ея миновалась, и она видѣла такое сердечное участіе людей ей любезныхъ. . . . Между тѣмъ пріѣхалъ Священникъ; моли́тва родильницѣ была прочтена, и къ свѣту въ домѣ все успокоилось.

Въ продолженіе беременности Каперины никакого внезапнаго испуга и непріятнаго приключенія съ нею не случилось. Она была осторожна, внимательна, не объѣдалась, дѣлала нужное движеніе; припомъ-же была она счастлива и успокоена со стороны мужа. Послѣ благополучныхъ родинъ, по молодости своей, она скоро оправилась.

Крестинъ приглашали Князя Рамирскаго съ Холмскою; но онъ извинился, ошговариваясь невозможностью въ рабочее время оплутиться изъ дома, и просилъ окрестить его именемъ заочно.

Алексѣй Холмскій просилъ также, чпобы его извинили, по той причинѣ, что ему должно было отпраляться въ Москву, гдѣ ему обѣщали такой родъ службы, въ кошорой-бы чины шли, по линіи, своимъ порядкомъ, а ему можно-бъ было жить въ деревнѣ. Старый дядя Аглаева ошговорился невозможностію пріѣхавъ въ Пріюшово, за болѣзнію. Свіязская, желая доспавить Софѣ удовольствіе бытъ крестною матерью, ошказалась, подъ какимъ-то ничпужнымъ предлогомъ. Такимъ образомъ, Холмская съ Софьею крестили маленькую Соничку, а крестныхъ ошцевъ только именовали при крещеніи.

Въ продолженіе шести недѣль пріѣзжали къ Каперинымъ родные и сосѣди: Софья съ удовольствіемъ увидѣлась, и возобновила знакомство, съ прежними своими подругами. Она ко всѣмъ была привѣтлива и ласкова; но чпобы пріобрѣсти дружбу ея, требовалось чего нибудь поболѣе способности говоришь. Она не

весьма уважала шѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, кромѣ разговоровъ о на-
рядахъ, не имѣли ни одной идеи для дру-
жеской и откровенной бесѣды. Нѣкоп-
рымъ отдавала она преимущество про-
шивъ прочихъ, но ни одной изъ нихъ
не было, съ которой бы ошъ души мо-
гла сна говоришь. Софья избѣгала пак-
же откровенія ихъ тайнъ, и развѣ поль-
ко въ такомъ случаѣ соглашалась на
довѣренность подруги, когда предвидѣ-
ла возможность бышь ей полезною сво-
ими совѣшами.

Время текло въ Пріюшовѣ въ шомъ
единообразномъ спокойствіи, которое
многіе называютъ настоящимъ счасті-
емъ, и-врядъ-ли ошибающся! Аглаевъ былъ
въ воспоргѣ, имѣя право почишать се-
бя ошцомъ семейства. Холмская, по
обыкновенію бабушекъ, была въ полной
радосши, имѣя внучку, которую счиша-
ла она за восьмое чудо въ мірѣ. Здо-
ровье молодой матери скоро совсѣмъ
возсшановилось. Видя учаспіе и любовь

къ себѣ всѣхъ ее окружавшихъ, Капери-
на находила, что слишкомъ вознаграж-
дена за свое кратковременное страда-
ніе. Шестъ недѣль прошли для нея со-
всѣмъ незамѣтно.

Первый выѣздъ Каперины въ церковь,
для взятія молишвы и пріобщенія доче-
ри Святыхъ Таинъ, былъ чрезвычайно
ей пріятенъ. Многіе сосѣди и друзья
приглашены были обѣдать въ этотъ
день. Всѣ желали видѣть маленькаго Ан-
гела. Няня рассказывала уже объ его за-
пѣяхъ. Забавно было слышать, какъ всѣ
хвалили красоту дѣвочки, находили,
что она, какъ двѣ капли воды, похожа
на мать, а другіе, напрошивъ, утвержда-
ли разительное сходство съ отцемъ.
Софья удивлялась сравненіямъ, столь про-
тивоположнымъ; но ежели-бы знала она,
что большая часть восхищавшихся ми-
ленькимъ, прелестнымъ ребенкомъ, врядъ-
ли взглянули даже на него столько, что
могли увѣриться, одинъ, или точно два
у него глаза!... Софѣ неизвѣстно было

и то, что большая часть людей, приѣзжавшихъ шакъ сильно радоваться, и восхищавшихся, что нашли милую и добрую ихъ Катерину Васильевну, слава Богу, здоровою, были, можешъ бышь, болѣе за шѣмъ, чтобы крипиковать, насмѣхаться надъ нею, и злословишь ее, когда потомъ соберутся въ другомъ домѣ!

«Замѣтили-ль вы, Ольга Пепровна» — сказала Фіалкина Сундуковой — «одѣяльцо, обшинное прекраснымъ пюлемъ, и кружевной чепчикъ, на эшомъ маленькомъ уродцѣ, дочери Аглаевой? Я увѣрена: все эшо куплено на Кузнецкомъ мосту, въ Москвѣ. Изъ какихъ доходовъ шакія роскоши? Мужъ въ долгу, какъ въ шелку, а она изволишь щеголяшь!»

— А замѣпила-ли ты на ней самой капотъ и чепчикъ? Какой прекрасной фасонъ и какія дорогія кружева! — опвѣчала Сундукова, обыкновеннымъ своимъ тономъ насмѣшки, смѣшанной съ досадою. — У меня, кажешся, побольше со-

спояніе, чѣмъ у нея, а никогда не было у меня, даже послѣ первыхъ моихъ родовъ, капоша изъ шакого тонкаго ба-писша! Приспало-ли бѣдной дворяночкѣ такъ мошаніе? —

«Надобно знашь еще» — продолжала Фіалкина — «чѣмъ имъ за все это запла-тишь; да, и вообще, кажется мнѣ, боль-шая глупость наряжать такъ роскошно дѣшей своихъ.»

— О нарядахъ ребенка ея говоришь нѣчего: она сама масперица на всякія рукодѣлья, и, можетъ быть, перешила и передѣлала изъ какого нибудь стараго своего плащя. Но самой-но ей совсѣмъ некспаши носить такія дорогія вещи! Да, скажи: какъ тебѣ нравится меньшая сестра ея, Софья? —

«Кпо? Софья!.. Мнѣ кажется.... Какъ вы сами объ ней думаете?»

— Она несносна, изволишь чванишься, и воображаешь о себѣ Богъ знаетъ что. Я всегда имѣла къ ней *антипатію*. Осо-

бенно-же теперь, побывавши въ Москвѣ, она даже смѣшна своимъ пономъ. —

« Я шочно поже думала » — отвѣчала добрая Фіалкина, кошорая согласилась-бы пошчасъ и шогда, когда-бы Сундукова говорила совсѣмъ прошивное о Софѣѣ. — « Кажешся » — продолжала она, помнымъ, сошпрадашельнымъ голосомъ — « сеспра ихъ, Княгиня Рамирская очень несчастлива, не смопря на все богапспиво и знашносшь ея ? »

— Эшо правда — продолжала Сундукова, съ довольною улыбкою — она шочно несчастлива. Я напередъ предсказывала, чшо характеръ ея несходенъ съ мужнинымъ. Признашся шебѣ : я ихъ обоихъ шерпѣшь не могу. Не сказывай никому . . . А знаешь-ли? Онъ, послѣ опказа моей Глафирушки, шочно какъ будшо съ ума сошелъ, совсѣмъ пошерялъ голову, былъ въ опчаяніи, самъ не зналъ чшо дѣлалъ, и съ досады и изъ мщенія предложилъ руку свою Холмской. Мань шопчасъ эшимъ воспользовалась, хопи

Рамирскій послѣ того раскаявался, и хопѣлъ было опказаться; но ему показывали, будто ничего не замѣчаютъ, и снѣшили окончить свахѣбу. Вотъ слѣдствія привязанности къ интересу. . . . Однакожъ, мужъ мой подходитъ Смотри, не проболтайся, о чемъ я тебѣ говорила. —

Каперица, ни сколько не подозрѣвая, что ее крипикуютъ, насмѣхаясь надъ нею, и такъ сильно злословятъ ее, и не имѣя повода упрекать себя въ роскоши и мотовствѣ, продолжала наряжать дочь свою, и сама носила плашья и чепчики, подаренныя ей Свѣжскою. Она не находила также предосудительнымъ, съ визитами къ сосѣдямъ своимъ, ѣздить въ каретѣ, на хорошихъ, одношерстныхъ лошадяхъ Свѣжской. Никакъ не воображала она, что все это подастъ поводъ къ новому зловѣію и возбуждаетъ зависть. Хотя всѣ знали, что карета и лошади не ея, однакожъ говорили: «Къ чему такая роскошь и хвастовство? На

долго-ли спанешъ у нихъ имѣнія, еже-ли они долѣе будутъ такъ жить?» Если-бы Аглаевъ купилъ самъ, на свои деньги, такую-же карету и лошадей, то и тогда, кажется, не болѣе было-бы злыхъ замѣчаній на счетъ его. Вскорѣ все это дошло до свѣдѣнія Софьи, и произвело въ ней справедливое негодованіе и оп-вращеніе къ людямъ споль низкимъ и зависпливымъ. Она сдѣлалась гораздо холоднѣе въ обращеніи съ ними, и чрезъ то пріобрѣла на счетъ свой мнѣніе, что она слишкомъ важничаетъ и гордится, сама не зная чѣмъ.

«Въ какомъ свѣтѣ живемъ мы!» ска-зала Софья Свіяжской, сообщивъ ей нѣ-которыя злобныя насмѣшки на счетъ Ка-терины. «Можно-ли было ожидать такой зависи ошъ мнимыхъ пріятельницъ ея!» — Точно-ли ты въ этомъ увѣрена? — опвѣ-чала Свіяжская. — Имѣешь-ли ясныя дока-зательствва? Ты знаешь: не всякому слу-ху надобно вѣришь. — «Я сама слышала

эшу глупую, подлую Фіалкину, когда она бесѣдовала съ такою-же, подобною ей Хандриною: все эшо придворныя Сундуковой, и повпоряють, что она говоришь. Вошь ихъ разговоръ: «Мы съ тобою, Варвара Филиповна» — сказала Фіалкина — «знаемъ, что можно прожитъ и не имѣя новомодной кареты.» — Да, и не выспавляемъ себя на показъ, и не хвастаемся чужимъ экипажемъ! — отвѣчала Хандрина. — Все эшо говорили онѣ такъ, чтобы я могла слышать. Черезъ минушу прошла мимо ихъ Кашинька; обѣ бросились цѣловаться съ нею, и съ учаспiемъ спрашивали ее о здоровьѣ *прелестнаго ея Ангела!* Кашинька, не подозрѣвая, что онѣ только что переспали забавляясь на ея счетъ, обошлась съ ними по-пріятельски, и благодарила за учаспiе. И ко мнѣ обратились было эшѣ лицемѣрки, съ своими привѣтствіями, но я не могла преодолѣть себя, не отвѣчала имъ ни слова, и отошла отъ нихъ. За то имѣла я честь

слышаешь сужденіе ихъ, что я слишкомъ чванюсь, что я самое несносное швореніе, и что мнѣ вѣкъ не найдши жениха; словомъ: что я достойная воспитанница этой *Свіяжской*! Ежели-бы знали онѣ, какой пріятный комплиментъ мнѣ сдѣлали!»

— Это еще тебѣ, видно, первый опытъ злоспій, лицемерства и фальшивости — оповѣчала *Свіяжская*, улыбаясь — опъ того-то шакъ горячо и принимаешь ны его. Чѣмъ долѣе проживешь на свѣмѣ, шѣмъ болѣе будешь имѣшь опшовъ, и ничему удивляшься, ничѣмъ огорчаться не спанешь.

«Что за удовольствіе злословишь бѣдную Капиеньку и меня! Мы имъ никакого оскорбленія не сдѣлали. Откуда происходитъ эша злоспъ? Признаюсь: я никакъ не ожидала найдши въ деревнѣ шолько низкихъ и фальшивыхъ людей! Я думала, что это свойственно шолько шолпѣ праздныхъ и разсѣянныхъ людей, въ большихъ городахъ. . . .

— Ты очень ошибалась. Зависть, лицемерство, злость, и вообще все пороки, распространяются повсюду, а злословие и болтовство еще сильнее бывают в маленьких городах и деревнях, нежели в столицах, потому, что общество не так обширно, занятий и разсѣянія меньше, а праздных людей гораздо больше. Но не смотря ни на что, я хочу, чтобы Кашерина ѣздила в моей каретѣ, покаместъ пробуду я здѣсь, и это потому, что она еще не совсемъ оправилась. Что-же касается до тебя—ты разсудительна, и должна быть выше всего, не уважая пустословіемъ клеветниковъ. Въ томъ кругу, гдѣ назначено тебѣ прожить весь вѣкъ, ты будешь встрѣчать ихъ на каждомъ шагу. Надобно вооружиться терпѣніемъ, и показывать, что ничего не замѣчаешь. Обнаруживая недостатки свое, ты подашь еще больше повода къ злословію. Снабнемъ смотрѣть на все, что дѣлается въ свѣтѣ, въ настоящемъ видѣ, и

любишь людей, шакъ, какъ они есть. Для собственнаго нашего спокойствія будемъ снисходительны къ слабостямъ и недоспашкамъ шѣхъ, съ которыми обязаны мы провести нашу жизнь. —

« Все это справедливо » — отвѣтала Софья » — « но я лучше желаю ни съ кѣмъ не быть знакомою, и ограничить всѣ связи шѣснымъ кругомъ моего семейства, нежели имѣть сношенія съ такими людьми, копорые въ глаза говорятъ мнѣ вѣжливосши, а заочно злословятъ и бранятъ меня. Весь вѣкъ свой не буду я знакома съ этою подлою Фіалкиною. Пускай называютъ меня гордою и чванною: буду радоваться, если спашутъ шакъ обо мнѣ думашъ. »

— Я никогда еще не видала тебя въ такомъ дурномъ нравѣ — сказала, усмѣхаясь, Свіяжская. — Видно очень разобидѣли тебя добрыя сосѣдки, Фіалкина и Хандрина, что ты шакъ разгорячилась!

Но кончимъ нашъ разговоръ: насъ ждуть
пить чай. —

« Признаюсь: я точно разгорячилась » —
отвѣчала Софья. « Но вы сами согласи-
тесь, кажется, что я имѣю все право
сердиться на нихъ. »

ГЛАВА XII.

« Во всемъ должно избѣгать край-
« носпи : самыя благородныя дѣй-
« ствія, самыя позволительныя чув-
« ства , ежели они выходятъ изъ
« границъ , могутъ имѣть пагубныя
« слѣдствія. »

Фонъ - Визинъ.

Уже мѣсяца два прожила Свіяжская у
Аглаевыхъ ; нѣсколько разъ собиралась
она уѣхать отъ нихъ , но ее убѣждали
остаться. И ей самой было у нихъ такъ
хорошо и спокойно , что время прохо-
дило нечувствительно. Наконецъ, назна-
чила Свіяжская рѣшительно день своего

опъзда. Она предлагала Софѣ ѣхать съ нею въ Москву, гдѣ въ то время, по случаю пребыванія Императорской Фамиліи, были большія веселости; но Софья отказалась, и только благодарила ее за сіе предложеніе.

«Ежели ты хочешь» — сказала Свіяжская — «по я съ удовольствіемъ гопова ѣхать для тебя въ Москву; но если желаешь лучше здѣсь остаться — Богъ съ тобой! Обо мнѣ не безпокойся; я буду въ моей подмосковной не одна: приглашу къ себѣ добрую нашу Кирбишову.»

— Если-бы мнѣ не хотѣлось пожить еще съ сестрою — отвѣчала Софья, цѣлуя руки Свіяжской — я лучше-бы поѣхала къ вамъ въ деревню, нежели въ Москву. Но вы сами слышали, какъ убѣдительно проситъ меня Кашинька. Елисавета также обѣщала скоро быть сюда; мнѣ и съ нею хочется повидаться. При томъ-же, признаюсь вамъ въ моей слабости: я такъ снраспно полюбила кре-

спинцу мою Соничку, что и съ ней раз-
скажись мнѣ тяжело. Побывайше у себя
въ подмосковной, и возвратишесь, ми-
лая пестушка, къ намъ опяшь — продол-
жала Софья. Вы увидише большую перемѣ-
ну въ этомъ ребенкѣ; я увѣрена, что онъ
часъ отъ часу будетъ милѣе; Капинька
приняла для дочери прекрасную мещоду
воспитанія, и, какъ мнѣ кажется, это
доказываетъ, что она большая масте-
рица обходиться съ дѣтьми. —

«Объ этомъ я хотѣла поговорить съ
побою, обратишь вниманіе свое, и по-
дашь дружескій совѣтъ, но есть, не
тебѣ лично, а для сообщенія Капериной.
Конечно, спраннымъ покажется совѣтъ
старой дѣвки о дѣтяхъ; но надобно
предупредить Каперину, чтобы она не
занималась безпрестанно и исключитель-
но однимъ только своимъ ребенкомъ.
Мужчины могутъ ко всему приревно-
вать, и обидѣться, какъ кажется съ пер-
ваго раза, маловажнымъ невниманіемъ къ
нимъ. Пока нѣтъ дѣтей, то добрая же-

на ничего болѣе не имѣешь въ виду, кромѣ угожденія мужу; но молодая мать всегда спрассно любитъ первенца своего, и это очень понятно. Кромѣ чувства, внушаемаго самою природою, новостъ ея положенія представляетъ ей что-то необыкновенное. Мужъ замѣчаетъ посщепенное уменьшеніе уголивости и вниманія, копорья прежде ему одному были посвящены, а теперь раздѣляющся между имъ и ребенкомъ. Многимъ мужьямъ непріятно найдши соперника — даже въ собственномъ своемъ дитяти. »

— Вы говорите, пещушка, о людяхъ обыкновенныхъ, причудливыхъ, съ умомъ ограниченнымъ. Но вы сами согласитесь: не лзя думать также и о Петрѣ Федоровичѣ? —

« Я говорю вообще о мужинахъ, и къ числу ихъ присоединяю и его. До сихъ поръ пріятно смотрѣть на него и Капильку, какъ они любятъ другъ друга, живутъ въ совершенномъ согласіи, и

онъ не теряетъ веселаго и любезнаго нрава; но это отъ того, что все еще шло донинѣ по его желанію. Повѣрь, мой другъ: онъ, можешь быть, способнѣе всякаго другаго огорчиться и обидѣться, ежели замѣшишь хотя малѣйшую перемѣну въ поступкахъ жены своей. Она до сего времени посвящала всю себя для него, старалась угождать ему, ни въ чемъ ему не прошиворѣчила: хотѣлъ-ли онъ что нибудь читать — она оставляла всѣ домашнія занятія, брала работу свою, и садилась его слушать; желалъ-ли онъ ѣхать, или гулять съ нею — она тотчасъ была готова; словомъ: она жила именно только для него. Теперь невозможно ей посвятить себя исключительно ему одному: у нея есть другая, столь-же священная обязанность. Предупреди-же ее, чтобы она старалась избѣгнуть крайностей. До сихъ поръ имѣла она въ предметъ одного только мужа; теперь надобно ей умѣть раздѣлить свои чувства, и держаться

благоразумной середины между мужемъ и дочерью.»

— Если я ошиблась въ мнѣніи моемъ о Петръ Федоровичѣ—оправдала Софья—дѣло кончено: я презираю и буду вѣкъ ненавидѣть всѣхъ мужчинъ! Но вы увидите, пешушка, что онъ нисколько не переменится, и навѣрное согласишься, что онъ есть исключеніе изъ общаго правила. —

« Дай Богъ, чтобы черезъ годъ мы говорили тоже самое»—продолжала Свѣяжская. — « Впрочемъ, шунъ многое зависишь отъ жены. Если разсмотримъ со вниманіемъ, то легко откроется, какъ тяжела обязанность жены, какое непрерывное и, можно сказать, даже мѣлочное вниманіе должна она имѣть, чтобы угодить мужу, не оскорбить его самолюбія, и смириться передъ его гордостью! Мужчина съ малолѣтства привыкаетъ думать о себѣ, что онъ властелинъ, и что жена должна слѣпо ему

повиноваться. Примѣры у него безпре-
 спанно передъ глазами. Видѣвъ жизнь
 отца и матери, и шѣмъ болѣе еще въ нѣхъ
 семействахъ, гдѣ родились столь не-
 осторожны, что въ какихъ нибудь, ино-
 гда и маловажныхъ, непріятностяхъ, не
 умѣютъ объясниться наединѣ, а дѣла-
 ютъ посредниками, или свидѣтелями, дѣ-
 тей своихъ, сынъ съ малолѣтства уп-
 верждается въ мысли, что и онъ имѣетъ
 право требовать безусловнаго повино-
 вѣнія отъ своей жены. По принятому
 обычаю, бывши женихомъ, каждый обма-
 нываетъ невѣсту, говоря, что воля ея
 будетъ для него всегда священна, что
 онъ всю жизнь свою посвящаетъ ей, и
 проч., что обыкновенно женихи обеща-
 ютъ. Неопытная дѣвушка вѣритъ, хо-
 тя въ собственномъ своемъ семействѣ
 и видитъ между родителями совсѣмъ
 противное. Но всякой невѣстѣ кажется,
 точно такъ-же, какъ и тебѣ теперь на
 счетъ Петра Федоровича, что въ поль-
 зу ея будетъ исключеніе изъ общаго

правила, и что женихъ ея, во всѣхъ отношеніяхъ, человекъ совершенный.»

Софья согласилась въ основательности сужденія Свіяжской, и общалась, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сообщитъ Каптеринѣ совѣтъ, который, какъ полагала Свіяжская, гораздо сильнѣе подѣйствуетъ черезъ сестру, нежели прямо опъ нея самой. Но въ то же время, и еще въ первый разъ въ жизни, думала Софья, что Свіяжская ошибается на счетъ Аглаева. Ей очень хотѣлось, чтобы опытъ доказалъ, какъ несправедливо предубѣжденіе Свіяжской противъ него.

Каперица выслушала съ большимъ удивленіемъ совѣты Свіяжской, переданные ей Софьею. Не только съ неудовольствіемъ, но даже съ пренебреженіемъ думала она о нихъ, кто сомнѣвался, что мужъ ея не есть образецъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ. Она твердо была увѣрена, что никогда и никакъ не можеть онъ перемениться. Софья была по-

го-же мнѣнія , и предостереженіе Свіяжской не имѣло никакого дѣйствія надъ ними обѣими. Онѣ положили, что Свіяжская ошибается , и слишкомъ спрого судишь о мужчинахъ.

Почти цѣлые дни проводила Кашерина въ дѣтской , и тогда даже , когда сидѣла въ госпиной , приказывала она приносить колыбель дочери къ себѣ, подѣлать предлогомъ, что хочешь пріучить ее къ шуму. Безъ мащери не мыли ее , не укладывали спать, не давали груди ; все было расположено по часамъ , и весь день Кашерина шолько однимъ эшимъ и занималась. Софья приказывала кушать, приняла на себя вообще все хозяйство , всегда была гошова играшь съ Аглаевымъ въ шахматны, или въ воланъ, пѣла, играла для него на фортепiano, слушала его чпеніе, и все для того , чтобы разсѣять его одиночество, и не дать ему замѣнить частаго отсутствія жены. Между тѣмъ Кашерина ни о чемъ болѣе не думала, какъ шолько о своемъ ребенкѣ, не

примѣчала , что мужу ея иногда не нравилось долговременное пребываніе въ дѣтской , или безпорядокъ въ гостинной, гдѣ повсюду разбросаны были игрушки , пеленки, и прочія принадлежности , которыми наспоющее мѣсто должно бы бытъ въ дѣтской комнаѣ. Но временное неудовольствіе, при первомъ взглядѣ Аглаева на дочь , спрассно имъ любимую, скоро проходило.

Письмо изъ Никольскаго возвѣстило давно ожидаемое посѣщеніе Княгини Рамирской. Она все опкладывала, подѣ ничтожными и пусными предлогами, шакъ, что Каперица пошеряла было всю надежду видѣть ее у себя, и даже не очень желала , чтобы она пріѣхала , особенно съ тѣхъ поръ, когда изъ писемъ ея увидѣла, что она хочетъ брать шонъ знашной барыни, покровительницы и благодѣтельницы, а не родной сесшры.

« Наконецъ я рѣшилась пріѣхать къ тебѣ , » писала Рамирская. « Думаю , въ концѣ нынѣшняго мѣсяца буду я въ ва-

«шей сторонѣ. Но предупреждаю, что
 «долго пробыть не могу, и прошу мно-
 «го госпей для меня не звать, и ника-
 «кихъ пригосовленій для угощенія моего
 «не дѣлать. Софья пишетъ ко мнѣ, что
 «твоя дѣвочка чудо красоты; я была на-
 «передъ увѣрена, что вамъ съ нею она
 «должна казаться такою, а мнѣ можешь
 «она понравиться только шѣмъ, ежели
 «не будешь часто кричать и плакать.
 «Я шепеть не могу дѣтскаго крика, и,
 «благодаря Бога, у себя дома осьъ эпо-
 «го избавлена. Софья уведомляетъ, что
 «пешушка Прасковья Васильевна предла-
 «гала ей ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Мо-
 «скву, но она отказалась. Удивляюсь,
 «что за охота закуюриться въ дерев-
 «нѣ; пусть-бы мнѣ сдѣлали такое пред-
 «ложеніе, я не была-бы такъ безразсуд-
 «на. Вашъ варешный сарай, кажется, ни-
 «зокъ для моей чепверомѣсной каре-
 «ты; вели это дѣло исправить. Дрож-
 «ки и бричку вашу можно поставить
 «гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Бѣда не

«велика, ежели онѣ проспоютъ не подѣ
«крышею, по время, которое я у васъ
«пробуду. Для лошадей моихъ также
«приготовыше мѣсто.»

Письмо было гораздо длиннѣе; но и по этому образчику можно себѣ представить, что оно прочитано было всѣми съ большимъ неудовольствіемъ. Аглаевъ казался раздраженнымъ холодноспію и надмѣнностію Елисаветы. Обѣ сестры оскорбились неприличнымъ ея тономъ, доказывавшимъ, что она потеряла всю прежнюю привязанность и уваженіе къ нимъ.

«Я надѣюсь, Капилька» — сказалъ Аглаевъ женѣ, въ первомъ движеніи негодованія — «что ты не будешь, по крайней мѣрѣ, при *Сіятельной* сестрицѣ своей паскати вездѣ за собою колыбель. Она сама изволишь предупреждать себя, что терпѣшь не можешь дѣтскаго крика. Изъ уваженія къ ней должно тебѣ поберечь слабость нервъ ея, и обратившись ошъ взгляда *Ея Сіятельства* все, чего

она не любишь. Вообще, признаюсь — такъ, какъ мы начали теперь говорить объ этомъ — мнѣ и самому очень не нравишся, что ты обратила госпину въ дѣшскую. На это есть особая комната, и ты хорошо сдѣлаешь, ежели не будешь безпрестанно шаскаться сюда ребенка. — Ахъ, Боже мой! Чья это карета? Кажется, Ольга Пешровна Сундукова ѣдетъ къ намъ! Поскорѣ вынесите колыбель, и приберите этъ пряпки! Что она скажетъ, увидѣвъ такой безпорядокъ! — Поскорѣ приберите все!» вскричалъ онъ съ неудовольствіемъ.

Насилу успѣли привести въ порядокъ госпину, когда карета подъѣхала къ крыльцу. Все было въ смященіи, однакожь по пустому. Сундукова не вышла, а только переговорила съ Аглаевымъ, который поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, на крыльцо. Она узнала, что Княгиня Рамирская будетъ къ нимъ, и хотѣла условишся, въ который день можно будетъ пригласить ее къ себѣ обѣдать.

При чемъ также, мимоходомъ , сказала , что она надѣется — и мапушка Ея Сія-тельсшва , Нина Алексѣевна , и сестрицы, Софья и Каперина Васильевны , и самъ Аглаевъ , сдѣлають ей удовольствіе, съ Княгинею пріѣхашь. Сии послѣднія слова сказала она такимъ тономъ , кошорый ясно показывалъ , какую гестъ дѣлають она имъ своимъ приглашеніемъ.

Каперина , при спукѣ кареты , подѣхавшей къ крыльцу , скрылась въ дѣпскую къ дочери. Она была поражена совсѣмъ неожиданнымъ, страннымъ поступкомъ своего мужа. Ей пришло на память все, что говорила Свіяжская , и она начала соглашаться , что предостереженіе совсѣмъ не было шакъ неосновательно , какъ ей казалось прежде.

ГЛАВА XIII.

« Que font quelques femmes? Elles
« babillent, s'habillent et se déshabillent. »

РАНАРТ.

« Чшо дѣлають иныя женщины?
« Болшають, одѣвающся, и раздѣ-
« вающся. . . »

ПАНАРЪ.

Обратимся на нѣкоторое время въ Ни-
кольское, къ Рамирскимъ.

« Я ѣду въ воскресенье, послѣ обѣдни,
къ маменькѣ и къ сесипрамъ, » сказала
Елисавета.

— Очень радъ; желаю счастливаго пу-
ти — отвѣчалъ мужъ ея.

« Вели приготовишь новую карешу и вороныхъ лошадей » — продолжала она. « Я ихъ оспаваю шамъ на все время, которое пробуду у маменьки. »

— Вороныхъ лошадей хошѣлъ было я на будущей недѣлѣ посставишь на праву: это всякій годъ дѣлаешся для сбереженія ихъ. Не лучше-ли тебѣ ѣхашъ на разгонныхъ, въ коляскѣ? —

« На разгонныхъ, и въ коляскѣ!... Прекрасное предложеніе, въ шакой жаръ и пыль! Хороша я покажусь на своей споронѣ. »

— Почему-же не ѣхашъ въ коляскѣ? Она совсѣмъ новая, и хорошаго фасона. —

« Я тебѣ говорю, что въ коляскѣ ни за что не поѣду; очень весело душишься и глошашъ пыль! Припомъ-же я буду на своей споронѣ, въ кругу моихъ прежнихъ знакомыхъ. Они всѣ увѣрены, что я счастлива въ моемъ замужествѣ. Надобно, хошя наружно, поддерживашъ это ложное мнѣніе. Самъ разсуди, и увѣрься, что я говорю правду. »

— Въ помѣ, по крайней мѣрѣ, я очень увѣрился — оповѣчалъ Князь Рамирскій, съ неудовольствіемъ — что у тебя громкій и пронзительный голосъ, и самый сумасбродный характеръ. Возьми, ма-шушка, и карету, и лошадей, и все, что тебѣ захочется. Объ одномъ только прошу: не лѣзя-ли тебѣ какъ можно долѣе прожить въ своемъ семействѣ, и съ прежними твоими знакомыми, а меня оставивъ въ покоѣ? —

« Очень рада исполнить твое желаніе » оповѣчала Елисавета, « только дай мнѣ способы. Я нѣсколько разъ напоминала тебѣ, что у меня нѣтъ ни копѣйки, а теперь, кромѣ необходимыхъ издержекъ, вспомни, что ты крестный отецъ дочери у моей сестры, и что надобно, по обыкновенію, сдѣлать подарокъ крестницѣ и кумѣ. Я говорю собственно для тебя: надобно сохранять приличія. »

Она на самомъ опытѣ увѣрилась, что это было самое лучшее средство поколебать упорство мужа. Мысль, что по-

думаютъ, что будутъ говорить! имѣла на него сильное дѣйствіе. Онъ боялся, что его почтутъ за скупца, или скажутъ, что онъ не такъ богатъ, какъ хочешь казаться. Эта мысль приводила его въ ужасъ, и Елисавета пользовалась его слабостію. Она часто успѣвала въ своихъ намѣреніяхъ, подспрекнувъ только самолюбіе и гордость его.

Въ Пріюшовѣ не съ большимъ удовольствіемъ ожидали пріѣзда Елисаветы; въ особенності-же Каперина была очень возспановлена прошивъ сестры стран-ными ея поступками. На письма отвѣчала она рѣдко, и вообще замѣшны были въ перепискѣ ея какая-то холодность, и покровительствующій тонъ; ни одного слова не говорила она отъ сердца, и письма ея всегда оканчивались какою нибудь глупою и неумѣстною шушкою на счетъ Каперины, или мужа ея. Она не была уже та милая, добрая сестра, какъ прежде: видна была въ ней, напрошивъ, надмѣнная, чванливая женщина; все ей

не нравилось, и, казалось, что она всѣхъ обвиняетъ въ томъ, что надежды ея на благополучное супружество не исполнились. Выходя за-мужъ, она думала, что одно только богатство достаточно для совершеннаго счастья, рассуждала, и была увѣрена, что мужъ ея, приближавшійся уже къ преклоннымъ лѣтамъ, будетъ въ безпрерывномъ восторгѣ отъ ея молодости и красоты, что онъ будетъ шаянь отъ малѣйшей ласки и вниманія къ нему, что она поставитъ все по своему, и спанетъ дѣлать изъ него все, что ей захочется. Но очень ошиблась она въ расчетѣ своемъ: нашла упорнаго, своенравнаго человека, который, напрошивъ, требовалъ, чтобы она дѣлала все, что ему хочется, и слѣпо во всемъ ему повиновалась. Частыя непріятности и ссоры ихъ произвели взаимное отвращеніе другъ къ другу. Елисавета, по свойственному женинѣ упрямству, хотѣла однакожъ настоятельно достигнуть до своей цѣли, му-

чилась сама, нарушала безпрестанно покойсшвіе мужа, и вела несчастную жизнь.

Наспояніе, насмѣшки, и всякія другія средства, употребленныя ею для полученія отъ мужа побольше денегъ, наконецъ были увѣнчаны успѣхомъ. Чшобы опдѣлаться отъ нея, Князь далъ ей, сколько она хотѣла. При отъѣздѣ кое-какъ они поладили и помирились. Елисавета отправилась въ путь въ хорошемъ расположеніи, и въ надеждѣ провести время пріятнѣе, нежели до сихъ поръ проводила его. По мѣрѣ приближенія къ родинѣ, всѣ воспоминанія молодоспи ея возобновлялись, прежняя веселость и любезность ея возвращалась, и обѣ сестры, при первомъ свиданіи, нашли въ ней шу-же добрую, милую Елисавету, кошорую онѣ такъ любили прежде. Она хвалила пересшройки и новыя украшенія въ Пріюшовѣ, находила, что сестры ея похорошѣли, съ шѣхъ поръ, какъ она не видалась съ ними, поздравляла Аглаева

съ свѣжеспью лица и здоровьемъ, и даже удоспоила приласкать и поцѣловавъ маленькую свою племянницу.

Спарой Холмской хопѣлось прежде прибытія Елисаветы уѣхать къ себѣ въ Надежино. Она была очень недовольна всѣми ея поступками. Здоровье спарушки было разстроено; она боялась, что сильно распрехожися при первомъ свиданіи сесхеръ, кошорое, какъ она думала, будетъ не совсѣмъ пріятно, потому, что онѣ имѣли право бытъ въ негодованіи на Елисавету. Дочери упросили ее оспахся, но она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ. Княгиня Рамирская желала, чтобы компаньенка ея, Миссъ Клокъ, имѣла особую комнату; Холмская пошчасъ успушила ей свою, и сама ошправилась къ себѣ домой, обѣщавшись однакожъ всякій день видахся съ ними.

«Какъ милъ вашъ садикъ!» — сказала Елисавета. — «Какъ много у васъ цвѣ-

повъ , и какіе прекрасные ! Мнѣ такъ надоѣлъ нашъ обширный , скучный садъ , чшо вашъ , почши можно сказаць , *цвѣтникъ* , дѣлаесть мнѣ большое удовольствіе . Какой прекрасный видъ отсюда ! » — продолжала она . — « Правда , все эшо въ миніашюрѣ , и мѣстоположеніе ваше , какъ будшо маленькая панорама . Все эшо скоро должно приглядѣшься и наскучишь ! »

— Какъ-же вамъ слишкомъ въ двадцать лѣтъ не наскучило мѣстоположеніе въ Надежинѣ ? Тамъ , кажешся , нѣтъ никакихъ видовъ : передъ глазами изъ дома большая гора и лѣсъ ; но прежде вамъ все шамъ нравилось — сказалъ Аглаевъ .

« Да , эшо правда ; я сама себѣ удивляюсь , » отвѣчала Елисавета . « Но ты , кажешся , обидѣлся ? Извини меня : я , право , не думала сдѣлашь тебѣ непріятности . »

— Ежели вы находите здѣсь все въ маленькомъ видѣ — продолжалъ Аглаевъ ,

съ намѣреніемъ колынушь ее—по крайней мѣрѣ, живемъ мы здѣсь спокойно и мирно, а эшимъ не лзя похвастаться всякому, кпо обипаетъ въ великолѣпныхъ черпогахъ. —

Елисавета покраснѣла, не опвѣчала ни слова, и обрапилаь къ Кашеринѣ, съ вопросомъ о сосѣдахъ. Съ удовольспвіемъ узнала она о приглашеніи Сундуковой, хоши и ненавидѣла ее опъ всего сердца. — « Непремѣнно поѣду » — сказала она.—« Мнѣ чрезвычайно хочешся блеснушь передъ нею, и унизишь гордосшь ея, и несносной ея Глафиры. Онѣ думали было прежде завлечь въ сѣпи свои моего мужа. Хороша, правду сказашь, была для нихъ находка! Но онъ богатъ: эпо одно только можешъ облегчашь шягоспные оковы супружесшва съ шакимъ человѣкомъ. »

— Да, ежели шолько можно пользо-вашься его богашсшвомъ — возразилъ съ усмѣшкою Аглаевъ.

« Ничего нѣтъ легче для смѣшливой жены, » возразила Елисавета. « Но я думаю, что эта набишная дура, Сундукова, ничего не успѣла-бы сдѣлать изъ него. »

— Вы очень скромны, и совсѣмъ не самолюбивы. —

« Ты, можешь быть, думаешь, что я хваспаю, » сказала Елисавета. « Но-будь увѣренъ, что я дѣлаю изъ него именно все, что мнѣ хочется. Напримѣръ: прїѣздъ сюда споилъ мнѣ большихъ хлопотъ; однакожъ, ты видишь — я здѣсь. Я сообщила-бы тебѣ всѣ подробности, но рассказъ мой не понравился Каперинѣ, и навлекъ на меня ужаснѣйшую, длинную проповѣдь Софьи: при нихъ не буду я говорить ни слова; но когда мы въ первый разъ останемся одни, ты все узнаешь. Кспаша: ты, Капашенька, вѣрно не безпрестанно сидишь съ своимъ ребенкомъ; я надѣюсь, что ты будешь ѣздить со мною къ сосѣдямъ. »

— Вы будете имѣть надъ нею гораздо болѣе власни, нежели я — сказалъ Аглаевъ — ежели успеете вышацишь ее изъ дѣшской, ошкуда она съ упра до ночи не выходитъ. Прїѣздъ вашъ сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, то, что колыбель и игрушки вынесены изъ госпиной.

« А зачѣмъ колыбель была въ госпиной? » спросила Елисавеша. « Это къ чему? Впрочемъ, всякій судишь по своему; только я думаю: ежели-бы Богъ благословилъ меня, какъ говоряшь, дѣшми, то я не шаскала-бы ихъ вездѣ съ собою. »

— Я тоже думаю — возразила Софья, съ неудовольствіемъ. — Что за шонъ? что за выраженія? Можно-ли говоришь съ насмѣшкою о самой священной обязанности? Признаюсь, Елисавеша, тебя узнашь не лзя. —

« А! и ты наконецъ промолвила? Очень этому рада; надѣюсь, что и Капиныка также что нибудь скажетъ, когда пере-

спанешъ плакашъ. Она сообщила мнѣ: еспѣ-ли у васъ новые сосѣди, и спояшѣ-ли они того, чѣобы познакомишѣся съ ними.»—Но увидѣвъ, что Капѣрина не могла удерживашѣ слезѣ своихъ — «проспи меня» — сказала Елисавета, взявъ ее за руку — «я, право, не думала сдѣлашѣ тебѣ неудовольствія.»

— Совсѣмъ не ты огорчила меня — отвѣчала Капѣрина.

«Ежели мужъ разсердилъ тебѣя, то я не виновата: управляйся съ нимъ, какъ сама знаешь! Ежели онъ умничаешѣ, и дѣлаешѣ тебѣ неудовольствія, плаши ему шѣмъ-же. Это самое лучшее средство, и я всегда такъ поступаю.»

— Эти средства еще неизвѣстны моей Капѣнѣ — сказалъ Аглаевъ, взявъ ее за руку, поцѣловавъ, и нѣжно прижавъ ее къ сердцу. Онъ болѣе ничего не прибавилъ; но и этого было уже довольно для успокоенія и утѣшенія доброй Капѣрины. Она перестала плакашѣ, и сдѣ-

лалась по прежнему весела. Елисавета также нечувствительно оставила свой надменный тонъ; дружескій, опккровенный разговоръ сократилъ время; всѣ поздно разошлись спать, въ согласіи, и довольные другъ другомъ.

ГЛАВА XIV.

« Si jamais la vanité fit quelques heu-
 « reux sur la terre, à coup sûr cet heu-
 « reux n'était qu'un sot. »

СНАТЕАУВРІАНД.

« Ежели когда нибудь щеславіе
 « дѣлало кого нибудь счастливымъ ,
 « то, навѣрное, эшошь счастливецъ
 « былъ дуракъ. »

ШАТОВРІАНЪ.

На другой день, упрямъ, когда всѣ
 собрались къ чаю, Княгиня Рамирская
 возобновила распросы свои о сосѣдахъ.
 « Фамусовы, ваши новые сосѣди, долж-
 ны быть порядочные люди? » сказала
 Елисавета.

— Безъ сомнѣнія, ежели судить по богашству, пошому, что одно только большое состояніе можетъ дать имъ право называться *порядочными людьми*—опивчалъ Аглаевъ.

«Богашство совсѣмъ не дурное дѣло,» продолжала Елисавета.—«Ты ѣздишь къ Фамусовой, Капинька? — Кто: ты ей, или она тебѣ должна визитомъ?»

— Мы ведемся очень рѣдко; не помню навѣрное, а, кажется, я у нея была послѣдняя. Впрочемъ, ежели ты очень хочешь видѣть ее, и познакомишься съ нею, то можешь завтра все это сдѣлать на ярмаркѣ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Я вчера говорила тебѣ объ этомъ. —

«Какого она происхожденія?» спросила Елисавета. «Я что-то такое странное слышала о ней.»

— Каролина Карловна Фамусова—опивчалъ Аглаевъ—происхожденія *Нѣмецкаго*, какъ она говоришь; а по всѣмъ вѣроятностямъ заключить должно, что родители ея были добрые колонисты,

жившіе въ окрестностяхъ Пепербурга. Она очень долго была экономкою въ домѣ нынѣшняго мужа своего, знаменишаго Фамусова. Вышла она за него по одному спранныму случаю, который стоить того, чпобы разсказать вамъ. Надобно напередъ знать, что мужъ ея прежде былъ въ нашемъ городѣ цѣловальникомъ, понажился, вошелъ въ участіе опкупа, посшепенно, чрезвычайно разбогатѣлъ, и купилъ много имѣній въ здѣшней споронѣ. Между прочимъ, большая часть деревень покойнаго башюшки теперь принадлежитъ ему. Бывши опкупщикомъ, ѣзжалъ онъ въ Пепербургъ, къ поргамъ на опкупа, и тамъ всегда проживалъ много на обѣды. Спраснь его была — приглашать къ себѣ знашнихъ и чиновныхъ особъ; опъ хорошей вкусной ухи съ сперлядами, опъ свѣжихъ усприць, и опъ Шампанскаго никпо не опкажешся. Фамусовъ черезъ обѣды свои познакомился со многими. Одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ, которыхъ уго-

щаль онъ въ Петербургѣ, проѣзжалъ, спусти нѣсколько лѣтъ послѣ того, чрезъ его деревню, гдѣ была почтовая станція. Онъ нѣчего дѣлашь, спросилъ онъ: чья деревня? Ему сказали: Максима Цепровича Фамусова. Онъ вспомнилъ, что эшотъ Максимъ Цепровичъ былъ ему знакомъ; господскій домъ былъ близко отъ почтоваго двора; ему хотѣлось напишья чаю, и, покамѣспъ запрятали лошадей, госпъ онправился къ Фамусову.

Знатный эшотъ проѣзжій былъ въ дорожномъ сюртукѣ; пришомъ же пришелъ онъ пѣшкомъ; слуги думали, что эшо какой нибудь бѣдный дворянинъ, или повѣренный, и объявили, что барина нѣтъ дома, а хозяйка его — шакъ называли тогда Фамусову люди—въ саду, въ бесѣдкѣ, варишь варенье. Госпъ просилъ служишелей показашъ ему дорогу, и, въ швердой увѣренности, что видишь жену Фамусова, подошелъ къ ручкѣ, сказавъ пришомъ, что имѣлъ удовольствіе по-

знакомишься съ ея супругомъ въ Пепербургѣ. Въ это время, гость расстегнулъ сюршукъ свой, и нынѣшняя Г-жа Фамусова увидѣла на фракѣ его двѣ звѣзды. Можно вообразить себѣ ея смятеніе! Она чрезвычайно испугалась, и не смѣла вывести гостя изъ заблужденія, объявивъ, что она *не жена Фамусова*, тѣмъ-же болѣе, что онъ цѣловалъ у нея руку. Эпошъ гость, основатель всего ея благополучія, какъ вы увидите далѣе, напился чаю, и, хотя пробылъ не долго, но наговорилъ множеству комплиментовъ, и прощаясь опять поцѣловалъ хозяйкѣ руку. На другой станціи встрѣтился онъ съ самимъ Фамусовымъ, который возвращался домой. У знакомаго посѣщителя были уже готовы лошади, и онъ шелъ садиться въ карету, въ то время, когда пріѣхалъ Фамусовъ. Мимоходомъ, знакомый баринъ успѣлъ только сказать ему, что былъ у него въ домѣ, имѣлъ удовольствіе познакомиться съ его супругою, и очень благодаренъ за

сдѣланное ему угощеніе. Какъ громомъ пораженъ былъ Фамусовъ сими словами, а пріѣхавъ домой, и узнавъ, что Его Сіяшельство, Князь изволилъ цѣловашь руку у его экономки, принявъ ее за жену его, занемогъ было опъ испуга, боясь, что Князь, оскорбленный ошибкою, будетъ мстить ему. Чшобы поправить все дѣло, рѣшился онъ на самый умный подвигъ: какъ можно скорѣе женился на экономкѣ. Опъ этого брака произошла дочь, первая по богатству невѣста во всей здѣшной споронѣ. Вотъ вамъ исторія Г-жи Фамусовой. Она служишь доказапельствомъ, что важныя дѣйсвія бывають опъ маловажныхъ причинъ. Можно-ли было предвидѣть, что проѣздъ знашнаго барина черезъ деревню будетъ поводомъ проспой колонишкѣ сдѣлашья богашою помѣщицею въ здѣшнемъ уѣздѣ? —

Елисавета смѣялась такому спранному спеченію обшояпельствъ, и просила

Аглаева разсказываѣ далѣе , о самомъ Фамусовѣ, и дочери его.

« Фамусовъ, необразованный, проспой челоѡкъ , и съ перѡаго взгляда пока- жешся вамъ сааго ограниченнаго ума,» продолжалъ Аглаевъ. « Но что онъ не глупъ, или, по крайней мѣрѣ, смѣшливъ, этому служишъ доказательствомъ то, что онъ изъ ничего пріобрѣлъ большое состояніе. Впрочемъ, въ сшари- ну не шакъ тяжело было разбогатѣть— не то что теперь! Въ нынѣшнее вре- мя явилось много спекулянтовъ , и все до шакой степени употреблено , что те- перь шашъ шолько богатѣетъ , кто не проживаетъ своего имѣнія и не дѣлаетъ долговъ. Но обратимся къ семейству Фамусова. Сшранно въ сшарикѣ , что онъ, доживъ слишкомъ до 70-ши лѣтъ , все шакже заспѣнчивъ въ общество , какъ былъ прежде , молчитъ , нюхаетъ , или кушитъ безпрестанно табакъ, и ни въ какіе разговоры не вступаетъ. Те- перь онъ разбогатѣлъ , и по дому ни во

что не входяшь : все домашнее хозяй-
ство, въ томъ числѣ и воспитаніе доче-
ри, передано въ полное распоряженіе и
власть достойной супругѣ, которая ду-
маетъ, что исполнила весь родительскій
долгъ, взявъ къ себѣ *Мадамъ*, за доро-
гую цѣну. Эта матушка-*Мадамъ* жила
у *Фамусовыхъ* очень долго, и образова-
ла воспитанницу свою, какъ не лъзя луч-
ше : она болшаетъ по Французски, и
брянчитъ кое-какъ на фортепіано; но съ
42-ми лѣтъ *Мадамъ* читала съ нею ро-
маны, и шакъ хорошо успѣла ее на-
строить, что въ 45-иѣ, при первомъ
взглядѣ на молодаго Француза, бывшаго
учищемъ у одного изъ сосѣдей, воспи-
танница спраспно влюбилась въ него, и
была увѣрена, что непреодолимое чув-
ство симпатіи влечетъ ее къ нему.
Добрая Мадамъ подкрѣпляла ее въ этомъ
мнѣніи, и, по условію съ своимъ сооше-
ственникомъ, который обѣщаль дать
50-иѣ тысячъ рублей, ежели женишся на
такой богашой невѣстѣ, она сдѣлалась

повѣренною, передавала записочки, и уже все гошово было къ побѣгу, какъ Фамусова нечаянно открыла эпю интригу. Мадамъ пошчасъ была выгнана изъ дома, а юная героиня романа получила нѣсколько оплеухъ, съ спржайшимъ подтвержденіемъ: не помышлянь болѣе о Французѣ! Вскорѣ осшавиль онъ домъ, гдѣ жилъ, и объ немъ уже ничего не было слышно. Фамусовъ, узнавъ о подвигахъ своей дочери, очень удивился, понюхалъ табаку, и не сказалъ ни слова, а бѣдная осшавленная Аріадна, получившая при первомъ опытѣ романическихъ приключеній дюжину новѣсныхъ пощечинъ, съ шѣхъ поръ—или опъ шого, чшо почишаетъ себя жершвою спрасшной любви, или вновь опяшь въ кого нибудь влюблена — только ходилъ всегда съ поникшею головою, съ шомными глазами, вздыхаетъ, и продолжаетъ читать романы. —

« Вошъ прекрасное семейспво! Одинъ другаго споишь. Непремѣнно хочу съ

Часть II.

ними познакомишься, и для этого нарочно отправляюсь на ярмарку,» сказала Елисавета, помирая со смѣху. «Кто со мною поѣдешь? Кашинька, не уже-ли ты не рѣшишься оставить куклу свою на нѣсколько часовъ?»

Кашерина покраснѣла, и робко поглядѣла на своего мужа, ожидая, что онъ скажетъ.

«Дѣлай, что тебѣ хочется, мой другъ!» отвѣчалъ Аглаевъ. «Я знаю, что ты желала-бы лучше остаться дома; я буду проводникомъ Княгини; можешь быть, и Софья Васильевна поѣдетъ съ нами.»

— А ей почему не ѣхать? Что ей здѣсь дѣлать? — сказала Елисавета. — У нея нѣтъ даже никакой собачки, кошотрая-бы требовала ея попеченія; отговариваться нечѣмъ; развѣ она захочетъ заняться дѣланіемъ наливки, или посылы изъ ягодъ, копорья, какъ я видѣла, сей часъ пронесли изъ сада? —

«Я иногда и этимъ занимаюсь,» отвѣчала холодно Софья. «Очень помню, что первый урокъ въ искусствѣ дѣлать на-

ливки и поспили получила я опѣ *Ея Сіятельства, Княгини Рамирской.*»

— Ты это помнишь, а я совсѣмъ забыла — опвѣчала Елисавета, сильно проношная и раздраженная сею колкостью.

Послѣ того на нѣсколько минушъ наспала шипина, и Аглаевъ, чшобы скрыть смѣхъ, ласкалъ свою собачку. Онъ былъ очень радъ, чшо знатная барыня шакъ ужасно унижена, и получила славный урокъ.

Топчасъ послѣ ранняго обѣда, Аглаевъ уѣхалъ впередъ на дрожкахъ, въ городъ, гдѣ у него было какое-шо дѣло. Онъ общалъ вспрѣвшишъ Княгиню при въѣздѣ въ городъ, и проводилъ до ярмарки. Елисавета принялась за шуалешъ свой, надѣла жемчуги, брильяншовый фермуаръ, лучшую шаль, и дорогой блондовый вуаль. Хошя шакъ нарядъ совсѣмъ былъ неприличенъ для ярмарки въ уѣздномъ городѣ; но ей хотѣлось показашъ себя во всемъ блескѣ спарымъ знакомымъ, которые еще не имѣли чесши видѣшъ ее за-мужемъ.

Кашерина, проводивъ мужа и сесперъ, отправилась пошчасъ по ошъздѣ ихъ въ дѣшскую.

Дорогою, Елисавеша упрекала Софью въ сказанной ею колкоспи. « Ты сама первая начала, » ошвѣчала ей Софья. « Я не знаю, почему ты думаешь, что имѣешь право говоришь грубоспи, и обходишься со мною и съ сеспрою пакъ свысока? Довольно спранно и смѣшно въ наше время гордиться шѣмъ, что ты *Княгиня*. И передъ кѣмъ-же? Передъ родными сеспрами! »

— Я не сержусь — ошвѣчала Елисавеша. — Въ нашемъ семействѣ, между своими, я могу сносишь все равнодушно; но прошу тебѣ бышь оспорожниѣ при постороннихъ. И безъ тебѣ извѣспно, что я не вѣкъ была Княгинею Рамирскою; мнѣ также забышь эшого не лзя, смоща шолько на то, какъ вы обѣ живете. Кашерина за-мужемъ — но Богъ знаетъ, что это за супружество! И ты сама

играешь роль первой ея служанки, или экономки. Нѣтъ! я увезу тебя непременно къ себѣ, въ Никольское. —

«Всякій смолрипъ на вещи по своему,» отвѣчала Софья. «Мнѣ кажется, что живши въ домѣ у сестры, я не управляю никакой низкой-должности. При-мопръ за ея хозяйствомъ приняла я на себя съ удовольствіемъ, и вообще мнѣ здѣсь пакъ пріятно и хорошо, что совсѣмъ я не имѣю намѣренія уѣзжать отсюда. Все, что я здѣсь вижу, напоминаетъ мнѣ молодость мою. Мы почно пакъ жили у маменьки. Не во всемъ было у насъ изобиліе, но за то всегда были мы веселы и спокойны.»

— Опять сашира прошивъ меня! — сказала Елисавета, засмѣявшись. — Но пора мнѣ привыкнуть, и не обижаться. Правда, жизнь мнѣ не совсѣмъ весело, но знай, что я почти всегда наспайваю и дѣлаю то, что мнѣ хочется. Мы съ супругомъ своимъ пакъ равнодушны другъ къ другу, что намъ перессориться, и

наговорить взаимно грубостей, ничего не спойшь. Досадно только, и то не надолго, тому, кто должен уступить. Мне кажется, вообще равнодушные в супружестве гораздо лучше, чем спрасная любовь. Я пославлю въ примѣръ Капиныку: ежели мужъ скажетъ хоть одно слово, которое ей не нравится, она пошчасъ готова плакать. Послушала-бы ты насъ съ Княземъ: какія ужасныя нѣжности мы говоримъ другъ другу, и оба ни мало не огорчаемся!

«Я вижу, что ты неисправима,» оповѣчала Софья, «и желая избавишь себя отъ безполезнаго горя, въ Никольское съ побою я не поѣду; гораздо лучше останусь я здѣсь, и предпочту благополучную бѣдность несчастной знашности и величію!»

— Знашность и величіе! Ты думаешь найдти это у насъ въ Никольскомъ? Какъ ты ошибаешься! Никто къ намъ не ѣздитъ; меблированная, прекрасная го-

спинная наша похожа на мебельный магазинъ ; бронзовыя канделабры , лампы и зеркала на крышы полошномъ ; позолоша на креслахъ обвернуша бумагою , и — я живу въ совершенномъ уединеніи. Мужъ мой шеперь безпресшанно въ полѣ ; опправляется съ упренней зари на работу , и возвращается , успавшій , весь въ пыли , къ обѣду. Онъ и шакъ не очешъ прелесшенъ собою , а шеперь загорѣлъ ужасно , брѣшся одинъ разъ въ недѣлю , и съ черно-желпымъ лицомъ своимъ , съ небришою бородою , въ нанковомъ , запачканномъ сюрпукѣ , и въ какомъ-шо спранномъ карпузѣ , онъ сдѣлался шакъ гадокъ , чшо пы не узнаешъ его ! Пришомъ-же онъ часъ опъ часу спановишся скупѣе , угрюмѣе и своенравнѣе — и съ шакимъ-шо уродомъ должно мнѣ провеспи весь вѣкъ ! —

« Очень понимаю , чшо жизнь швоя не совсѣмъ пріятна , » отвѣчала Софья. « Но сама разсуди: жалобы швои , упрямство и насшойчивость , сдѣлали-ль ка-

кую нибудь пользу?—Кажется мнѣ, что съ самаго начала ты могла, ежели-бы искусно дѣйствовала, передѣлать мужа по своему, и пріобрѣсти уваженіе его и довѣренность. Теперь поздно: ты потеряла навсегда привязанность его къ себѣ!»

— Точно правда — сказала Елисавета — но какъ бышь? Надобно утѣшишься. Впрочемъ, я не неблагодарна, и плачу ему взаимно такою-же холодностію и равнодушіемъ. — Но оставимъ этошъ непріятный разговоръ, и позволь мнѣ также съ своей стороны сказать тебѣ, что я съ сожалѣніемъ вижу намѣреніе твое остаться вѣкъ въ дѣвкахъ. Тебѣ надобно-бы выйти за-мужъ, хотя для того, чтобы служишь примѣромъ женамъ. — Да, ксшапи, Расскажи мнѣ о Чадскомъ. Пронскій, пріѣхавъ изъ Москвы, говорилъ, что ты скоро выйдешь за него за-мужъ. Видно вы перессорились, или все это былъ вздоръ? Ты ни слова не говоришь о немъ. Мнѣ казалось, что

ты чрезвычайно нравишься самому Пронскому. Мнимая привязанность твоя къ Чадскому удержала его; но при первомъ свиданіи я постараюсь вывести его изъ заблужденія, и тебѣ совѣтую не упускать его изъ виду: это отлично хорошій человекъ. —

« Прошу тебя не хлопочать объ этомъ; мы видѣлись съ нимъ разъ, или два, и видно наружность его не имѣетъ ничего привлекательнаго, потому, что я даже почти совсѣмъ забыла его, и удивилась, когда мнѣ спали здѣсь объ немъ говорить. »

— Тогда ты была влюблена въ Чадскаго. —

« И это неправда: я никогда влюблена въ него не была. Онъ мнѣ нравился, и точно, можешь быть, я рѣшилась-бы выйти за него, ежели-бы, къ счастью моему, онъ самъ не такъ скоро открылъ бѣшенный характеръ свой. О Пронскомъ теперь мнѣ часто говорятъ, и я начинаю припоминать, что у него открытое

и доброе лицо, и прекрасные глаза ; но вообще наружность такая , что ничего ни дурного, ни хорошаго сказать не лъзя. Впрочемъ , врядъ-ли я съ нимъ что ни-будь говорила — развѣ нѣсколько обыкновенныхъ привѣтствій , пошому , что я уважаю и люблю сестру его, Свѣпланину. »

— Слѣдовательно , о своемъ умѣ , о талантахъ своихъ, о шихомъ и прекрасномъ характерѣ, о разсудительности и благоразуміи своемъ — сообщила ему болтливая молва ? Онъ такъ усердно выхвалялъ въ тебѣ всѣ эти добродѣтели ! —

При сихъ словахъ , онѣ пріѣхали въ городъ. Аглаевъ встрѣшилъ и проводилъ ихъ.

Ярмарка въ уѣздномъ городѣ ничего досхопримѣчательнаго предсшавить не могла. Множество простаго народа шолпилось около возовъ мѣлочныхъ шорговцевъ. Подгулявшіе крестьяне пѣли пѣсни; кочующіе Цыганы и Цыганки пляса-

ли. Ученый медвѣдь заспавлялъ смѣяшся отъ чистаго сердца всѣхъ окружавшихъ его. Въ споронѣ было построено нѣсколько временныхъ лавокъ, или балагановъ, гдѣ толпилась избранная провинціальная публика. Въ числѣ сихъ балагановъ была даже одна модная лавка, съ залежалыми чепчиками, и шляпками пѣхъ фасоновъ, кошорые, можешъ бышъ, уже съ годъ, переспали носишъ въ Москвѣ. На вывѣскѣ возвѣщено было, что всѣ шовары привезены съ Кузнецкаго моспа, отъ Мадамъ Трише. Въ этой лавкѣ было наиболѣе спеченія помѣщиковъ и помѣщицъ. Туда отправилась Княгиня Рамирская, купила себѣ кой-какихъ бездѣлицъ, разцѣловалась съ Сундуковыми и Фіалкиною, и взаимно наговорили множесшво самыхъ искреннихъ привѣтспвій.

Въ это-же время вошла въ этотъ модный балаганъ ея старинная знакомая и подруга, помѣщица Просподушина. Она была за-мужемъ за небогатымъ дворяниномъ, и Елисавета показала видъ, что

вовсе незнакома съ нею; на поклонъ ея не только она не ошвѣчала, но ей вздумалось даже подсмѣяться съ Фіалкиною надъ нарядомъ старой подруги. Просподушина, не зная, что въ модныхъ лавкахъ, по первому запросу, пошчасъ вынимающъ деньги и плащяшъ, что бы Мадамъ ни угодно было пошребовать, стала шорговаться. Княгиня позволила себѣ тогда явно шупишъ надъ нею, и сказала нѣсколько оспрыхъ словъ на ея сченъ. Просподушина обернулась къ ней, и очень хладнокровно спросила: «А вы, мапушка, видно помощница этой Мадамы, что шакъ засшупаетесь за нее? . . . Ахъ, Боже мой! да это бывшая *Лизанька Холмская*» — прибавила она, обращаясь къ другой дворянкѣ, кошорая вмѣстѣ съ нею вошла въ балаганъ — «а вѣдь я было не узнала ее!»

Елисавеша чрезвычайно смѣшалась при сихъ словахъ, и бросила на нее грозный взглядъ; но и Просподушина сама на нее шакже пошмошрѣла. «Напрасно, ма-

пушка, изволиште гнѣвайтесь, и шакъ сердишо на меня смоприште, » сказала она. « Я имѣю такое-же право гнѣвно на васъ глядѣшь, какъ и вы на меня. » Тутъ она передразнила ее, и шочно шакъ-же посмопрѣла. Сундуковы и Фіалкины на силу могли удержашься опъ смѣха. Елисавета, въ ужасномъ негодованіи и замѣшательствѣ, поспѣшила выйдти изъ лавки, а Просподушина продолжала: « Вошъ какая знапная барыня! Не хочешъ узнавашъ спарыхъ знакомыхъ, и позволяешъ себѣ дѣлать грубости; но я не намѣрена спускашь ей, и шакже, не хуже ея, умѣю сердишо смопрѣшь. » — *Истинныя пріятельницы* Княгини Рамирской, которыя шолько что передъ шѣмъ наговорили ей шакъ много привѣтспвій, хошали опъ всего сердца.

Между шѣмъ, Елисавета, съ своими спутниками, уже была далеко опъ лавки. Она просила Аглаева ошыскашь ея карешу, и хошѣла опправляшься домой; но Городничій, спаринный знакомый съ се-

мейспвомъ Холмскихъ, узнавъ, что Княгиня Рамирская на ярмаркѣ, пріѣхалъ нарочно просить ее къ себѣ, на *гашку* *гаю*. Елисавета согласилась, и приближаясь къ дому Городничаго увидѣла, что впереди ихъ подѣхала къ крыльцу прекрасная кареша. « Кто это впереди насъ? » спросила она. — Это сама знаменитая Фамусова, съ дочерью — отвѣчалъ Аглаевъ. — Изъ карешы выѣзала довольно долго пучная, пожилая женщина; она остановилась на крыльцѣ, для разныхъ приказаній людямъ, и Елисавета имѣла время разсмотрѣть небольшую, краснощекую ея фигуру. Фамусова подтверждала кучеру своему, чтобы онъ не напился пьянъ, чтобы карешу поссавилъ въ сарай, а лошадей ошпрягъ и поводилъ, а пуще всего, чтобы берегъ молодую подручную.

Городничій вспрѣшилъ Фамусову и Княгиню Рамирскую на крыльцѣ. « Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ, Софья Васильевна, » сказала Фамусова, поцѣловав-

шись съ нею. « Давно-ли въ нашей споронѣ ? Чшо ваша сесприца, видно, слава Богу, хорошо себя чувспвуешъ, пошому чшо я вижу супруга ея съ вами ? » Софья разцѣловалась съ нею, съ ея дочерью, и опрекомендовала ей сеспру свою, Княгиню Рамирскую. При словѣ : *Княгиня*, Фамусова низко поклонилась, и поспѣшила предсхавишъ дочь свою. « Я сама непременно буду у Вашего Сіапельспва, съ мужемъ моимъ, засвидѣспельспвовахъ вамъ наше нижайшее почпеніе, » сказала она. « Надѣюсь, чшо и Ваше Сіапельспво сдѣлаешъ намъ чеспъ, осчаспливише насъ своимъ посѣщеніемъ ? » Всѣ эшѣ рекомендаціи происходили въ залѣ. Войдя въ госпиную, Елисавеша нашла тамъ много спарыхъ знакомыхъ, и послѣ урока, даннаго ей Просподушиною, была она съ женою Городничаго, и съ прочими, очень привѣплива и ласкова.

ГЛАВА XV.

« Среди прилива и оплива радо-
« сней и горесней въ здѣшней жиз-
« ни, кто можешь надѣяться на-
« слаждашься всегда непоколебимымъ
« и поспояннымъ благополучіемъ ? »

М. Н. Муравьевъ.

На другой день Сундукова прислала звать обѣдать къ себѣ Княгиню Рамирскую, и родныхъ ея. Хопя Елисавеша весьма ее не жаловала, но чшобы имѣть удовольствіе блеснуть передъ ея дочерью своими нарядами, и чшобы вездѣ говорили, что Сундукова дѣлала сбѣдъ

и приглашала сосѣдей для Княгини Рамирской, она отвѣчала, что непременно, въ назначенный день, будетъ. Софью кое-какъ уговорила она ѣхать съ собою, но Аглаевъ и жена его рѣшительно отказались.

Лишь только уѣхалъ человекъ, присланный отъ Сундуковой, Фамусова, съ мужемъ и съ дочерью, явилась къ Аглаевымъ. Она, по обыкновенію своему, много говорила, мужъ ея нюхалъ табакъ и молчалъ, дочь ея вздыхала, поднимала и опускала глаза, и также была безмолвна. Фамусова убѣдительноше просила пріѣхать къ ней обѣдать, на слѣдующей недѣлѣ, въ четвергъ; щепотно оговаривалась Капериная, подъ тѣмъ предлогомъ, что ея маленькая нездорова. «Привезише маленькую вашу съ собою; дорога и воздухъ сдѣлають ей пользу, а я велю отвесить для нея особую комнату; ей будетъ спокойно у меня.» Капериная, чтобы отдѣлаться, общалась прі-

ѣхашь , съ намѣреніемъ , въ назначенный день сказахся больною.

Къ обѣду Сундуковой нарядилась Елисавета, какъ не лѣзя лучше. Ей очень хотѣлось, чтобы Глафира , прежняя соперница ея, бѣсилась ошъ зависши, и видѣла , что она красотою и любезностью своею уничижила всѣ ея бывшіе планы на Князя Рамирскаго. Софья нарядилась, какъ можно проснѣе , и чрезъ то была гораздо прелеснѣе Елисаветы. Елисавета еще возобновила убѣжденія свои Аглаеву, ѣхашь съ нею; но онъ былъ довольно самолюбивъ, онъ казался рѣшительно бытъ у такихъ людей, которые гордились передъ нимъ, и шѣмъ болѣе еще, что онъ не имѣлъ возможности самъ принявъ и угостишь ихъ въ своемъ домѣ. « Для меня, конечно , было-бы много чести явишься въ свитѣ Ея Сіятельства, Княгини Рамирской, » сказалъ онъ, « но, право , никакъ я не могу. » Елисавета оскорбилась сею насмѣшкою, и не упрашивала его болѣе.

При входѣ Елисаветы и Софы въ гостиную, онѣ слышали очень ясно, что хозяйка закричала: *Стъ! стъ!* Догадаться было можно, о чемъ разговаривали; припомъ-же покраснѣвшее лицо Сундуковой изобличало ее. Среднюю дочь Фіалкиной, Фіону Павловну, заспали на срединѣ комнапы: она была, можно сказать, поймана на самомъ дѣлѣ. Очень было замѣшно, что она рассказывала, и даже представляла въ лицахъ, сцену Княгини Рамирской съ Просподушиною въ лавкѣ.

Все утихло при входѣ Елисаветы. После обыкновенныхъ привѣтствій и разговора о погодѣ, и о большой пыли, спросила Сундукова о здоровьѣ Аглаевыхъ, и очень холодно изъявила сожалѣніе, что они не пріѣхали. Видно было, что она не ждала ихъ. Нѣсколько минушъ продолжалась пишина; никто не говорилъ ни слова; наконецъ Сундукова, досадуя на себя, что смѣшалась передъ женщиною, копорую помнила ре-

бенкомъ , и всегда ненавидѣла, преодолѣла свое замѣшательство , и приняла обыкновенный свой видъ холодноспи и надмѣнноспи , столь приличный и соотвѣтственный блѣдно-оливковому цвѣту широкаго ея лица.

Сундукова боялась, чшобы не замѣпили , какъ много сожалѣющъ она сама и дочь ея, чшо упустили шакого выгоднаго жениха , каковъ былъ Князь Рамирскій , и чшобы не дасть поржесшвовашъ счасшливой соперницѣ , она хощѣла всегда принимашъ ее ласково. Внезапный входъ Елисавешы , въ шо самое время , когда всѣ шакъ забавлялись на ея счешъ , привелъ Сундукову въ замѣшательство , но ничшо не могло поколебашъ необыкновенной наглоспи дочери ея, Глафиры. Не смошря на шо, чшо Сундукова употребляла всѣ средства опклонишъ разговоръ о непріятной сценѣ между Елисавешою и Просподушиною , дочь ея просшо начала говоришъ объ эшомъ: « Я думаю, дерзосшъ бѣдной дво-

рядки этой должна была привестъ васъ, Княгиня, въ большое смущеніе, особенно же при такомъ множествѣ зрителей? »

— Грубость и дерзость такихъ шварей ни сколько не трогаютъ меня — отвѣчала Елисавета. — Благодаря Бога, я въ такомъ положеніи, что имѣю все право презирать зависть и злобу. —

Слѣдствіемъ сего разговора была-бы вѣрно весьма непріятная сцена; но, къ счастью, вскорѣ вошелъ въ комнату отецъ Глафиры. Его только одного боялась Глафира, и тотчасъ перемѣнила разговоръ, и принужденная улыбка сдѣлала ее еще безобразнѣе и отвратительнѣе. Елисавета была всегда *фавориткою* Сундукова. И, въ самомъ дѣлѣ, прежде замужства, веселый нравъ, остроуміе и любезность ея всѣмъ нравились. Впрочемъ, и того уже было слишкомъ досажительно для пріобрѣтенія благосклонности Сундукова, что жена его перестала не могла Елисаветы.

« Очень благодаренъ вамъ , милая и добрая Княгиня Елисавета Васильевна, » сказалъ онъ, цѣлуя ея руку, « что вы не забыли старыхъ знакомыхъ. — Здоровъ ли вашъ Князь? Я думалъ, что и онъ съ вами пріѣдетъ. »

— Когда ему! — отвѣчала Елисавета. — Теперь рабочая пора, и онъ безпрестанно въ полѣ. —

« Онъ всегда былъ хорошій хозяинъ; у него и нашему брату, сарику, еспъ чему поучиться. Я непременно къ вамъ пріѣду; но не прежде, когда вы возвратитесь: я не люблю ѣздить шуда, гдѣ не надѣюсь найти навѣрное хозяйку. »

— Мѣстоположеніе въ Никольскомъ, говоряшъ, прекрасное — сказала Глафира, желая переменить разговоръ. —

« Да, мѣстоположеніе многимъ нравится, » отвѣчала Елисавета, « а теперь и старинный домъ нашъ принялъ совсѣмъ другой видъ, съ шѣхъ поръ, какъ вновь прекрасно ондѣланъ и меблированъ. »

— Какъ : опдѣланъ и вновь меблированъ ? Князь нѣсколько разъ увѣрялъ , что покаместъ онъ живъ , никогда ничего не переменитъ. —

« Да, это онъ *тебѣ* говорилъ » — замѣтилъ, съ коварною улыбкою, Сундуковъ — « но ты теперь сама видишь, что молодая , прелесная женщина можешь все по своему поспавить ! »

Глафира покраснѣла отъ досады; Сундукова, въ ужасномъ бѣшенствѣ, на силу удерживала себя ; вѣрь ей очень справедль ; но , скрѣпя сердце, она молчала, и Елисавета не могла скрыть поржесивенной улыбки. Общій разговоръ на нѣсколько секундъ прекратился. Въ это время пріѣхала Фамусова , съ дочерью ; ихъ только и ожидали, и пошчасъ пошли къ сполу.

За обѣдомъ опличалась болѣе всѣхъ Фамусова: она подробно рассказывала о хозяйствѣ своемъ, о приготовленіи впрокъ разныхъ овощей и фруктовъ , о необыкновенныхъ способностяхъ дочери ея

къ музыкѣ, панцамъ и рисованью, сообщая къ общему свѣдѣнію разные анекдоты объ ея молодоспи, и какъ, когда, при комъ, какое именно оспрое слово она сказала, чѣмъ и опъ чего была она больна, и кто ее лечилъ. Во весь шоль она одна шолько и говорила, и всѣмъ надобла. Топчасъ послѣ обѣда Елисавета отправилась домой, сознавшись сама себѣ, что удовольствіе помучить бывшую соперницу слишкомъ вознаграждалось упомипельною скукою въ общеспвѣ ея машери.

« Намъ вѣрно будетъ веселѣе у Фамусовой » — сказала она Софѣ, ѣхавши съ нею домой. — « Тамъ глупость, чванство и дурной вкусъ слишкомъ очевидны, и мы посмѣемся опъ чистаго сердца. Во что-бы то ни спало, а Петра Ѳедоровича я непременно пошщу съ собою: онъ насъ позабавитъ на счепъ хозяевъ. »

— Вотъ самое христіанское и доброе намѣреніе! — отвѣчала Софья. — Эшого я

онъ себя не ожидала. Конечно, не лзя не находишь смѣшными глупыхъ, необразованныхъ людей, вышедшихъ изъ низкаго званія, когда хотяшъ они играшъ ролю знашныхъ; но ѣхашъ только для того, чѣобы смѣяшся надъ ними — это уже слишкомъ! —

«Бѣдная Софья!» сказала засмѣявшись Елисавета. «Ты создана совсѣмъ не для здѣшняго свѣта: такая спрогая добродѣтель приведетъ тебя прямо въ монастырь. Важное преступленіе — забавляшся надъ дураками! Да, они созданы для этого. Я расскажу твои слова Петру Федоровичу; мы вмѣстѣ съ нимъ посмѣемся надъ тобою.»

Между тѣмъ онѣ пріѣхали, и Аглаевъ вышелъ встрѣтивъ ихъ на крыльцѣ. «Посмотри, какое у него постное лицо; въ самомъ дѣлѣ надобно развеселишь его» — сказала Елисавета. Софья тихо замѣтила, что Аглаевъ былъ печаленъ, и въ дурномъ расположеніи. «Вѣрно какая ни-

будь неосторожность Каперины, на
 счепъ ея ребенка, причиною этого » —
 думала она. — Аглаевъ помогъ выйдши
 изъ карешы, и на шушки Елисаветины,
 что онъ слишкомъ задумчивъ, принуж-
 денно улыбался. Софья, не сказавъ ему
 ни слова, поспѣшила къ сеспрѣ; въ го-
 спиноу ея не было, и Софья нашла ее въ
 дѣтской, въ горькихъ слезахъ, подлѣ ко-
 лыбели спящей дочери. « О чемъ ты пла-
 чешь? » спросила у нея Софья. Капери-
 на бросилась въ ея объятія, и опъ слезъ
 не могла сказать ни одного слова. — « Да,
 что такое? » повторила Софья. — Сама
 посуди, виновата-ли я — опвѣчала Капе-
 рина, заливаясь слезами. — Послѣ обѣда
 предложилъ онъ мнѣ играть въ шахма-
 ты, хоша видѣлъ, что должно бы-
 ло уложить Соничку спать. Онъ раз-
 сердился за опвѣщъ мой, что мнѣ нѣ-
 когда. Если-бы я выѣзжала, если-бы пред-
 почиала разсѣянiе и удовольствiе дол-
 гу моему, то ни сколько-бы не дивилась,
 что онъ сердится; но какъ можно спа-

вишь мнѣ въ вину, что я занимаюсь дома, и пекусь о собственномъ его ребенкѣ!—

«Какъ трудно быть счастливою въ супружествѣ! «подумала Софья, со вздохомъ.» Безпрерывныя представляются преграды на этомъ трудномъ поприщѣ, и самыя похвальные чувства могутъ имѣть такія непріятныя послѣдствія.... Ты видишь — сказала она сестрѣ «— пепушка справедливо предостерегала тебя, что нельзя исключительнo заниматься однимъ только ребенкомъ, и мать должна всегда помнить, что она при томъ и супруга. Мужъ твой не любитъ уединенія, ему нужно общество, и ежели не найдетъ онъ разсѣянія въ собственномъ своемъ домѣ, то будетъ искать его въ другомъ мѣстѣ. Ты сама приучила его къ этому, была всегда съ нимъ, старалась во всемъ ему угождать; теперь, увидѣвъ въ тебѣ перемѣну, онъ будетъ скучать домашнею жизнью, и современемъ ты сама будешь, можешь быть, жаловаться, что онъ оставилъ тебя. Мужчины, какъ-бы спра-

сно ни любили они дѣшей своихъ, не могушъ войдши въ чувствва мащери, не могушъ имѣшъ эшого, иногда даже мѣлочнаго вниманія, ни эшого нѣжнаго по-печенія, и иногда слишкомъ даже увели-ченнаго опасенія мащери на счешъ здо-ровья ребенка. Твой мужъ видишъ, что Соничка, благодаря Бога, весела, знаешъ, что за нею смотряшъ няня и кормилица, и почиашъ, можешъ бышъ, швоею прихощю, что шы не хочешъ ошойдши ошъ ея колыбели, покамѣшъ она совсѣмъ не заснешъ. Но къ чему повшоряшъ то, что шы сама знаешъ? Я увѣрена, что шы лучше меня разсудишъ и придумаешъ, какъ шебѣ должно дѣйствовашъ въ нынѣшнюю, правду сказашъ, крипическую эпоху швоей жизни.»

Кащерина продолжала плакашъ; едва могла Софья уговоришъ ее пересшашъ, и придши ужинашъ, вмѣспѣ со всѣми. Она явилась съ блѣднымъ лицомъ, запла-канными, и даже распухшими ошъ слезъ глазами.

« Я очень радъ, что теперь нѣтъ никого посторонняго, » сказалъ Аглаевъ, поцѣловавъ у нея руку. « Посмотри на себя въ зеркало: иной могъ-бы подумашь, что я прибилъ тебя! »

— А! такъ и вы иногда ссоритесь? — сказала Елисавета. — Я очень этому рада; не я-же одна бранюсь съ моимъ мужемъ. Однакожъ я умнѣе тебя, Капери-на: супругъ мой никогда не имѣетъ удовольствія видѣть, какъ я плачу. У меня есть свой языкъ, и, вѣрно, я никогда не спущу ему; тебѣ же совѣтую дѣлать.

« Хотя непріятно видѣть прекрасное личико моей Капюльки обезображенное слезами, однакожъ все лучше, нежели вашъ совѣтъ. Полно, мой другъ » — продолжалъ Аглаевъ, обращаясь къ женѣ своей — « переспань; завтра мы все расскажемъ Софѣ Васильевнѣ, и сдѣлаемъ ее судьей нашимъ. Пусть она рѣшитъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. »

Каперица старалась преодолѣть себя, но тщетны были все ея усилія удерж-

жашь слезы; она ушла къ себѣ въ спальню и не могла ужинашь. На другой день, рано ушромъ, Аглаевъ разсказалъ Софѣ все происшесшвіе.

«Топчасъ, какъ вы поѣхали, мы сѣли обѣдашь. Ты сама знаешь привычку мою: послѣ обѣда куришь шрубку, пишь кофе, и въ это время сыграшь одну, или двѣ паршіи въ шахмашы; припомъ-же и шы и она наканунѣ обыграли меня; мнѣ хошѣлось доказашь, что я проигралъ не опъ того, что не умѣю, а точно попому, что не занялся игрою. Но несносная дѣвчонка наша кричала во все горло, шакъ, что не было покоя опъ нея во всемъ домѣ. Кашинька пошла унимашь ее, а я покамѣспъ спалъ чишашь книгу, крѣпко заснулъ, и почти до самаго чая проспалъ. Съ головою болью, попому, что мнѣ послѣ обѣда совсѣмъ негодишся снашь, я опправился въ дѣшскую. Соничка была очень мила, плясала, улыбалась, прошигивала ручонки, и сама пошла ко мнѣ. Съ полчаса дчень пріятно

пробылъ я въ дѣтской. Между шѣмъ время уже было подавашь чай; я звалъ Кашиньку въ садъ. Ты знаешь, что я люблю пить чай на свѣжемъ воздухѣ, курия шрубку. Она общалась пошчасъ придши, и говорила, что только уложивъ спать Соничку. Я замѣтилъ, что это можно было и безъ нея сдѣлать; она отвѣчала мнѣ по Французски, что няня не очень ловка, и она на нее не надѣется. Такимъ образомъ отпра- вился я одинъ пить чай, выкурилъ шруб- ку, читалъ книгу; все это мнѣ чрезвы- чайно надоѣло, и въ 8-мъ часу пошелъ я опять въ дѣтскую, посмошрѣть, что дѣлаешь шамъ Кашинька. Я нашелъ, что Соничкѣ не угодно было ложиться спать, и маменька все время изволила забав- лять ее, пѣла и плясала передъ нею. При- знаюсь, это вывело меня изъ терпѣнія: какъ можно пять, или шесть часовъ сря- ду занимать такимъ вздоромъ! Я раз- сердился, и ушелъ гулять одинъ. Она пошчасъ догнала меня; должно при-

знапсья : съ досады , наговорилъ я ей много непріятностей ; она спала плакань; это еще болѣе взбѣсило меня. . . . Теперь мнѣ досадно на себя, что я пакъ забылся и огорчилъ Капшиньку. Но ты сама , сеспра , согласишся , что цѣлый день сидѣшь одному совсѣмъ непріятно. Ушромъ, до обѣда, могу я кое-какъ побыть въ моемъ кабинетѣ ; но вечеромъ мнѣ нужно разсѣянiе; я склоненъ къ ипохондрiи, прошивъ кошорой мнѣ надобно безпресшанно бороться , и ежели такая жизнь долѣе продолжшся , то , право , я долженъ буду ѣздишь по госпямъ. Ты не вѣкъ будешь жишь здѣсь; когда уѣдешь, то не съ кѣмъ мнѣ будешь слова промолвишь , пошому , что Капшинька пи на минушу не хочеть выйдти изъ дѣтской. Ты, можешь бышь, скажешь, чтобы и я съ нею сидѣлъ шамъ ; но лепешанье , прыганье ребенка, разговоры няни и кормилицы—все это чрезвычайно скучно. »

Софья не могла совершенно оправдани сеспры, но убѣждала Аглаева не сер-

дѣлаться на нее, пошому, что такая слабосиль извинительна въ мапери; одна-кожъ она общалась поговориль съ нею.

Каперица весь слѣдующій день при-нуждала себя, и не безпрестанно была съ ребенкомъ своимъ; но въ то время, когда оплучалась она изъ дѣтской, и сидѣла со всѣми, такая печаль, такая тоска замѣшны были на лицѣ ея, что Аглаевъ самъ совѣшовалъ — или велѣшь при-носить ребенка въ гостиную, или ей поскорѣе идти въ дѣтскую. Только при взглядѣ на дочь свою, Каперица стано-вилась спокойна и весела.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Semejstvo Cholmskich Něktoryja čerty nraovov i obraza žizni, semejnoi i
odinokoj, russ. dvorjan

Bd.: 2. (1832). - 297 S.

Moskva 1832

P.o.russ. 81 h-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610137-1